

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Воронежский государственный университет»
(ФГБОУ ВО «ВГУ»)

На правах рукописи

ГУЩИНА Анна Ивановна

**ПРОБЛЕМАТИКА И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ БЕРНХАРДА ШЛИНКА**

Специальность 10.01.03 – литература народов стран зарубежья
(литература стран германской и романской языковых семей)

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:

доктор филологических наук, доцент

Чугунов Дмитрий Александрович

Воронеж – 2021

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Художественные особенности прозы Б. Шлинка о прошлом	17
§ 1. Фигура Бисмарка в произведениях Б. Шлинка	23
§ 2. Фигура Гитлера в произведениях Б. Шлинка	35
§ 3. Тема нацистского прошлого в произведениях Б. Шлинка	45
§ 4. Художественная репрезентация «немецкого экономического чуда» в произведениях Б. Шлинка	54
Глава 2. Художественные особенности прозы Б. Шлинка о Родине (Отечестве)	69
§ 1. Германское Отечество в произведениях Б. Шлинка	71
§ 2. Образ Восточной и Западной Германии, восточных и западных немцев в произведениях Б. Шлинка	82
§ 3. Образ Америки глазами героев Б. Шлинка	98
Глава 3. Образ современного человека в осмыслении Б. Шлинка	104
§ 1. Человек в поиске любви	105
§ 2. Человек в поиске счастья	119
§ 3. Человек перед лицом представителей другого поколения	130
Заключение	142
Список литературы	149

Введение

Бернхард Шлинк (Bernhard Schlink, род. в 1944 г.) – один из известнейших современных писателей Германии.

В 1987 г. в сотрудничестве с Вальтером Поппом Бернхард Шлинк опубликовал криминальный роман «Правосудие Зельба» (*Selbs Justiz*). Годом позже из-под пера Б. Шлинка вышел роман «Гордиев узел» (*Die gordische Schleife*, 1988). В 1992 г. появилось продолжение детективной истории про частного детектива Зельба – «Обман Зельба» (*Selbs Betrug*, 1992)¹.

Литературные опыты Б. Шлинка чаще всего встречали положительный приём у критиков и в читательской среде. Так, по мнению Петера Кюммеля, детективы о сыщике Зельбе являются «симпатичными романами, которые выделяются из общей криминальной “пищи”»². Не менее высокую оценку получил и «Гордиев узел», который многие ставят выше знаменитого «Чтеца»³.

В целом уже в ранних произведениях Шлинка можно отметить авторское умение точно передать колорит местности и менталитет действующих лиц, умение создавать запоминающиеся характеры и находить важные детали в описаниях.

Настоящая литературная слава пришла к Б. Шлинку в 1995 г. – после опубликования романа «Чтец» (*Der Vorleser*). Роман был переведён на 39 языков и экранизирован.

По мнению большинства немецких критиков, этот роман отразил «в экстремально усиленной форме мучительный опыт, с которым ещё и сегодня сталкивается поколение “внуков”»⁴. Когда через некоторое время после

---

¹ То, что Б. Шлинк вступил в мир художественной литературы как автор детективов, совершенно не удивительно. Будучи юристом по профессии, он активно участвовал в событиях 1989 и 1990 гг., оказавшись в числе разработчиков проекта новой Конституции, которая вступила в силу после объединения ФРГ и ГДР. Кроме того, в августе 2005 г. именно Б. Шлинк представлял интересы Федерального правительства перед Федеральным конституционным судом в процессе по жалобе двух депутатов Бундестага, протестовавших против решения Федерального президента Хорста Кёлера распустить Бундестаг и назначить новые выборы.

² Kummel, P. Ein ansprechender Roman, der aus der Krimi-Einheitskost hervorsticht // Krimi-Couch. 2003. Mai. URL: <https://www.krimi-couch.de/titel/729-selbs-betrug/> (дата обращения: 27.12.2018).

³ См., напр., отзывы читателей на сайте www.krimi-couch.de

⁴ В ориг.: «“Der Vorleser” präsentiert in einer ins Extreme gesteigerten Form jene verstörende Erfahrung, mit der sich auch noch die heutige Enkelgeneration konfrontiert sehen kann» (Deißner, D., Lindemann, T. Ist “Der

окончания Второй мировой войны стала вскрываться неудобная для национального самосознания правда о событиях нацистского прошлого, многим немцам приходилось решать: принимать ли её или закрывать глаза на случившееся, принимать ли и свою причастность, а также причастность своих близких к бывшему или дистанцироваться от трагичных фактов истории. Исследуя этот сложный психологический процесс, Шлинк в «Чтеце» смог прикоснуться к истокам чудовищных событий прошлого⁵. Ему удалось показать сложную коллизию между «принятием» и «пониманием» истории, показать: «кто понимает, тот не осуждает, а кто осуждает, тот не понимает»⁶. Не случайно в жанровом отношении роман стали причислять к «просветительским» произведениям, в которых деликатно изображены «чувства удовольствия, вины и стыда», взятые в перспективе немецкой послевоенной истории⁷.

Вместе с тем о романе появлялись и резко критические отзывы. Нора Бирих в статье под названием «Культурная порнография, пошлость Холокоста и ревизионизм», опубликованной в *Zeitgeschichte-online*⁸, отсылает читательское внимание к дебатам, организованным писателем Фредериком Рафаэлем, во время которых прозвучали резкие оценки морализаторства Шлинка. Писатель был обвинён не только в фальши повествования, но и вообще в «коллаборации со злом», после чего ему был вынесен вердикт: «В том случае, если литература должна иметь какое-либо значение, то там нет места “Чтецу”»⁹. Похожей точки зрения придерживается и Г. Жозеповичи,

---

Vorleser” ein großer Roman? // Die Welt. 2007. 07. Okt. URL: <https://www.welt.de/kultur/article1241861/Ist-Der-Vorleser-ein-grosser-Roman.html> (дата обращения: 30.11.2018)).

⁵ Давид Дайснер и Томас Линдеман писали: «Die Größe dieses Buches wurzelt in der ungeheuren Begebenheit, von der es erzählt.» (Deißner, D., Lindemann, T. Ist “Der Vorleser” ein großer Roman? // Die Welt. 2007. 07. Okt. URL: <https://www.welt.de/kultur/article1241861/Ist-Der-Vorleser-ein-grosser-Roman.html> (дата обращения: 30.11.2018)).

⁶ Ibid.

⁷ В ориг.: «Subtil werden hier Gefühle von Lust, Schuld und Scham vor dem Horizont der deutschen Nachkriegsgeschichte ausgebreitet» (Gross, R. Kitsch und Tod // Frankfurter Allgemeine. 2009. 08. April. URL: <https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/debatten/schlinks-vorleser-kitsch-und-tod-1784197.html> (дата обращения: 27.12.2018)).

⁸ Bierich, N. Kulturpornografie, Holo-Kitsch und Revisionismus. Der Vorleser kommt ins Kino // *Zeitgeschichte-online*. 2009. Februar. URL: <https://zeitgeschichte-online.de/film/kulturpornografie-holo-kitsch-und-revisionismus> (дата обращения 01.12.2018).

⁹ Цит. по: Ibid.

который считает «книгу плохо написанной, сентиментально и нравственно возмутительной» и спрашивает себя «почему так много интеллигентных людей, среди которых много евреев, находят этот роман трогательным и глубоким?». Подобные негативные оценки представляются нам довольно надуманными, ибо пафос Шлинка заключается как раз не в навешивании ярлыков, а в утверждении важности трудной и долгой работы по осмыслению деликатных моментов национального прошлого.

После обретения широкой литературной славы Б. Шлинка ещё более двух десятилетий совмещал юридическую, преподавательскую и литературную деятельность, пока в 2009 г., после выхода на пенсию, писательство не осталось его единственной профессией. Начиная с 2000-го из-под его пера вышли сборник рассказов «Другой мужчина» (*Liebesflüchten*, 2000), ещё один детективный роман об известном сыщике – «Прощание Зельба» (*Selbs Mord*, 2001), социально-критические романы «Возвращение» (*Die Heimkehr*, 2006) и «Три дня» (*Das Wochenende*, 2008), сборник рассказов «Летние обманы» (*Sommerlügen*, 2010), романы «Женщина на лестнице»¹⁰ (*Die Frau auf der Treppe*, 2014), «Ольга» (*Olga*, 2018).

В романе «Возвращение» Шлинка продолжил размышления над национальным прошлым. Писатель вновь обратился к таким вопросам, как «непреодолённое прошлое», «коллективная вина», «отношения отцов и детей», «противостояние поколению отцов», «персональная ответственность за кровавое прошлое»... Характеризуя художественную манеру произведения, литературный критик редакции «Немецкого радио» (*Deutschlandrundfunk*) М. Шмиц обратила внимание на подчёркнутую безэмоциональность романа¹¹. Её удивило нарочитое спокойствие автора в эпизодах, где речь шла о трагических событиях 1960–1970-х гг.

---

¹⁰ Буркхард Мюллер в 2014 г. на страницах *Süddeutsche Zeitung* даёт интересную характеристику романа – «ловкая комедия о переплетении искусства и жизни». (Müller, B. Der verschollene Akt // *Süddeutsche Zeitung*. 2014. 28. Aug. URL: <https://www.sueddeutsche.de/kultur/bernhard-schlinks-roman-die-frau-auf-der-treppe-der-verschollene-akt-1.2105736> (дата обращения: 02.03.2020)).

¹¹ Schmitz, M. Heimkehr als Utopie // *Deutschlandrundfunk*. 2006. 09. April. URL: https://www.deutschlandfunk.de/heimkehr-als-utopie.700.de.html?dram:article_id=82670 (дата обращения: 03.12.2018).

Любопытно, что подобное суждение не было единственным в этом роде. Абсолютно неприемлемым назвал «недостаточное литературное качество» романа Дж. Кавелти, охарактеризовавший стиль Шлинка как «расхлябанный», а действующих лиц – как «деградирующих»¹².

Можно предположить, что в данном случае литературная критика недостаточно верно оценила художественный замысел писателя, как раз и заключающийся в попытке максимально дистанцироваться от эмоционального втягивания в дискуссии о прошлом. Как нам представляется, Б. Шлинк уловил общую тенденцию рубежа XX–XXI вв. – стремление подвести итоги долгим разговорам о прошлом, а потому большее внимание сосредоточил не на вопросах стиля и построения образов, а на ясности и логичности суждений в романе¹³.

Тема прошлого ясно прозвучала и в романе «Три дня» (2008), центральной мыслью которого также стало размышление о «передаче вины поколения родителей как проклятья на детей»¹⁴. При этом Б. Шлинк выбрал иной исторический материал для повествования. В данном романе, как и в предыдущих, ключевыми пунктами размышлений являются «коллективная вина», «грешный мир», «убийца и жертва», однако теперь речь идёт не о временах Третьего рейха, а о более поздних – 1960–1970-х гг. Р. Кеммерлинг назвал роман «политическими воспоминаниями защитника в суде в форме романа», усматривая в его исповедальном характере определённый религиозный подтекст. В статье во «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» он провёл параллель между встречей Йорга (пробывшего 24 года в заключении по делу РАФ) и его прежних товарищей по левому движению с Тайной вечерей

---

¹² Cavelti, G. Rezensionennotiz zu Neue Zürcher Zeitung // Perlentaucher. 2006. 22. April. URL: <https://www.perlentaucher.de/buch/bernhard-schlink/die-heimkehr.html> (дата обращения: 29.12.2018).

¹³ Указания литературных критиков на особую форму повествования, типичную для Шлинка, где практически нет места ярко выраженным эмоциональным переживаниям, на умение автора дистанцироваться от патетических всплесков и реплик заставляют задуматься об индивидуальных характеристиках поэтики Шлинка. При этом сразу заметно, что большинству его произведений свойственны лаконичность, логичность, безэмоциональность и стремление подвести определённого рода итоги прошедшим историческим событиям.

¹⁴ Kämmerlings, R. Täter, die im Regen stehen // F.A.Z. 2008. 01. März. Nr. 52 / Seite Z5. URL: <https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/rezensionen/belletristik/bernhard-schlinks-raf-roman-taeter-die-im-regen-stehen-1515492-p2.html> (дата обращения: 04.12.2018).

Спасителя и двенадцати апостолов. Кроме того, в повествовании видели и аллюзию на совсем недавние события 11 сентября 2001 года¹⁵.

Довольно быстро общим местом в рецензиях и критических обзорах стали размышления о стилевых особенностях произведений Б. Шлинка. Так, П. Куммель отметил, что, например, детективная трилогия о Зельбе притягивает читателя не только сюжетом, но и «естественностью действующих лиц». Стиль изложения у Шлинка вовсе не такой, какой можно было бы ожидать от юриста: «его предложения коротки, однако, не лишены иронии и остры», а в целом – «книга очень легка и быстро читается»¹⁶.

Немецкие критики сразу обратили внимание на особую, «классическую» манеру повествования Б. Шлинка – ясную, точную, местами едва ли не прохладно-отстранённую¹⁷. Шлинка не изменяет ей на всём протяжении творчества – от первого детективного романа из трилогии «Правосудие Зельба» и до романа «Ольга»¹⁸ (2018). Так, У. Грайнер называет язык Шлинка сухим и лаконичным, почти лишённым как экспрессивной вычурности, так и поражающей неожиданности в оборотах. По добродушному суждению критика, роман «Женщина на лестнице» оставляет читателя в спокойном состоянии, после прочтения книги «читатели могут спокойно лечь спать»¹⁹. Более резок в оценке романа был Т. Шульте, назвавший повествование «бледным и неточным» и предрекший взявшему книгу раздражение по прочтении её²⁰.

---

¹⁵ См.: Der Terrorismus, ein Krebsgeschwür. 2010. 26. Jan. URL: <https://www.buecherrezensionen.org/buecher/rezension/bernhard-schlink-das-wochenende.htm> (дата обращения: 04.12.2018).

¹⁶ Kummel, P. Sympathisch : die Natürlichkeit der Charaktere // Krimi-Couch.de. 2003. Mai. URL: <https://www.krimi-couch.de/titel/728-selbs-justiz/> (дата обращения: 21.12.2018).

¹⁷ См., напр.: Deißner, D., Lindemann, T. Op. cit.

¹⁸ У. Хайзе прямо включает последний роман Б. Шлинка в традицию немецкого социально-критического повествования, далёкого от современных постмодернистских опытов. См.: Heise, U. Bernhard Schlinks neue filmreife Story // Mitteldeutscher Rundfunk. 2018. 16. Jan. URL: <https://www.mdr.de/kultur/themen/buch-bernhard-schlink-olga-100.html> (дата обращения: 30.11.2018).

¹⁹ Greiner, U. Einer, der etwas riskiert // Die Zeit. 2014. 21. Aug. Nr. 35. URL: <https://www.zeit.de/2014/35/bernhard-schlink-roman> (дата обращения: 03.12.2018).

²⁰ Schulte, T. Oberlehrerhaft vorgetragene Trivialitäten Bernhard Schlinks neuer Roman “Die Frau auf der Treppe” enttäuscht // Literaturkritik. 2014. Sep. Nr. 9. URL: <https://literaturkritik.de/id/19526> (дата обращения: 04.12.2018).

В то же время манера лёгкого и непринуждённого общения автора с читателем подкупила К. Майдт-Зинке при оценке малой прозы Шлинка. Как в сборнике рассказов «Другой мужчина» (2000), так и в «Летних обманах» (2010) Шлинк отошёл от большой темы германского прошлого и обратился к изображению повседневности. Герои его рассказов оказались свободными от переживаний, связанных с политикой, их интересовали лишь их собственные слабости и страхи, желания и самообманы. Типичной чертой всех рассказов в обоих сборниках является наполовину открытый конец истории, позволяющий читателю самостоятельно прогнозировать будущее персонажей. И здесь дистанцированность автора от изображаемого, его кажущаяся эмоциональная сдержанность стали определённой изюминкой. По мнению критика, вызывает восхищение умение автора одновременно отстраняться от происходящего и глубоко проникать в суть изображаемого²¹. Согласен с К. Майдт-Зинке и Т. Вирц, так характеризуя сборник «Другой мужчина»: ему «чужды языковой карнавал и буйство конфетти распространённых средств выразительности» и, напротив, «близка бесконечная первая среда Великого поста»²².

Похожую стилистическую краткость и даже «чопорность» усматривали и в романе «Женщина на лестнице»²³.

Характеризуя место Б. Шлинка в истории немецкой литературы в целом, критики часто отмечали созвучие его художественной манеры традициям реализма XIX в. Так, например, У. Хайзе провёл параллель между его произведениями и книгами В. Раабе, Г. Келлера, Л. Тома, отдельно указывая на схожую содержательную насыщенность романов Б. Шлинка и Т. Фонтане

---

²¹ См.: Mäidt-Zinke, K. Ein standesgemäßer Zeitvertreib // Die Zeit. 2010. 23. Sep. Nr. 39. URL: <https://www.zeit.de/2010/39/L-B-Schlink> (дата обращения: 05.12.2018).

²² Wirtz, T. Immer nur lebenslänglich // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2000. 12. Feb. Nr. 36 / Seite V. URL: <https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/rezensionen/belletristik/rezension-belletristik-immer-nur-lebenslaenglich-110380.html> (дата обращения: 06.12.2018).

²³ См.: Ferri, M. Rezension : Bernhard Schlink – Die Frau auf der Treppe // Buecherrezension. URL: <https://buecherrezension.com/2014/09/05/rezension-bernhard-schlink-die-frau-auf-der-treppe-diogenes-2014/#comments> (дата обращения: 03.12.2018).

и их социально-психологический характер²⁴. С У. Хайзе во многом соглашается Т. А. Шарыпина, замечая, что большинство произведений Б. Шлинка несёт на себе отпечаток типично немецкого взгляда на просветительство как основной инструмент исправления нравов. По её мнению, роман «Чтец» можно вообще рассматривать как своеобразный инвариант современного немецкого романа воспитания²⁵.

Х. Райхекель вписывает произведения Шлинка в общественный дискурс, связывая его проблематику с такими событиями, как «немецкая осень»²⁶ 1968 г. Особо он акцентирует внимание читателей на таком понятии, как «мифы РАФ» (*Mythos RAF*)²⁷.

К сожалению, ошеломляющий успех романа «Чтец», принесший Б. Шлинку мировую известность, во многих рецензиях и критических статьях превратил его в автора одного произведения (К. Кёлер, М. Мошиц-Леджли, Т. Оберендер, Н. Якоб и др.). Несмотря на разнообразие тем и проблем, открывающихся в последующих книгах Шлинка, все они так или иначе сравнивались с этим нашумевшим романом. Так, К. Кёлер (K. Köhler) рассматривает роман «Чтец» как «отражение ментальных процессов» в немецком послевоенном обществе²⁸. М. Мошиц-Леджли (Miriam Moschytz-Ledgley) в книге *Trauma, Scham und Selbstmitleid* («Травма, стыд и жалость к себе») рассуждает о том, как долго национальные травмы способны оставаться в памяти последующих поколений. По мнению критика, роман «Чтец»

---

²⁴ Напр.: «Weniger auf stilistischer Ebene, dafür aber umso mehr inhaltlich, denn wie Fontane verweigert der Künstler sich Klischees bei der Schilderung von Konflikten. Das Konstruktionsprinzip wirkt meisterlich und zeugt von Schlinks enormem kreativen Potential» (Heise, U.Op. cit.).

²⁵ См.: Шарыпина, Т. Немецкая «Одиссея» Бернхарда Шлинка // Вестник ННГУ. 2012. № 1–2. С. 267. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nemetskaya-odissey-a-bernharda-shlinka> (дата обращения: 25.11.2018).

²⁶ Reinhäkel, H. Traumatische Texturen. Der 11. September in der deutschen Gegenwartsliteratur.. Bielefeld: Transcript, 2012. S. 179–180. URL: https://books.google.de/books?id=ONKiBQAAQBAJ&pg=PA178&lpg=PA178&dq=bernhard+schlink+mythen+und+stereotypen&source=bl&ots=easiW_6Lv5&sig=ACfU3U3ehdSv93Yi9mq2USvZDmvUZ-CUcA&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKEwj_3pbw9jpAhUMqxoKHT3GAmYQ6AEwAnoECAkQAQ#v=onepage&q=bernhard%20schlink%20mythen%20und%20stereotypen&f=false (дата обращения: 31.05.2020).

²⁷ В данной книге Х. Райхекель отмечает, что роман Шлинка «Три дня» был опубликован в юбилейный год «немецкой осени».

²⁸ Köhler, K. Alles in Butter : wie Walter Kempowski, Bernhard Schlink und Martin Walser den Zivilisationsbruch unter den Teppich kehren. Würzburg : Königshausen & Neumann, 2009. S. 251–252. URL: <https://books.google.ru/books?id=sYYHtDcoJHQC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 16.03.2021).

является иллюстрацией того, как «историческая травма может передаваться по наследству следующим поколениям» (т. е. поколениям детей и внуков. – А. Г.)²⁹.

В отечественном литературоведении исследовательский интерес к произведениям Шлинка распределяется далеко не равномерно. Наибольшей «популярностью» пользуется роман «Чтец». Так, о динамичности авторской картины мира в своей статье размышляет О. О. Николаева, об особенностях передачи идиостиля Шлинка пишет Н. В. Глухова, о проблеме «непреодоленного прошлого» пишут Н. И. Платицына, В. П. Андриенко, также тема «непреодоленного прошлого» и Холокоста в произведениях Шлинка затрагивается в статьях Е. С. Ивановой, анализирует малую прозу Бернхарда Шлинка И. Н. Кудрявцева, особое внимание тематике его творчества уделили Д. А. Чугунов в своей монографии «Немецкая литература 1990-х гг. Ситуация поворота» и Г. А. Кучумова в монографии «Немецкоязычный роман 1980–2000 гг.: курс на демифологизацию». О. В. Тихонова выделяет в прозе Шлинка константы жанра криминального романа (трилогия про детектива Зельба). Н. Н. Кудашову в статье «Основы текстового антропоцентризма в лингвокогнитивном освещении (на материале романа Б. Шлинка «Чтец»)» интересуют лингвокогнитивные особенности текстопостроения романа «Чтец». При этом до настоящего момента не появилось обобщающего труда, в котором творчество Шлинка исследовалось бы в целом, где совершались бы глубокие обобщения.

---

²⁹ Напр.: «Wie ein Geschichtstrauma sich an folgende Generationen vererben kann» (Moschytz-Ledgley, M. Trauma, Scham und Selbstmitleid : vererbtes Trauma in Bernhard Schlinks Roman “Der Vorleser”. Marburg : Tectum-Verl., 2009. 88 S. URL: https://www.ebook.de/de/product/9622262/miriam_moschytz_ledgley_trauma_scham_und_selbstmitleid.html?ref=9359_1615968839_e06de5263f3f80254eac70c8b36cd857&awc=9359_1615968839_e06de5263f3f80254eac70c8b36cd857&adCode=532Q10V31N01Y&utm_source=zx&utm_medium=af&utm_content=T&utm_campaign=linkbuilder (дата обращения: 17.03.2021)).

Практически все исследователи – и зарубежные, и отечественные – сходятся во мнении, что Шлинка – один из «самых известных немецких писателей современности»³⁰.

Произведения Шлинки по уровню общественного пафоса можно поставить в один ряд с произведениями Бёлля, Грасса, Вольф и др., хотя, разумеется, не стоит искать в манере Шлинки любовь Г. Грасса к «гротескному изображению действительности»³¹ или склонность К. Вольф к мифологическим обобщениям и мифологическим образам³².

Объектом исследования в диссертационной работе является проза Шлинки, **предметом** исследования – проблематика и художественные особенности его произведений.

Актуальность настоящей **работы** определяется необходимостью исследовать самостояние Шлинки в современной немецкой литературе, обозначить основные темы, затрагиваемые автором, рассмотреть проблематику его прозы. Творчество Шлинки приходится на период изменения многих ценностных парадигм немецкого общественного сознания и отображает меняющееся отношение общества как к проблемным вопросам прошлого, так и к вызовам современности. В существующей критической литературе в недостаточной степени отражено тематическое многообразие произведений писателя и недостаточно осмыслены характерные художественные приёмы и подходы писателя к изображаемому материалу.

Характеризуя **степень разработанности** темы диссертационного исследования, отметим, что в отечественной науке отсутствуют серьёзные системные исследования, посвящённые пониманию тематики и проблематики произведений Шлинки, художественным особенностям его прозы в целом.

---

³⁰ См., напр.: Magenau, J. Schreiben macht glücklich // Tagesspiegel. 2014. 04. Juli. URL: <https://www.tagesspiegel.de/kultur/bernhard-schlink-zum-70-schreiben-macht-gluecklich/10154614.html> (дата обращения: 04.06.2020).

³¹ Добряшкіна, А. В. Гротеск в творчестве Гюнтера Грасса : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.03. Москва, 2005. 160 с.

³² См.: Воротникова, А. Э. Миф в романе К. Вольф «Кассандра» : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.03. Воронеж, 2001. 194 с.

Можно отметить лишь отдельные работы (Г. В. Кучумовой, Д. А. Чугунова, Т. А. Шарыпиной и др.), посвящённые частным вопросам.

Цель диссертационного исследования заключается в представлении прозы Шлинка как художественного целого и в определении ключевых художественных приёмов его повествования.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

1. Выделение круга важнейших тем в творчестве Шлинка и обозначение специфики авторского подхода к определённым культурно-историческим феноменам.

2. Исследование значимости мифологического компонента в определённых событиях немецкой истории, отображённых в прозе Шлинка.

3. Рассмотрение особенностей авторского подхода к общественным мифам, нашедшим отражение в произведениях Шлинка.

4. Анализ форм авторского осмысления важнейших исторических, культурных, политических событий в жизни Германии, а также религиозных, социальных и других черт немецкого общественного сознания XX в.

Выполнение указанных задач и исследование проблематики и художественных особенностей произведений позволит глубже понять своеобразие художественной системы Б. Шлинка и его место в современной немецкой литературе.

Для решения поставленных задач в работе использовались компаративный, культурно-исторический, биографический, описательный **методы**.

Материалом для настоящей работы послужили следующие книги: «Правосудие Зельба» (1987), «Гордиев узел» (1988), «Обман Зельба» (1992), «Чтец» (1995), «Другой мужчина» (2000), «Прощание Зельба» (2001), «Возвращение» (2006), «Три дня» (2008), «Летние обманы» (2010), «Размышления о писательстве. Гейдельбергские лекции» (*Gedanken über das Schreiben*, 2011), «Женщина на лестнице» (2014), «Ольга» (2018).

Исследовательскую базу работы составили художественные и публицистические тексты немецкой литературы периода XX – начала XXI в.

Гипотеза исследования состоит в том, что Шлинка как автор сознательно занимает в литературном процессе позицию писателя-интеллектуала, аналитически подходящего к знаковым событиям немецкой истории и к определённым тенденциям современности. В произведениях Шлинки не только отразился завершающий этап размышлений о немецком «прошлом», свойственных литературе после 1945 г., но и проявили себя попытки осмыслить трансформацию определённых понятий (Родина, поколение, личность в истории, индивидуум и т. п.) в современном немецком общественном сознании.

Научная новизна настоящего исследования заключается в том, что в диссертации:

- впервые в отечественном литературоведении аналитизм обозначен как ключевой принцип художественного повествования Б. Шлинки;
- показаны формы проявления в прозе Б. Шлинки важнейших политических, исторических и культурных мифов, существующих в немецком национальном сознании;
- выделены основные приёмы шлинковского повествования, сюжетопостроения и выражения авторской позиции.

Теоретическая значимость исследования обусловлена тем, что в нём показывается значимость историко-культурного контекста для понимания прозы Б. Шлинки, даётся представление о месте его произведений в немецком литературном процессе конца XX – начала XXI в.; проза Б. Шлинки определяется как художественный феномен, характерный для завершающего этапа немецкой «послевоенной» литературы.

Практическая значимость данного исследования состоит в возможности использования его материалов и результатов для разработки или расширения общих курсов по зарубежной литературе рубежа XX–XXI вв.,

спецкурсов по немецкой литературе, а также для дальнейшего изучения творчества Б. Шлинка и других представителей литературы этого периода.

Положения, выносимые на защиту:

1. Тематика произведений Б. Шлинка обусловлена характерными обстоятельствами немецкой национальной истории XIX–XX вв. Важнейшими темами прозы Б. Шлинка являются темы становления германского государства, поиска немцами собственного «места под солнцем» («Platz an der Sonne», Б. фон Бюлов) и границ немецкого Отечества, исторической памяти о переломных моментах национальной жизни, а также трансформации немецкого национального характера на протяжении XX столетия. Продолжая традиции многих немецких писателей, философов и социологов (Т. Манн, О. Шпенглер, Э. Блох, Г. Бёлль, Г. Грасс, К. Вольф и др.), Б. Шлинк стремится подвести определённый итог их размышлениям, в результате чего его проза может рассматриваться как символическое завершение «послевоенного» периода немецкой литературы.

2. Осмысляя определённые события немецкой истории, Б. Шлинк прежде всего обращается к их мифологическому отображению в общественном сознании. Ведя речь об общеизвестных фактах немецкой национальной истории, Б. Шлинк сосредоточивает своё внимание на трактовках этих событий, на влиянии национальной ментальности, на их оценке, на формировании или разрушении в общественном сознании устойчивых версий исторических событий.

3. Аналитический подход к исследованию ментальности происходящего характерен как для крупной, так и для малой прозы Шлинка, также заключающей в себе отображение мифологических представлений об истории и современном обществе, отображение различного рода социальных, психологических, религиозных и гендерных стереотипов в понимании «другого».

4. Для поэтики Б. Шлинка характерно такое построение произведений, при котором право оценивания происходящего делегируется

читателю. Чётко разделяя добро и зло, высокое и низкое, комическое и трагическое в немецкой жизни, Шлинк тем не менее никогда не поддаётся искушению морализаторства и преподнесения своему читателю готовых рецептов положительного поведения. Особенности его сюжетостроения, композиции его произведений (открытые финалы, риторические обращения рассказчика к читателю и самому себе, расследование как форма повествования, приём ретроспекции и т. д.) подводят читателя к необходимости самостоятельного поиска ответов на важнейшие вопросы современности. В этом видится устремлённость сознания писателя в будущее, его желание избежать однажды совершённых исторических и культурных ошибок.

5. Частое обращение к юридическим аспектам происходящего, представление точек зрения *pro et contra*, сопоставление действия и умысла, определённый лаконизм в выражении чувств и эмоций и, соответственно, доминирование рассудочности в изложении являются проявлением юридического опыта Б. Шлинка, в прошлом профессора права, члена земельного Конституционного суда и т. п.

Степень достоверности и апробация результатов работы. Основные положения научного исследования изложены в девяти научных публикациях, три из которых опубликованы в изданиях, рекомендованных ВАК РФ. Результаты работы были представлены на научных конференциях разного уровня: 1) XI Международной научно-практической конференции «Научный форум: филология, искусствоведение и культурология» (Москва, МЦНО Научный форум, 25 декабря 2017 г.); 2) научно-практической конференции (Воронеж, ВГУ, 2019, 2020 гг.); 3) XXXV Международной научно-практической конференции «Научный форум: филология, искусствоведение и культурология» (Москва, МЦНО Научный форум, 21 апреля 2020 г.); 4) XI Международной научно-практической конференции «Антропоцентрические науки: инновационный взгляд на образование и развитие личности» (Воронеж, ВГТУ, 16–17 апреля, 2020 г.); 5) аспирантских семинарах, проводимых

кафедрой истории и типологии русской и зарубежной литературы ВГУ (2018–2020 гг.); б) Международном научно-практическом семинаре «Язык. Культура. Перевод: современные технологии в лингвистике» (МГИМО Одинцовский филиал, 25–26 февраля 2021 г.).

Диссертация обсуждалась на кафедре истории и типологии русской и зарубежной литературы филологического факультета Воронежского государственного университета.

Структура работы: диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка литературы.

Глава 1. Художественные особенности прозы Б. Шлинка о прошлом

Выступая в 2010 г. с лекциями в Гейдельбергском университете и размышляя о том, что его всегда интересовало как автора, Шлинка признавался: ключевыми в его творчестве были три темы. Это прошлое, любовь и родина (см. книгу: «Мысли о писательстве» (*Gedanken über das Schreiben*, 2011))³³. При этом, обращаясь к важнейшим историческим и культурным событиям, Шлинка выступает не только в роли внимательного наблюдателя, но и вдумчивого мыслителя, постоянно задающего вопросы своему читателю³⁴.

Касаясь самой сути писательского процесса, Шлинка замечает, что для него лично он равен постоянному погружению в прошлое³⁵.

Характеризуя свои художественные устремления в целом, Шлинка прямо указал на то, что его книги представляют собой «описание прошлого». Он объяснил свою позицию так: «Я могу писать только о том, что я знаю, а я знаю только то, что уже произошло»³⁶. Это обстоятельство определило важнейшие лейтмотивы его произведений: чувства вины, стыда, испытываемые персонажами; историческое возмездие, настигающее тех или иных действующих лиц; размышление над вопросами правосудия в конкретных исторических обстоятельствах (в особенности применительно к его родине – Германии). Круг его интересов обширен: его авторский взгляд перемещается «от жертв Третьего рейха к жертвам ГДР». Его интересует в первую очередь «недавнее прошлое» («jüngste Vergangenheit»). Необходимо заметить, что

---

³³ Schlink, B. *Gedanken über das Schreiben*. Heidelberger Poetikvorlesungen. Zürich : Diogenes, 2011. S. 7, 37, 61.

³⁴ Так, герой его романа «Чтец» Михаэль Берг на страницах романа задаёт множество вопросов: «Что делать нам, новому поколению, с ужасными фактами истребления евреев? Стало быть, мы должны цепенеть в стыде, сознании своей вины в немоте? До каких пор?»

³⁵ Ориг.: «Alles Schreiben ist Schreiben über die Vergangenheit, heißt es in Bernhard Schlinks Heidelberger Poetikvorlesungen» (May, N. *Reiseführer in die Vergangenheit* // *Göttinger Tageblatt*. 2018. 12. Jan. URL: <http://www.goettinger-tageblatt.de/Nachrichten/Kultur/Weltweit/Reisefuehrer-in-die-Vergangenheit> (дата обращения: 16.04.2019)).

³⁶ В ориг.: «Ich kann nur über das Schreiben, was ich kenne, und ich kenne nur, was schon geschehen und also vergangen ist» (Ein anregender Spaziergang in Bernhard Schlinks *Gedanken* // *Klappentexterin und Herr Klappentexter*. 2011. 09. Okt. URL: <https://klappentexterin.wordpress.com/2011/10/09/ein-anregender-spaziergang-in-bernhard-schlinks-gedanken/> (дата обращения: 24.04.2019).

история тесно связана с понятием «память»³⁷. При этом читателя не должно удивлять отсутствие исторических «открытий» в произведениях Шлинка – в отличие от творчества Г. Грасса, Г. Бёлля и других немецких авторов. Дело в том, что Шлинк в своих произведениях обращается не столько к историческим событиям, сколько к памяти о них. Это можно объяснить общеевропейскими переменами в общественном сознании, связанными и со сменой поколений, и с продолжающимися поисками собственной национальной идентичности, и с необходимостью (в особенности для немецкой нации) выстроить в общественном сознании некую завершённую картину мира, исходя из которой Германия получила бы возможность строить, прогнозировать своё будущее.

Этот процесс похож на тот, что проходил в Германии во второй половине XIX в. Поиск и определение места Германии в мировом пространстве вёл к формированию коллективных представлений как о себе, так и о других нациях, это естественным образом стимулировало процесс мифотворчества, а также культивирование уже существовавших ранее мифов, из которых выбирались «удобные» и подвергались забвению «неудобные»³⁸. Шлинк хорошо понимает, что память является одним из сложнейших феноменов и одним из элементов формирования индивидуальной и коллективной идентичности. По этой причине Шлинку интересно поразмышлять о тех мифологических конструкциях, которые существуют в немецком сознании.

Характерным для сюжетов Шлинка является соединение временных пластов настоящего и прошлого. При этом об одних и тех же исторических событиях размышляют герои, принадлежащие к различным поколениям («отцов», «внуков»...), как это происходит, например, в романах «Чтец»,

---

³⁷ Некоторые учёные-лингвисты, например, М. Хальбакс и П. Нора, противопоставляют понятия «память» и «история». См.: Нора, П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 17–50 ; Хальбакс, М. Коллективная и историческая память // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 16–50.

³⁸ Так, например, можно указать на приравнивание после 1989 г. государственного строя бывшей ГДР к тоталитарной диктатуре, что имело целью принижение в общественном сознании социализма в целом.

«Возвращение», «Ольга». Именно поэтому некоторые критики называют его произведения большой панорамой современной немецкой истории³⁹.

Попытки рассмотреть прошлое, проанализировать его с мифологической стороны предпринимались не только Шлинком, но и многими немецкими писателями, философами и социологами (Т. Манн, О. Шпенглер, Э. Блох, Г. Бёлль, Г. Грасс, К. Вольф и др.). Считается, что Германия больше других стран нуждается в мифологии и мифах. Так, Э. Блох характеризует Германию как «огромный, кипящий контейнер прошлого». По мнению философа, «мифы порождают ложное сознание и укрепляют подсознание»⁴⁰. Словно вторит ему Г. Мюнклер в книге «Немцы и их мифы» (*Die Deutschen und ihre Mythen*, 2010)⁴¹, отмечая, что «нигде политические мифы не играли такой центральной роли, как в Германии». Мифологизирование становится нормой для Германии и немцев. Погружаясь глубоко в историю, автор приводит следующие мифы: «о Нибелунгах, о Фридрихе Барбароссе, Фаусте, о Фридрихе Великом, об Арминии, о Рейне, о Вартбурге, об экономическом чуде», которые «наложили отпечаток на нацию и её самоуверенность». Г. Мюнклер размышляет и о том значении, которое имеют мифы в Германии сегодня.

О важности исследования мифов в общественном сознании свидетельствовала и выставка *Deutsche Mythen seit 1945*, состоявшаяся в 2016–2017 гг. в Лейпциге. В заявленной программе значились «более 900 объектов важных мифов немцев со времён Второй мировой войны: “час ноль”, “экономическое чудо”, “антифашизм”, “чудо Берна” и др.»⁴².

Таким образом, определённой тенденцией в современных гуманитарных науках стало восприятие мифа как «особого типа общественного сознания, в

---

³⁹ Так, например, литературный критик Райнер Мориц (Rainer Moritz) характеризует романы «Чтец» и «Ольга». См.: Moritz, R. Bernhard Schlink lässt Bismarck in die Luft fliegen // *Neue Zürcher Zeitung*. 17.01.2018. URL: <https://www.nzz.ch/feuilleton/gesprengter-bismarck-ld.1347048> (дата обращения: 24.04.2019).

⁴⁰ Цит. по: Witzel, F. *Die Erfindung der Roten Armee Fraktion durch einen manisch-depressiven Teenager im Sommer 1969*. Berlin : Matthes & Seitz, 2015. S. 6–7.

⁴¹ Münkler, H. *Die Deutschen und ihre Mythen*. Berlin : Rowohlt, 2009. 606 S.

⁴² Ausstellung “Deutsche Mythen seit 1945”. URL: <https://www.hdg.de/zeitgeschichtliches-forum/ausstellungen/deutsche-mythen-seit-1945> (дата обращения: 20.04.2019).

котором сублимированы определённые черты мировосприятия жизни, практики коллектива»⁴³. Именно в этом смысле мы будем использовать «миф» в нашей работе, прослеживая также его отражение в автономных образно-повествовательных формах в художественном тексте⁴⁴.

В докторской диссертации Т. А. Шарыпина высказала справедливое замечание о том, что «периоды наибольшей притягательности классических образцов для немецких писателей приходятся на переломные эпохи в общественном развитии Германии, время утраты стабильности нравственных ориентиров и поисков новых этико-эстетических идеалов: рубеж XIX–XX столетий – эпоха в становлении новой германской государственности, трагическая эпоха 1930–1940-х гг., период 1970–1980-х гг. – время неприятия конформизма и идеологизированной нормативности в Восточной Германии, мучительный процесс объединения немецких земель на рубеже XXI в.». Последний определяет собственно интерес Шлинка к глубинным изменениям в общественном сознании, а сказанное прежде объясняет точки приложения его авторских усилий. Именно к мифам, сформировавшимся в XX в., и обращается Шлинка в своих произведениях, что обуславливает особый стиль повествования и определяет характерные художественные приёмы в его произведениях.

Подходя к рассмотрению произведений Шлинка и особенностей его творчества, следует выделить, в первую очередь, стремление писателя говорить о прошлом, направлять внимание читателей на те мифы, которыми

---

⁴³ Жизнь мифа в античности : материалы научной конф. «Випперовские чтения – 1985» / под общ. ред. И. Е. Даниловой. М. : Сов. художник, 1988. Вып. XVIII, ч. 2. С. 390.

⁴⁴ Говоря о мифах, следует сказать, что вопросы взаимодействия литературы и мифологии остаются предметом активного исследования многих учёных как в отечественном, так и в зарубежном литературоведении (К. Юнг, Э. Кассирер, Р. Барт, М. Элиаде, А. Ф. Лосев, Е. М. Мелетинский, Ю. М. Лотман, Э. Ф. Шафранская, Т. А. Шарыпина и др.). Одним из ведущих направлений современного литературоведения, по мнению Т. А. Шарыпиной, выступает изучение «сюжетов и образов национальных мифологий, а также специфики авторского мифологизирования». Далее Т. А. Шарыпина продолжает, отмечая актуальность «исследований художественного текста с точки зрения феномена национального кода в контексте исторической эпохи» (Шарыпина, Т. А., Меньщикова, М. К., Полуяхтова, И. К. Миф и европейское литературное сознание XIX–XX вв. (проблемы мифопоэтики и мифотворчества в трудах нижегородских учёных) // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2014. № 4 (32). С. 111–124. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mif-i-evropeyskoe-literaturnoe-soznanie-hih-hh-vv-problemy-mifopoetiki-i-mifotvorchestva-v-trudah-nizhegorodskih-uchyonyh> (дата обращения: 29.05.2020)).

окутана немецкая история, современное немецкое общество, и склонность автора анализировать возможное влияние мифов из прошлого на настоящее и будущее Германии.

В большинстве произведений Шлинка тема прошлого рано или поздно выходит на первый план. Уже в «Правосудии Зельба» (1987) детективные хитросплетения настоящего получили объяснение только благодаря обращению к тёмным событиям нацистского прошлого Германии. То же самое читатель смог увидеть и в «Чтеце» (1995), и в «Возвращении» (2008), и даже повседневные любовные истории в «Летних обманах» (2010) вращались вокруг лжи, которую допускали герои, чтобы спрятать своё прошлое. По замечанию К. Конноли, бравшей интервью у писателя для газеты «Гардиан» в 2012 г., Шлинка считает, что немцы не смогут так быстро покинуть своё прошлое, даже если это бремя из поколения в поколение делается легче⁴⁵. Писатель говорит: «Теперь я уже вижу, что у моего сына другое отношение к немецкому прошлому в отличие от меня. Но и оба моих внука должны будут ещё справиться с этим. Когда они едут за границу, путешествуют по Великобритании и смотрят там все эти фильмы, которые крутятся вокруг “плохих немцев”, они должны найти способ принять это и понять, что они должны вести себя по крайней мере тактично. Они должны узнать истоки этой ярости, узнать, что её вызывают настоящие раны, от которых некоторые ещё страдают»⁴⁶.

Шлинка никогда не отрицал сложных моментов национальной истории. Говоря об отношении к тем людям, для кого история не имеет смысла и не играет абсолютно никакой роли, отмечает, что сам он «не может представить,

---

⁴⁵См.: Connolly, K. Bernhard Schlink : Deutschsein ist “eine riesige Belastung” // The Guardian. 2012. 17 Sep. URL: <https://www.theguardian.com/world/2012/sep/17/interview-mit-bernhard-schlink> (дата обращения: 17.04.2019).

⁴⁶В ориг.: «Ich sehe jetzt schon, dass mein Sohn ein anderes Verhältnis zu der deutschen Vergangenheit hat als ich. Aber auch meine beiden Enkelkinder werden noch damit zurechtkommen müssen. Wenn sie ins Ausland gehen und nach Großbritannien reisen und sich dort alle diese Filme anschauen, die sich um den “schlechten Deutschen” drehen, müssen sie einen Weg finden damit umzugehen und zu verstehen, dass sie zumindest ein gewisses Taktgefühl schuldig sind. Sie werden lernen müssen, wo diese Wut herkommt, dass sie von echten Wunden kommt, die immer noch einige Menschen quälen» (Ibid.).

что живёт таким образом, и думает, что жизнь без истории бедна»⁴⁷. Также он отмечает важную особенность своего восприятия истории: «нельзя из прошлого выхватывать только позитивное, а негативное затенять»⁴⁸.

В книге *Gedanken über das Schreiben. Heidelberger Poetikvorlesungen* писатель задал своему читателю вопрос относительно роли художественной литературы в передаче важных исторических событий немецкой истории, о соотношении документальности и художественности в повествовании. Например: «Как быть, когда в литературе вообще не требуется предъявления фактов?»⁴⁹. Как относиться к тем произведениям, в которых художественное начало вытесняет сами факты? По признанию Шлинка, более всего его волнует опасение, что даже «такие ужасные события, как Холокост, в художественном изложении теряют полную правду случившегося», хотя «хорошая история может представить то же самое и в документальном виде»⁵⁰.

По словам самого Шлинка, центральными темами в его творчестве являются столкновение двух важных вопросов, определяющих положение немцев в мире, и их отношение к самим себе: тема долга и ответственности. Именно об этом шла речь в романе «Чтец», принёсшем писателю мировую известность. Однако и в других произведениях заметно постоянное погружение авторского сознания в исторические моменты прошлого, что проявляет себя как на уровне отдельных деталей и символов, так и в объёмных рассуждениях.

---

⁴⁷ В ориг.: «Ich kann mir zwar nicht vorstellen, so zu leben, und denke, dass ein Leben ohne Geschichte arm bleibt» (David, T. Vielleicht bin ich ein Volksschriftsteller // Die Welt. 2014. 06. Juli. URL: <https://www.welt.de/kultur/literarischewelt/article129831833/Vielleicht-bin-ich-ein-Volksschriftsteller.html> (дата обращения: 17.04.2019)).

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ В ориг.: «Wie steht es, wenn Literatur gar nicht beansprucht, Tatsachen zu präsentieren?» (Schlink, B. Op. cit. S. 9).

⁵⁰ В ориг.: «Die große Sorge, die in allem mitschwingt, ist die Angst, dass schreckliche Ereignisse wie der Holocaust durch Fiktionalität die volle Wahrheit verlieren, doch eine gute Geschichte kann dasselbe leisten wie eine Dokumentation» (Ibid. S. 13).

§ 1. Фигура Бисмарка в произведениях Б. Шлинка

Анализируя творчество Шлинка, следует выделить особое авторское отношение к фигуре канцлера Германской империи Отто фон Бисмарка. Образ «железного канцлера» возникает в нескольких произведениях. В определённой степени формируется некий мифологический ореол славы вокруг данной исторической личности. Включение фигуры Бисмарка в сюжет помогает связать прошлое и настоящее. Шлинка вспоминает миф о «великой Германии», который начал оформляться в общественном сознании второй половины XIX в., и пытается понять его влияние на события XX в.

Впервые фигура Бисмарка упоминается в романе «Правосудие Зельба». В первой части трилогии о сыщике Зельбе главный герой, проходя мимо памятника Бисмарку, установленного на одной из площадей Мангейма, каждый раз приветствует «старика-канцлера». Всё это не более чем ритуал. Памятник на городской площади давным-давно стал привычен всем горожанам. Шлинка показывает обывательскую типичность поведения Зельба: «Выйдя из торгового центра, я увидел перед собой Бисмаркплац, – говорит его персонаж. – Я бы навестил старика Бисмарка, стоявшего на своем пьедестале, но слишком плотный поток машин не позволил это сделать»⁵¹.

Постепенно читатель понимает, что в душе Зельба ощущается даже скрытая симпатия к тому, чьё имя вписано в анналы германской истории. Так, в другом романе («Прощание Зельба») сыщик живо интересуется строительством культового сооружения в Гейдельберге, посвящённого опять-таки Бисмарку. Этот интерес приобретает даже весьма комичную форму. Так, Зельб, осматривая чужую домашнюю библиотеку, внезапно испытывает желание украсть из неё заинтересовавшую его книгу: «У меня возникло искушение забрать с собой книгу о строительстве башни Бисмарка на Святой горе...»⁵².

---

⁵¹ Шлинка, Б. Правосудие Зельба. СПб. : Азбука, 2010. С. 78.

⁵² Шлинка, Б. Прощание Зельба. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. С. 155.

Башня Бисмарку в Гейдельберге – всего лишь один из примеров многочисленных памятников «железному канцлеру», поставленных в разных городах. Все они, как и Бисмаркплац в романе «Правосудие Зельба», – дань памяти прошлому.

Фигура Бисмарка является одной из наиболее значимых в германской истории. Он сыграл решающую роль в объединении Германии. Разумеется, идея объединения возникла ещё задолго до прихода Бисмарка. Однако приходилось учитывать различные сложности, связанные с религиозными, культурными, лингвистическими, социальными аспектами жизни, из-за чего процесс образования единого государства растянулся на столетия. Будучи назначенным в 1862 г. главой правительства Пруссии, Бисмарк превратил Пруссию в доминирующую силу в Северной Германии. Став канцлером, Бисмарк сразу же заявил, что намерен создать единый Германский рейх: «Великие вопросы эпохи решаются не мнением большинства и либеральной болтовней в парламенте, а железом и кровью»⁵³.

Грандиозная по масштабу деятельность Бисмарка, действительно увенчавшаяся успехом (образование Германской империи в 1871 г. во главе с королём Пруссии), привела к тому, что фигура реального человека всё больше стала превращаться в общественном сознании в мифический образ, который продолжал оказывать влияние на ход германской истории и после смерти Бисмарка.

Прежде всего следует обратить внимание на *имперские устремления*, прочно укоренившиеся в сознании немцев в начале XX в. Несмотря на разницу в понимании того, что следует делать Германии – например, завоёвывать колонии в Африке (позиция фон Бюлова) и прочих частях света или сосредоточиться на европейских делах (позиция фон Бисмарка) – все

---

⁵³ В ориг.: «Nicht durch Reden oder Majoritätsbeschlüsse werden die großen Fragen der Zeit entschieden, das ist der große Fehler von 1848 und 1849 (des Paulskirchenparlaments; d. Red.) gewesen, sondern durch Eisen und Blut» (Bismarcks berühmte “Eisen und Blut”-Rede // Die Welt. 2016. 27. Sept. URL: <https://www.welt.de/geschichte/kalenderblatt/article158393968/Bismarcks-beruehmte-Eisen-und-Blut-Rede.html> (дата обращения: 03.03.2020)).

сходились на том, что немцы должны занять достойное место в мире, сравнимое с местом англичан, французов или русских. Таким образом, логика национального поведения по сути своей определялась типичным мифологическим представлением об особенной роли отдельного народа в истории.

После Бисмарка при кайзере Вильгельме II (прав. в 1888–1918 гг.) Германия начала усиливать сферу своего колониального влияния путём увеличения количества торговых представительств в разных концах света. По приказу кайзера и с подачи нового канцлера Б. фон Бюлова наращивался военный потенциал (особое внимание уделялось военно-морским силам). По мнению канцлера, Германия была достойна «занять своё место под солнцем», несмотря на то, что «пришла слишком поздно».

Переход к «мировой политике» обозначила речь Б. фон Бюлова (1849–1929) в рейхстаге в декабре 1897 г., в которой он заявил, что «времена, когда немец уступал одному соседу сушу, другому – море, оставляя себе лишь одно небо... – эти времена миновали... Мы не хотим находиться в чьей-либо тени, мы требуем своего места под солнцем»⁵⁴. Далее он продолжал: «Мы не потерпим, чтобы какая-либо иностранная держава, чтобы какой-нибудь чужеземный Юпитер сказал нам: «Что делать? Мир уже поделен!» Мы не хотим никому мешать, но мы и не позволим никому стать нам на пути. Мы не будем пассивно стоять в стороне... в то время как другие делят мир. Мы не можем и не хотим этого терпеть. Мы имеем свои интересы во всех частях света... Если англичане говорят о Великой Британии, французы о новой Франции, русские завоевывают Азию, то мы требуем создания Великой Германии... Мы только тогда сможем держаться на высоте, когда мы поймем, что для нас невозможно благосостояние без большой мощи, без сильной армии, без сильного флота... В наступающем столетии немецкий народ будет

---

⁵⁴ Бонвеч, Б. История Германии. Т. 2. От создания Германской империи до начала XXI века. М. : Изд-во «КДУ», 2008. 672 с. URL: <https://history.wikireading.ru/156848> (дата обращения: 14.03.2019).

или молотом, или наковальней...»⁵⁵. Несмотря на различия во взглядах Бисмарка и Бюлова, можно легко заметить, что и Бюлов, вслед за своим предшественником, взял на вооружение идею «великой Германии».

Имперские устремления германской нации были разрушены в результате катастрофического для Германии исхода Первой мировой войны. Страна не только потеряла все завоёванные ранее колонии, но и лишилась части земель в Европе⁵⁶, будучи в метафорическом смысле поставлена на колени⁵⁷. Однако это не помешало при «оформлении» Веймарской *республики* сохранить многие символы и принципы прежнего *имперского* существования. Остался легитимным и старый чёрно-бело-красный флаг с «имперскими цветами» в верхнем углу, принятый ещё в ст. 55 Конституции Германской империи от 16 апреля 1871 г. сначала в качестве военного и торгового флага республики, а затем – и как национальный флаг Германии (8 ноября 1892 г.). Кроме того, несмотря на заявленную высшую роль органа *народного* представительства – рейхстага, ст. 68 новой конституции содержала довольно странную формулировку: «*имперские* законы издаются рейхстагом» (курсив

---

⁵⁵ Fessen, G. Folgenreiche Fehlkalkulation // Neues Deutschland. 1997. 06. Dez. URL: <https://www.neues-deutschland.de/artikel/689997.folgenreiche-fehlkalkulation.html> (дата обращения: 02.03.2020).

⁵⁶ Эльзас-Лотарингия возвращалась Франции, Северный Шлезвиг – Дании (после плебисцита). Бельгия получила округа Эйпен и Мальмеди и область Морене, где 80 % населения были немцами. Новое Польское государство получило основную часть провинции Познань и Западной Пруссии, а также небольшие территории в Померании, Восточной Пруссии и Верхней Силезии. Чтобы обеспечить Польше выход к морю, в районе устья реки Висла был создан коридор, отделивший Восточную Пруссию от остальной Германии. Немецкий Данциг был объявлен «вольным городом» под верховным управлением Лиги Наций, а угольные шахты Саарской области были временно переданы Франции. Левобережье Рейна оккупировали войска Антанты, а на правом берегу была создана демилитаризованная зона шириной в 50 километров. (См.: Космач, В. А. Унижение в Версале : итоги Первой мировой войны для Германии // Псковский военно-исторический вестник. 2015. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/unizhenie-v-versale-itogi-pervoy-mirovoy-voyny-dlya-germanii> (дата обращения: 17.06.2021).

В целом Германия теряла 13,5 % территории (73,5 тыс. квадратных километров) с населением в 7,3 млн человек, из которых 3,5 млн человек были немцами. Эти потери лишали Германию 10 % ее производственных мощностей, 20 % объемов добычи каменного угля, 75 % запасов железной руды и 26 % выплавки чугуна. Реки Рейн, Эльба и Одер объявлялись свободными для прохода иностранных судов. Германия была обязана передать победителям почти весь военный и торговый морской флот, 800 паровозов и 232 тыс. железнодорожных вагонов. См.: Германия после Версальского договора. URL: http://www.world-history.ru/countries_about/2244.html (дата обращения: 14.03.2019).

⁵⁷ Заслуживает внимания следующий факт: последние репарационные выплаты по итогам Первой мировой войны Германия сделала 3 октября 2010 г. – в день двадцатилетия со дня объединения ФРГ и ГДР.

наш. – А. Г.)⁵⁸. Также избираемый президент получил права, сравнимые, по сути, с правами прежнего феодального властелина. На основании ст. 48 он в случае, «если в *Германской империи* общественная безопасность и порядок серьезно нарушены или подвергаются опасности», мог своей волей отменить основные права граждан, гарантировавшиеся конституцией: свободу слова, печати, собраний и союзов, неприкосновенность личности, жилища, собственности и тайну переписки (курсив наш. – А. Г.). Всё это показывает, что сформировавшийся миф о «великой Германии», заложенный Бисмарком, продолжал существовать в сознании немцев.

Продолжала мифологизироваться и фигура самого Бисмарка.

Об этом Шлинк размышляет в романе «Ольга», увидевшем свет в 2018 г.⁵⁹. Не случайно Б. Хайдемманн отметила в газете «Винер Альгемайне Цайтунг», что роман «Ольга» следует читать скорее как коллективную драму всего столетия, нежели как реальную судьбу одного человека⁶⁰.

Шлинку удаётся в романе передать ту самую коллективную сущность мифа⁶¹, заключённую в человеческом сознании. И если в первых романах, где появляется фигура Бисмарка, канцлер представляет только историческую фигуру, то в «Ольге» Шлинк воспринимает его как фигуру именно мифологическую. При этом, хотя миф по сути своей и заставляет человека переживать описываемые в нём события как правду, то есть предлагает

---

⁵⁸ Конституция Германской империи. 2005-03-09. URL: <http://www.law-students.net/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=261&page=1> (дата обращения: 13.03.2019).

⁵⁹ Роман был хорошо принят критиками, которая отметила, например, историческую масштабность повествования (см.: Kürten, J. Ein deutsches Jahrhundert: Bernhard Schlinks neuer Roman “Olga” // Deutsche Welle. 2018. 12. Jan. URL: <https://www.dw.com/de/ein-deutsches-jahrhundert-bernhard-schlinks-neuer-roman-olga/a-42114066> (дата обращения: 07.06.2020)), его глубину и метафоричность (см., например, Kister, St. Wer ist Schuld am deutschen Schlamassel? // Sytttgarter Zeitung. 2018. 19. Jan. URL: <https://www.stuttgarter-zeitung.de/inhalt.berhard-schlink-neuer-roman-olga-wer-ist-schuld-am-deutschen-schlamassel.65cb830c-bd69-407e-9c59-07f00e6f4ef1.html> (дата обращения: 07.06.2020)) и т. д.).

⁶⁰ См.: Heidemann, B. Bernhard Schlink erzählt vom Drama eines Jahrhunderts // Wiener Allgemeine Zeitung. 2018. 10. Jan. URL: <https://www.waz.de/kultur/bernhard-schlink-erzaehlt-vom-drama-eines-jahrhunderts-id213072235.html> (дата обращения: 30.04.2019).

⁶¹ А. Ф. Лосев считал, что для рождения мифа исключительно важна обобщающая деятельность сознания. Мифологический образ представляет собой общую идею в чувственно-конкретном облике, а потому «миф есть непосредственное вещественное совпадение общей идеи и чувственного образа» (Лосев, А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. Т. 1. М.: Мысль, 1993. 962 с.; Его же. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 558 с.).

готовое образное объяснение случившегося и происходящего, Шлинк начинает *анализировать* образ канцлера.

Свои мысли автор часто вкладывает в уста Ольги. Так, главная героиня обвиняет Бисмарка в том, что он вселил в душу немцев страсть к опасному фантазированию: «У французов, англичан и русских – у всех давно есть своё отечество, тогда как отечество немцев долго существовало лишь в мечтах самих немцев, да и не на земле оно, а на небесах – почитай об этом у Гейне. А на земле немецкий народ был раздроблен, разорван. Когда Бисмарк создал наконец немецкое отечество, фантазирование уже вошло у немцев в привычку. Они уже не могут остановиться в своих фантазиях. Теперь они мечтают о величии Германии, о её великих победах на морях и на далёких континентах, грезят об экономических и военных чудесах»⁶².

Ольга отмечает, что мечты и фантазии передались от Бисмарка всей немецкой нации: сначала строились планы о великой Германской империи, вследствие объединения разрозненных германских княжеств и земель, затем о великих колониальных завоеваниях (см. выше речь Бюлова), а впоследствии и о мировом господстве. Конечно, Бисмарк лично не виноват в развязывании обеих мировых войн, однако именно с него началось формирование в сознании немцев тоски по той сильной фигуре, которая была бы способна возвысить немецкую нацию над другими.

Так Шлинк начинает выстраивать причинно-следственные связи между мифом о Бисмарке (равно сильной личности, вожде нации) и двумя мировыми войнами, в которых участвовала Германия. Ольга чувствует, что и нацисты в основу своей идеологии положили те самые представления о мировой роли Германии, которые формировались при «железном канцлере»: «Опять подавай им не в меру большую Германию, хотя ещё Бисмарк это задумал и так сделал её великой! Значит, за Первой мировой последует вторая»⁶³.

---

⁶² Шлинк, Б. Ольга. М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2018. С. 262.

⁶³ Там же. С. 112.

В своих размышлениях, отразившихся в романе «Ольга», Шлинк во многом идёт по стопам Ф. Мейнеке, опубликовавшего ещё в 1946 г. книгу «Германская катастрофа» (*Die deutsche Katastrophe*)⁶⁴. Немецкий историк и философ также утверждал, что главной причиной взлета Третьего рейха стала растущая одержимость Германии мировым господством, начавшаяся в конце XIX в. во времена Бисмарка и ещё более усилившаяся в дни кайзера Вильгельма II и Первой мировой войны⁶⁵. Именно Бисмарк, по мнению Мейнеке, оказывался ключевой фигурой в становлении идеологии Третьего рейха.

Это легко объяснить. Тяжёлые условия Версальского договора привели к тому, что в немецком общественном сознании очень быстро начало формироваться убеждение об огромной и сознательной несправедливости западных держав по отношению к Германии. Отсюда – один шаг до ожидания избавителя от этой несправедливости.

Писатель тесно переплетает немецкую историю XX столетия с судьбой главной героини. В юности Ольга, как и многие, воспринимала Бисмарка как олицетворение немецкой устремлённости ко всему великому. Её преклонение перед фигурой «железного канцлера» стало меняться, когда её жених Герберт, ослеплённый мечтами о немецком величии, мечется по миру и в конце концов погибает в снегах Арктики. Ему было важно доказать, что именно Германия способна стать первой в освоении Севера. Именно гибель молодого человека, стремившегося утвердить мировую роль Германии как первопроходца в научных исследованиях Севера, подтолкнула Ольгу к размышлениям о

---

⁶⁴ Ф. Мейнеке (1862–1954) – немецкий историк и философ. Первоначально Мейнеке придерживался консервативно-монархических и националистических политических взглядов, однако чуть позднее его политический взгляд приобрёл либеральные очертания, в 1915 г. выступал за мир, перед началом Второй мировой войны высказывался против национал-социализма. Работы Мейнеке посвящены двум темам: судьбе немецкой нации в XVIII–XX вв. и проблеме смысла истории. См.: Новая философская энциклопедия. В 4-х т. / Ин-т философии РАН. Научно-ред. совет: В. С. Степин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин. М. : Мысль, 2010. Т. II, Е – М. С. 521 ; см. также: Sösemann, B. Wie der FU-Gründungsrektor 1945 die NS-Zeit analysierte // Der Tagesspiegel. 2018. 03. Dez. URL: <https://www.tagesspiegel.de/wissen/friedrich-meineckes-die-deutsche-katastrophe-wie-der-fu-gruendungsrektor-1945-die-ns-zeit-analysierte/23708286.html> (дата обращения: 03.03.2020).

⁶⁵ См.: Meinecke, F. Die deutsche Katastrophe : Betrachtungen u. Erinnerungen. Wiesbaden : Brockhaus, 1965. 181 s.

причинах её личной трагедии. Ольга пришла к неожиданному выводу: истинным виновником произошедшего, как ни странно, был Бисмарк, чьи идеи о Германии вселили в сознание Герберта мысли о величии и могуществе немецкой нации.

«Ошибки» Герберта повторил и его сын Айк, ибо влияние «бисмарковских» идей на умы немцев было значительным (и вполне объяснимым, как мы указывали ранее) и во времена национал-социализма. Айк также решает переустроить мир, отводя в нём Германии ведущую роль. Именно поэтому он очень легко принимает нацистские идеи о расовом превосходстве немцев над другими. Подобно Герберту, убеждённому в необходимости немецкого присутствия в Африке – для рационального использования природных богатств континента, Айк считал, что лишь немцы могут организовать разумное освоение Сибири. «Летом 1936 года Айк... вступил в НСДАП и в СС. Он разглагольствовал о немецком жизненном пространстве на территории от Немана до Урала, о чернозёмных почвах и просторах зелёных степей, о бескрайних пшеничных полях, простирающихся до самого горизонта, о гигантских стадах коров. В стране, созданной его фантазией, стояли немецкие военные поселения, а вообще земля оставалась безлюдной: работники, которые всё же были нужны – как нужны волы, чтобы тянули плуг, или лошади в упряжке, – в его мечтах появлялись неизвестно откуда утром и неизвестно куда исчезали вечером. А он, верхом на коне, свысока командовал этим преображением славянского убожества в германское великолепие»⁶⁶. Снова стремление к величию и власти поселились в сознании уже следующего поколения немцев.

Так по воле автора в сознании Ольги связываются различные исторические эпохи. Её оценки носят, конечно же, личный характер, однако в них читатель видит критику разрушительных последствий «бисмарковского» мифа о «великой Германии»: «Непомерно великое – вот из-за чего, считала

---

⁶⁶ Шлинк, Б. Ольга. С. 111.

Ольга, она потеряла Герберта и Айка, а в ответе за стремление немцев к величию был Бисмарк»⁶⁷. Судьба жертв «бисмарковских» убеждений печальна: Герберт пропал в арктической экспедиции в 1913 г., Аик же попал в русский плен после поражения Германии во Второй мировой войне, и Ольга не знала, вернётся ли он когда-либо домой. Показательна живучесть мифа в человеческом сознании. Даже возвратившись из плена, Аик продолжает обвинять весь мир в исторической несправедливости к нему лично и к немцам вообще.

Именно в этот момент Ольга осознаёт психологическую заразность красивого исторического мифа. В её сознании Бисмарк «взгромоздил Германию на огромного коня, на котором ей было далеко не ускакать, и с тех пор так и пошло, что немцы всё время замахиваются на что-то великое. Бисмарк, положим, не придавал значения заморским колониям, однако Ольга считала, что именно он в ответе за фантастические колониальные бредни, которыми забивал себе голову Герберт, Бисмарк был в ответе и за арктические химеры Герберта, и за фантазии Айка о жизненном пространстве, и за мировые войны»⁶⁸.

Шлинк вводит в роман ещё одну фигуру, стоящую рядом с Ольгой. Молодой человек по имени Фердинанд является представителем уже третьего поколения (после Герберта и Айка), однако Ольга по-прежнему занимает в романе позицию наблюдателя жизни, аналитика происходящего. Дружеские отношения между уже зрелой женщиной и Фердинандом завязываются тогда, когда он был ещё ребёнком. После 1945 г. Ольга работала портнихой в его семье, и с того момента они поддерживали дружеские отношения.

Интересуясь жизнью Фердинанда, Ольга открывает для себя опасные параллели между общественными событиями в Германии 1960–1970-х гг. и тем, что она наблюдала более полувека назад. Её посещает неожиданная

---

⁶⁷ Шлинк, Б. Ольга. С. 161.

⁶⁸ Там же. С. 144.

мысль, что «послевоенное восстановление Германии, “экономическое чудо”, на деле отдаёт тем же стремлением к небывалому величию»⁶⁹.

Здесь же Шлинк ставит традиционный для послевоенной немецкой литературы вопрос о личной ответственности за случившееся с Германией в XX в. Он наталкивает героиню на размышления о собственной вине в произошедших событиях. Ведь когда-то, рассказывая Айку о великих деяниях Герберта, Ольга «словно начисто забыла всё, в чем раньше упрекала себя. Позднее она спохватилась – не дай бог, Айк заблудится в жизни так же, как Герберт, – Герберт ведь заблудился и в конце концов погубил и себя, и своих спутников. Но спохватилась поздно – она уже не имела влияния на Айку»⁷⁰. Именно поэтому для Фердинанда она переделывает истории из своей жизни, ставя в них на первое место не немецкое стремление к величию, а человеческую любовь к другим людям: Ольга «рассказывала о пустынях, о миражах и степных пожарах, о змеином укусе, ... о битвах со снежной стихией. Экспедицию Герберта на Шпитцберген и Северо-Восточную Землю она вообще не упоминала»⁷¹; «Она рассказывала о путешествиях Герберта и днях и неделях, которые они с ним провели вместе»⁷².

При этом Шлинк не превращает Ольгу в ментора и также не выносит ей суровый приговор. Ольга – такой же человек своей эпохи, как и прочие. Её сознание так же, как у многих, формировалось под воздействием различных общественных и исторических мифов. Здесь можно вспомнить сцену, в которой накануне Нового года в имении Шрёдеров собирается светское общество⁷³, празднующее поднятие флага в новой германской колонии Самоа: «наконец-то Германия по достоинству заняла подобающее ей место среди государств мира»⁷⁴. Как наглядно продемонстрировано, чувство гордости за

---

⁶⁹ Шлинк, Б. Ольга. С. 144.

⁷⁰ Там же. С. 110.

⁷¹ Там же. С. 131.

⁷² Там же. С. 142.

⁷³ Именно об атмосфере, царившей на таких светских раутах, Мейнеке писал: «Это дух Бисмарка не дает нам принести в жертву свои жизненные интересы, именно он заставил нас принять героическое решение вести масштабнейшую борьбу против Востока и Запада. Именно такой смысл заложен в словах Бисмарка: “как сильный мужчина с двумя крепкими кулаками по одному для каждого врага”» (Meinecke, F. Op. cit.).

⁷⁴ Там же. С. 49–50.

собственную страну было присуще молодой Ольге, лишь значительно позднее, испытав расставания с родными и потери близких, она находит истинного виновника, ослепившего всю немецкую нацию.

Переосмысляя свои исторические заблуждения, Ольга приходит к радикальной идее взорвать памятник Бисмарку в своём городе. Это должно стать символическим действием: «Теперь у меня есть три динамитные шашки, а вместо бикфордова шнура я возьму шерстяную нитку и намочу её бензином. У меня есть всё, что нужно. Я взорву Бисмарка. С него всё началось. Ты считаешь, что он сделал хорошее дело, – нет, это неправда. Может быть, люди задумаются об этом, когда он будет взорван. Но может быть, никто и не заметит жалкую кучку обломков и мусора, которая от него останется»⁷⁵.

Шлинк при этом умело использует приём ретроспекции⁷⁶, возвращая читателя к событиям прошлого с дополнительными акцентами. Именно поэтому в романе появляется отдельная глава, в которой приводятся письма заглавной героини к своему возлюбленному. Ретроспективно погружаясь в события начала XX в., Фердинанд, будучи уже сам в зрелом возрасте, осознаёт всю драматичность жизни Ольги. Читая её письма к отсутствующему Герберту⁷⁷, Фердинанд прослеживает, как постепенно складывалась идея разрушения памятника в её сознании, как непросто было ей идти против укоренившегося в сознании немцев мифа. При этом сам он не до конца принимает идею подрыва памятника. Это показательно: Фердинанд – человек другого поколения, для которого памятник – просто архитектурное украшение города⁷⁸. Однако для Ольги памятник Бисмарку – символическое воплощение опасного мифа, от которого пострадали её близкие. И, по всей видимости,

---

⁷⁵ Шлинк, Б. Ольга. С. 297.

⁷⁶ Согласно И. Р. Гальперину, ретроспекция рассматривается как категория текста и предполагает целенаправленное действие со стороны автора, который, обращаясь мысленно к прошлому и описывая прошедшие события, стремится направить внимание читателя на факты, которые могут быть основополагающими для раскрытия основной идеи всего произведения. (См.: Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. С. 106.).

⁷⁷ Ольга знает, что он пропал без вести ещё в 1913 г., однако продолжает писать ему. Эти письма Фердинанд получит из архива почты в норвежском Тромсё.

⁷⁸ «Когда я бываю в родном городе – с тех пор как умерли родители, это происходит уже не регулярно, я приезжаю только на встречи одноклассников и друзей, – я всегда захожу в городской сад к памятнику Бисмарку» (Шлинк, Б. Ольга. С. 183).

Ольга не одинока, ибо ещё до неё были попытки «взорвать памятник Бисмарку в Гамбурге и памятник Вильгельму Второму в Эмсе»⁷⁹.

Чтение писем Ольги заставляет Фердинанда задуматься о некоторых важных вещах. Он словно сам проживает события её жизни, после чего переосмысливает и свою жизнь, и жизнь целой страны. Молодость Фердинанда приходится на впечатляющий период экономического взлёта Германии. Безусловно, он мог бы гордиться этим, однако он невольно вспоминает размышления Ольги о том, что немецкое «экономическое чудо» вызвано всё «тем же стремлением к небывалому величию»⁸⁰.

Опасность в том, что история имеет обыкновение повторяться. Ещё в 1914 г., мысленно беседуя с Гербертом, Ольга замечала: «Недели не проходит, чтобы я не прочитала о великом будущем, которое, дескать, ждёт Германию на морях, в Африке и в Азии... Можно подумать, мы выросли из своей страны, как вырастают дети из одёжек, и теперь нам нужна новая страна, побольше»⁸¹.

Именно поэтому начинает переоценивать происходящее и сам Фердинанд. Даже после смерти Ольги он, наблюдая за актуальными немецкими событиями, всегда задумывается, что бы сказала об этом его пожилая подруга. И часто это был бы её скепсис: «Она наверняка сказала бы, что вот опять получается великовато. <...> Думаю, она бы сказала, что здания администрации федерального канцлера, и здание бундестага, и Мемориал жертвам Холокоста чересчур велики. Она бы порадовалась объединению Германии, но ей наверняка показалась бы слишком большой Европа, сильно выросшая с тех пор, да и весь глобализированный мир»⁸².

Важно понимать, что автор не делает однозначных выводов из желания Ольги взорвать памятник Бисмарку. Если бы её затея увенчалась успехом, то это означало бы в символическом пространстве романа смерть идеи о «великой Германии». Однако сама Ольга погибает при взрыве, а памятник,

---

⁷⁹ Шлинк, Б. Ольга. С. 168.

⁸⁰ Там же. С. 144.

⁸¹ Там же. С. 260–261.

⁸² Там же. С. 186.

хотя и покосился на постаменте, но всё же устоял. И это обстоятельство оказывается символическим подтверждением живучести мифа о Бисмарке, «железном канцлере», много сделавшем для Германии.

В заключение следует заметить, что размышления Шлинка гармонично вписываются в общую традицию немецкой литературы XX в. Так, например, о необходимости для Германии занять достойное «место под солнцем» и о фигуре Бисмарка размышлял Дидерих Геслинг – главный герой романа Г. Манна «Верноподданный»⁸³. О личном выборе и личной ответственности размышляли герои Г. Бёлля в романе «Бильярд в половине десятого» (*Billard um halb zehn*, 1959). Об отчаянно радикальной попытке привлечь внимание общественности к серьёзной проблеме шла речь в романе Г. Грасса «Под местным наркозом» (*Örtlich betäubt*, 1969). Наконец об опасности игр с идеей германского величия говорилось и в его же романе «Траектория краба» (*Im Krebsgang*, 2002). В этом отношении аналитический по своему духу роман Шлинка стал определённым подытоживанием сказанного и написанного на протяжении всего XX столетия.

§ 2. Фигура Гитлера в произведениях Б. Шлинка

В ряде романов Шлинка чётко прослеживается его интерес к процессу мифологизации в общественном сознании отдельных политических фигур. Подобно тому, как он исследовал зарождение идеи о немецком превосходстве над прочими нациями, Шлинка также обращает своё внимание и на роль Гитлера как другой знаковой фигуры немецкой истории. Логика авторских размышлений остаётся при этом прежней. Шлинка связывает понимание

---

⁸³ Например: «Бисмарк действительно кое-что сделал, – сказал Дидерих с чуть заметной ноткой торжества в голосе» (Манн, Г. Верноподданный. М. : Правда, 1985. С. 71). Или: «Надо подмять под себя конкурентов. Завоевать место под солнцем!» (Там же. С. 64). Или: «Поэтому нам требуется твёрдая рука, а наш несравненный молодой кайзер и правит нами твёрдой рукой. Безоговорочно объявляю себя слугой его величества» (Там же. С. 76).

фигуры фюрера с определёнными общественными мифами и подвергает анализу обозначенные им моменты истории.

Сформировавшееся в немецком социуме после Первой мировой войны убеждение в огромной несправедливости, допущенной странами Антанты по отношению к побеждённой Германии, привело к лёгкому принятию Адольфа Гитлера в качестве «вождя» и спасителя нации. Мифологизирование его фигуры началось уже в начале 1920-х гг. Гитлер, по свидетельству очевидцев, без конца рассказывал, например, о том, как он жертвовал собою ради отечества. И даже об окончании войны он узнал «прикованный к госпитальной койке и частично ослепший от горчичного газа»⁸⁴. Теория Гитлера о том, что Германия проиграла войну благодаря предательству отдельных личностей, а также из-за еврейского заговора против арийской нации, вполне соответствовала настроениям немцев, переживавших отторжение колоний, разграбление немецкого государства странами Антанты, фактический перевод промышленно развитой Рейнской области под англо-французское управление, запрет иметь армию и флот и т. д.

Ещё до появления Гитлера на политической арене страны в качестве самостоятельной фигуры немцы подсознательно стремились компенсировать национальное унижение. Героями Веймарской республики неслучайно в этом отношении становились «герои» Первой мировой войны. Так, президентом Веймарской республики был избран П. фон Гинденбург⁸⁵. Героический ореол его образу придавали победы в боях против русских войск в Восточной Пруссии в 1914 г. Примечателен тот факт, что после Первой мировой войны П. фон Гинденбург отрицал свою вину в поражении Германии. Напротив, вину за проигрыш в войне он возлагал на само немецкое общество. Именно

---

⁸⁴ Кассинджер, Г. Дипломатия. М. : Ладомир, 1997. 850 с. URL: <https://history.wikireading.ru/69225> (дата обращения: 14.03.2019).

⁸⁵ Немецкий военный и политический деятель П. фон Гинденбург был главнокомандующим на Восточном фронте против России во время Первой мировой войны (1914–1916 гг.).

мифологический ореол «настоящего» немца обеспечил ему победу на всенародных выборах в 1925 г.⁸⁶.

Другой значимой политической фигурой, укладывавшейся в образ «народного» героя, был Э. Людендорф. Его заслугой считалось сохранение Восточной Пруссии для Германии в сражениях начала Первой мировой войны. Он, как и Гинденбург, придерживался теории «удара ножом в спину», объяснявшей поражение Германии в войне.

Приход Гитлера к власти в 1933 г. стал для него, по сути, принятием на себя роли «спасителя отечества». После смерти Гинденбурга в 1934 г. именно на Гитлера стала возлагаться мифологическая роль продолжателя дела покойного генерал-фельдмаршала.

Мифологизирование фигуры самого Гитлера отчётливо проявило себя, например, в пропагандистском фильме Л. Рифеншталь «Триумф воли» (*Triumph des Willens*, 1934). Фильм рассказывает о проведении VI ежегодного съезда Национал-социалистической рабочей партии Германии в Нюрнберге в сентябре 1934 г. Вступительные титры гласят, что это событие происходит через «20 лет после начала Мировой войны», через «16 лет после начала немецкого горя» и через «19 месяцев после начала германского возрождения». Фильм насыщен культурными отсылками к древнеримским триумфам, а в роли *триумфатора* выступает сам Адольф Гитлер. Именно здесь канцлера Веймарской республики рукоплещущий народ и соратники по партии начинают именовать «вождём» германской нации. Этот фильм по праву можно воспринимать как документ политического видения,

---

⁸⁶ Гинденбург, будучи главой государства, всячески содействовал возрождению военно-экономического потенциала Германии, росту её вооружённых сил, а также укреплению среди населения страны *реванистского духа* (курсив наш. – А. Г.). Он стремился к тому, чтобы как можно быстрее сбросить с Германии «путы» позорного для немецкой нации Версальского договора. Гинденбург был почётным председателем милитаристского союза «Стальной шлем», а также охотно поддерживал другие военизированные организации.

отразивший «тотальную трансформацию реальности»⁸⁷ и «ритуал мобилизации» немецкого общества⁸⁸.

Поступки Гитлера в дальнейшем следует рассматривать именно как исполнение им роли «вождя». Он занимается *собираением* германских земель (восстановление контроля над Рейнской областью, аншлюс Австрии и Судет), *пересмотром* результатов Первой мировой войны, унижающих национальное достоинство немцев (отказ от выплаты репараций, восстановление армии и флота) и т. д. Всё это укладывается в представление о возвышении немецкого народа среди прочих, сформировавшееся ещё во времена Бисмарка. Именно поэтому поражение «гитлеровской» Германии в 1945 г. стало не менее катастрофичным, чем поражение «кайзеровской» в 1918 г. В обоих случаях происходило разрушение общенационального мифа.

О живучести подобных мифологических ценностных матриц в общественном сознании размышляли в исследовании «Неспособность к скорби» супруги-психоаналитики А. и М. Мичерлих⁸⁹. Разрабатывая тему коллективной вины немцев в преступлениях нацизма, они дали очень тонкое объяснение послевоенному нежеланию многих мысленно возвращаться в прошлое. Исследователи обратили внимание на мифологическую основу поведения соотечественников, сосредоточившихся на экономическом восстановлении страны. «У немцев была после окончания Первой мировой войны огромная проблема со своим самоуважением, – писали А. и М. Мичерлих. – Гитлер вернул им это чувство, даже больше, он был коллективным “Я-идеалом”, на который могли проецироваться все желания»⁹⁰.

---

⁸⁷ Кракауэр, Э. Психологическая история немецкого кино. От Калигари до Гитлера. М. : Искусство, 1977. 352 с. URL: <https://www.twirpx.com/file/743682/> (дата обращения: 15.03.2019).

⁸⁸ Loiperdinger, M. Rituale der Mobilmachung. Der Parteitagsfilm “Triumph des Willens” von Leni Riefenstahl. Opladen : Leske + Budrich, 1987. URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-322-99477-6#authorsandaffiliationsbook> (дата обращения: 15.03.2019).

⁸⁹ Mitscherlich, A. Die Unfähigkeit zu trauern : Grundlagen kollektiven Verhaltens. München : Piper, 1999. 264 с.

⁹⁰ Ibid. S. 28.

По мнению психоаналитиков, Гитлер был также и «объектом, на которого опирались, на которого переносили свою ответственность. Как таковой он оживал в новых представлениях всемогущества, которые мы храним из раннего детства; его смерть и его обесценение через победителей значило также потерю объекта нарциссизма и вместе с тем самообеднение и обесценивание»⁹¹.

Исследование вызвало бурные дискуссии в немецком обществе. Её охарактеризовали как «книгу, которая прорвала молчание»⁹² в вопросах осознания «индивидуальной» и «общей» немецкой вины. Нежелание немцев «копаться» в прошлом было связано с мифологическим переключением ответственности на «вождя» нации (гл. 8. «Влюблённость в фюрера»)⁹³. Показательно, что с момента первой публикации исследование А. и М. Мичерлих каждый год выдерживает два-три новых издания.

Шлинк в своих произведениях также осмысляет функционирование мифа, связанного с фигурой «фюрера».

Так, тема мифологизирования личности Гитлера лучше всего представлена в романе «Возвращение». На страницах произведения Шлинк рассказывает историю Джона де Баура (он же Фолькер Фонланден, он же Вальтер Шоллер). В годы нацизма его персонаж, будучи военным корреспондентом под именем Фолькер Фонланден, занимал пронацистскую позицию, активно публикуя статьи в газете «Рейх» и «Немецкой общей газете». Этот пропагандист – один из тех, кто формировал мифический образ Гитлера. Например, он подчёркивал важность для немца быть стойким и готовым к самопожертвованию: «Право основано не на золотом правиле, а на правиле железном. Причиняй другим то, что по силам вынести тебе самому. И

---

⁹¹ Schulz, F. Kursiv: Kollektive Verdrängung // Deutschlandfunk. 2000. URL: https://www.deutschlandfunk.de/kursiv-kollektive-verdraengung.1310.de.html?dram:article_id=194124 (дата обращения: 03.03.2019).

⁹² Franzen, G. Das Buch, das das Schweigen brach // Deutschlandfunk Kultur. 2012. 11. Okt. URL: https://www.deutschlandfunkkultur.de/das-buch-das-das-schweigen-brach.1005.de.html?dram:article_id=223894 (дата обращения: 02.03.2020).

⁹³ Mitscherlich, A. Op. cit. S. 110.

железное правило существует в разных формулировках. Той опасности, которой ты готов подвергнуть себя, ты имеешь право подвергнуть и других, тем, чем жертвуешь ты, должны жертвовать и другие. Из этого правила рождается авторитет, рождается Вождь. Трудности, которые преодолевает Вождь, дают ему право требовать преодоления трудностей от тех, кого он ведёт за собой, – поскольку он идёт на жертвы и требует жертв от них, они видят в нём Вождя»⁹⁴.

Значим псевдоним пишущего – Фолькер Фонланден. Шлинк выстраивает картину, в которой журналист с «народным» именем (*Völker von Landen* – от *Völk* – народ, *Land* – земля, деревня, страна) пишет об общенародном пути. Фолькер Фонланден творит новую мифологию:

«Мы были народом, лишённым единства, народом, в котором бедные враждовали с богатыми, рабочие – с владельцами фабрик, крестьяне – с горожанами, буржуа – с дворянством, богатство – с духовными ценностями. За последние двенадцать лет удалось примирить все противоречия, которые нас разделяли. Мы стали единым целым. Мы были больной нацией – с вырожденческой культурой, с обьевреившимся обществом, с дурной наследственностью. За последние двенадцать лет мы смогли отринуть от себя и истребить всё, что приносило вред нашему духу и телу. Мы выздоровели. Мы были нерешительной нацией, не знающей, какое будущее нас ждёт, каким путём нам шагать, кого считать друзьями, а с кем сражаться как с врагом. За последние двенадцать лет мы осознали наше высшее предназначение. Тысячелетний рейх уже обрёл место в наших сердцах. В окружающем мире мы находимся только в самом начале пути, в начале тысячелетней борьбы»⁹⁵.

Миф о Гитлере подразумевал особенную степень доверия, обусловленную тем, что фюрер вышел именно из глубин народа, что он – воплощение исконно немецкого представителя нации: «Имя нашего фюрера есть наша программа. Родословная Адольфа Гитлера свидетельствует о том,

---

⁹⁴ Шлинк, Б. Возвращение. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. С. 141.

⁹⁵ Там же. С. 149–150.

что его дед ещё носил фамилию Хюттлер. <...> Если мы приветствуем друг друга словами “хайль Гитлер”, то мы приветствуем самих себя, тех, кто родом из хижин и бедных крестьянских домов в наших горных и ткацких деревнях. Знамя Гитлера – это знамя Хюттлера и Хойслера, и когда вражеская пропаганда заявляет, что эта война – война Гитлера, то мы знаем, что на самом деле это война, в которой сражение идёт за Хюттлеров и Хойслеров, за бедных землепашцев»⁹⁶.

Фолькер Фонланден прибегает к высочайшей степени мифологизации личности и деяний фюрера, когда сравнивает осаду Ленинграда с осадой Трои: «Итак, перед нашими глазами разворачивается битва за город, равной которой история не знала со времён осады Трои. <...> И последнее сражение за Ленинград будет ужасным и величественным и закончится тем, что сравняют с землёй, – и это будет рыцарским завершением рыцарской битвы»⁹⁷.

При этом Шлинку важно показать пассивность индивидуального сознания своего героя. Фолькер Фонланден показательно мыслит в рамках того или иного общественного мифа. Перейдя на службу в Советскую оккупационную администрацию, Фонланден, превратившийся в Вальтера Шоллера, обслуживает своими публикациями уже идеи построения нового общества рабочих и крестьян. Эмигрировав в США, он в очередной раз меняет своё имя и встраивается в политическую мифологию американского общества.

Временная протяжённость романа «Возвращение» играет важную роль в понимании замысла Шлинка. Если бы писателю было важно показать только образ Гитлера в сознании народа, то действие романа закончилось бы событиями конца Второй мировой войны. Однако автор не только анализирует истоки формирования «гитлеровского» мифа, но и переходит к общим размышлениям о человеке и месте индивидуума в обществе. Важно оценить отношение рассказчика к де Бауру (*alias* Фонланден, *alias* Шоллер). Воспринимая его как плохого отца, бросившего семью, в то же время он

---

⁹⁶ Шлинк, Б. Возвращение. С. 157.

⁹⁷ Там же. С. 152.

восхищается им как героем своих дней. По мысли рассказчика, де Баур всегда был на передовой истории. Он строил Третий рейх, он участвовал в создании ГДР, он органично включился в американскую жизнь, приняв её идеалы, тогда как сам рассказчик «слишком легко, слишком играючи, слишком охотно» наблюдал за историческими событиями в Германии со стороны⁹⁸.

Шлинку, подобно супругам Мичерлих, удаётся схватить важную психологическую подробность размышлений своего рассказчика. Несмотря на своё знание преступлений эпохи нацизма, рассказчик не осуждает человека, причастного к нацистской идеологии. Более того, он словно восхищается типом людей, к которому принадлежит де Баур. Таким людям необходима некая идея, которой они станут ревностно служить.

В сюжетном отношении о *возвращении* немецкого солдата из русского плена идёт речь в том романе, который попадает в руки рассказчика. В идейном же отношении Шлинк как автор размышляет об опасности *возвращения* прежних мифов. Современность рассказчика представляет собой сложное, переходное время, подобное тому, в которое происходило создание Германской империи и становление Веймарской республики. Из объединившихся ФРГ и ГДР также рождается новая Германия, которая тоже может пожелать себе сильного лидера.

М. Шмиц высказала мысль о том, что Шлинк в «Возвращении» ведёт речь о «разрушении древнего мифа»⁹⁹. Аллюзия на гомеровского Одиссея дополняется писателем мыслью об иллюзорности прошлого и опасности увлечением мифологией.

Свои размышления о мифологических «героях» в истории Германии Шлинк продолжил в романе «Ольга». В этом произведении писатель смог создать определённую систему оценки ключевых событий в истории Германии XX в. То, что перед нами именно система, показывает одна важная деталь. Из последовательности Бисмарк – Гинденбург – Гитлер Шлинк

---

⁹⁸ Шлинк, Б. Возвращение. С. 231.

⁹⁹ Schmitz, M. Op. cit.

выбрасывает средний элемент. Несмотря на то, что Гинденбург, будучи знаковой фигурой, также играл в немецкой истории роль «героя», внимание к нему невольно повлекло бы за собой обсуждение противоречий между ним и Гитлером. Шлинку важно показать в чистом виде другое – формирование и функционирование (результаты) определённого мифа в общественном сознании. Именно поэтому он напрямую связывает исходную и конечную точку этого исторического процесса.

Ещё Ф. Кессиди упоминал, что «в мифе коллективные представления, чувства и переживания преобладают над индивидуальными, господствуют над ними»¹⁰⁰. Именно в массе человек легче поддаётся влиянию, в коллективе формируются его убеждения. По этой причине в «Ольге» писатель не перекладывает вину за развязывание Второй мировой войны на Гитлера, а размышляет о том, что она стала возможной благодаря переменам в общественном сознании. И здесь вновь открываются связи между нацизмом и мифологическими представлениями о месте Германии в мире, формировавшимся в эпоху Бисмарка. Это определяет проблематику данного произведения.

Именно слепое доверие к ценностным ориентирам, обозначенным «железным канцлером», обусловило трагизм многих событий в жизни персонажей романа. Принимая идеологию Гитлера, Айк, сын Ольги, повторяет ошибку своего отца, который принял идеологию Бисмарка. В обоих случаях речь шла о величии «отечества», и оба – и Герберт, и Айк – приняли этот миф и приняли на себя роль исполнителей великого замысла.

Шлинку важно показать не одномоментность осознания Ольгой этой ошибки. От личных переживаний (грусть из-за постоянного отсутствия возлюбленного) она переходит к попыткам разумно объяснить, истолковать желание Герберта осваивать то Африку, то просторы Севера. Затем она начинает анализировать причины этой убеждённости Герберта в

---

¹⁰⁰ Кессиди, Ф. От мифа к логосу : становление греческой философии. СПб. : Алатейя, 2003. С. 49–50.

необходимости возвеличивания Германии среди других стран. Ольга даже после гибели Герберта ведёт с ним мысленный диалог: «Герберт, о тебе моя первая мысль утром и о тебе моя последняя мысль вечером, когда я засыпаю»¹⁰¹.

Важная подробность в романе связана с воспитанием Айка. По воле автора Герберт не имел никакого отношения к воспитанию своего сына. Однако удивительным образом Аик начал повторять судьбу Герберта. Задумываясь позже о причинах этого повторения, Ольга приходит к неутешительному выводу о собственной вине в случившемся. Она сама не замечала, что в её рассказах «Герберт представал настоящим героем, ...отважным искателем приключений, которого неудержимо влекли просторы и дали, который никогда не сдавался, стойко переносил величайшие трудности и не отступал перед величайшими опасностями. <...> Она словно начисто забыла всё, в чём раньше упрекала себя. Позднее она спохватилась – не дай Бог, Аик заблудится в жизни так же, как Герберт... Но спохватилась поздно – она уже не имела влияния на Айка»¹⁰².

Однако можно ли винить в этом героиню, между строк спрашивает автор. Её убеждения формировались в той же самой среде, что и убеждения Герберта и других. Например, «под Новый год Шрёдеры устроили у себя небывалый праздник, прогремевший на всю округу. <...> Праздновали не только встречу Нового года, но отмечали и достижения года минувшего. <...> германский флаг водружён в новой колонии на Самоа, и ещё праздновали то, что ни один китаец впредь не посмеет косо взглянуть на немца»¹⁰³.

Соответственно, трагическая судьба Айка – это такой же результат влияния коллективных представлений на индивидуальное сознание. Именно поэтому фигура Гитлера в романе «Ольга» не возникает как таковая. «Гитлеровский» миф, в сущности, равен «бисмарковскому», только с

---

¹⁰¹ Шлинк, Б. Ольга. С. 236.

¹⁰² Там же. С. 110.

¹⁰³ Там же. С. 50.

поправкой на исторический момент. Понимание этого объясняет и развитие сюжета: Ольга на протяжении всего действия возвращается к временам своей молодости. В общении с Фердинандом она уже по-другому трактует давние события конца XIX в. И даже в структурном отношении финальная часть романа состоит из писем Ольги, начало которых относится к 1913 г. И, наконец, свой радикальный протест она выражает, обращая свой гнев не против Гитлера и нацистов, потому что «гитлеровский» миф для неё вторичен. Попытка взорвать памятник – это попытка уничтожить истоки губительного мифа.

§ 3. Тема нацистского прошлого в произведениях Б. Шлинка

Мы сразу должны указать на то, что в наших размышлениях в этом параграфе миф о нацизме не рассматривается как эквивалент «гитлеровскому мифу». Нас будет интересовать представление не о «герое», а о целом историческом периоде, бытующее в современном общественном сознании. Легко заметить, что существует множество устойчивых представлений о периоде 1933–1945 гг., которые имеют устойчивую образную форму и регулярно повторяются в различных общественных дискуссиях, произведениях и т. д. Внимание к ним также свойственно Шлинку как автору.

Тема национал-социализма и нацистского прошлого проходит красной нитью практически через все произведения писателя: не только романы, но и произведения малой прозы содержат отсылки в судьбе героев к непростому периоду немецкой истории. Эта тема хорошо раскрыта в романах «Правосудие Зельба», «Чтец» и «Ольга». Впервые осмысление мифа о нацизме было предпринято Шлинком в романе «Правосудие Зельба», где заглавный персонаж Зельб во времена Третьего рейха служил нацистским прокурором и вершил суд зачастую над невинными людьми, неугодными нацистскому режиму.

Детективный сюжет этого произведения не должен вводить в заблуждение читателя. Заглавный персонаж Герхард Зельб интересен не столько в роли частного детектива, сколько в качестве человека мыслящего, анализирующего *прошлое* (в том числе и личное) в его связи с *настоящим*.

Зельб принадлежит к тому самому поколению, которое приняло нацизм в сознательном возрасте. Здесь Шлинк явно идёт по стопам К. Вольф, которая в «Образах детства» (1977) свидетельствовала: во времена нацизма можно было вести абсолютно нормальную жизнь. Так же и Зельб в одном из диалогов с более молодой собеседницей указывает на обыденность существования многих людей в нацистской Германии: «Вам, наверное, трудно себе представить, как вообще можно было верить в национал-социализм? Но вы выросли с теми истинами, которые мы после сорок пятого года постигали шаг за шагом. С моей женой дело обстояло ещё хуже: она была белокурой красавицей-нацисткой и оставалась ею, пока не раздобрела и не превратилась в достойный продукт германского экономического чуда...»¹⁰⁴.

Показательно, с какой долей иронии Зельб описывает своё привыкание к новой жизни после 1945 г. Его фраза о том, что его жена «раздобрела и превратилась в достойный продукт...» свидетельствует лишь о стремлении удовлетворить базовые человеческие потребности, а никак не «преодолеть непростое прошлое».

История Зельба, в сущности, является иллюстрацией к шокирующим выкладкам супругов Мичерлих, обвинивших всю нацию в сознательных увёртках от осознания неприятного прошлого и принятия ответственности за преступления нацизма. Во времена Гитлера Зельб служил прокурором, следя за исполнением нацистских законов, но не задумываясь об их моральной составляющей. Переосмысление прошлого произошло позднее. После 1945 г. Зельб вынужденно ушёл из прокуратуры, однако, когда власти новой Германии возвращали прежних сотрудников на свои места, он не принял этой

---

¹⁰⁴ Шлинк Б. Правосудие Зельба. С. 134.

возможности и занялся деятельностью частного детектива. Зельб психологически не смог принять лицемерия общества, в котором делали вид, будто никакой проблемы в возвращении прежних нацистов в государственные структуры не существует. В завершающем романе детективной трилогии есть прямое указание на это. Зельб говорит: «Всё во мне восставало против необходимости, пусть и вынужденной, всем вместе делать вид, будто никакого прошлого у нас вообще не было»¹⁰⁵.

Однако в «Правосудии Зельба» Шлинк запечатлел интересный момент приноравливания главного героя к послевоенной ситуации. Зельб честно признаёт: «В своё время я решил жить в мире со своим прошлым. Вина, искупление, энтузиазм и слепота, гордыня и гнев, мораль и разочарование – всё это я привёл в некое искусственное равновесие. Благодаря этому прошлое стало абстракцией»¹⁰⁶. Следовательно, анализируя прошлое, Зельб выбирает «комфортную» жизнь частного детектива без обязательств перед обществом вдруг отвечать за свои прошлые дела¹⁰⁷.

Выбор главного действующего лица в романе оказался весьма своеобразным. Шлинк попытался посмотреть на ситуацию «немецкого прошлого» глазами бывшего нацистского прокурора. Это позволило ему, изображая расследование криминальных и политических дел настоящего, высветить в них, по словам К. Хёшель, «скрытый, извилистый путь к прошлому, который приводит к Третьему рейху и относится к самому Зельбу»¹⁰⁸.

Это обстоятельство объясняет определённую противоречивость суждений Зельба о нацистском прошлом. С одной стороны, он признаёт личную вину за совершённое, с другой – отодвигает случившееся от себя,

---

¹⁰⁵ Шлинк, Б. Прощание Зельба. С. 158.

¹⁰⁶ Шлинк, Б. Правосудие Зельба. С. 232.

¹⁰⁷ Имя главного героя, видимо, выбрано не случайно. В переводе на русский *Selbs Justiz*, *Selbs Betrug*, *Selbs Mord* можно перевести как *самосуд*, *самообман*, *самоубийство* (курсив наш. – А. Г.).

¹⁰⁸ Höschel, C. Bittersüßer Nachgeschmack // Literaturkritik. 2011. Feb. № 2. URL: <https://literaturkritik.de/id/15138> (дата обращения: 21.12.2018).

проводит границу между прошлым и настоящим, в котором он живёт. Психологическая тонкость повествования состоит в том, что Зельб не любит погружаться в события до 1945 г., демонстрируя то самое поведение, о котором писали А. и М. Мичерлих.

Романы про Зельба быстро привлекли к себе внимание читателя «естественностью действующих лиц». Шлинк не нагружал сознание читателя глубокомысленными схемами или обширными философскими пассажами, вкладываемыми в уста героев. Анализируя прошлое, он старался показать его изнутри, с предельной ясностью, глазами типичного представителя «отцов». Критика отметила психологическую достоверность повествования. Так, например, по мнению П. Куммеля, «всем людям свойственна небольшая хандра», которую читатели узнавали в настроении самого детектива Зельба и некоторых других героев. Кроме того, действие во всех трёх романах разворачивалось в реальных местах, хорошо знакомых немцам.

Трилогия про детектива Зельба положила начало размышлениям автора о нацизме, о его влиянии на послевоенное устройство разделённой Германии, о вине и ответственности поколений и пр. В последующих произведениях Шлинка появятся и представители других поколений, которых тоже будет волновать нацистское прошлое (Михаэль Берг в «Чтеце», Петер Дебауер в романе «Возвращение», Фердинанд в романе «Ольга» и т. д.).

В романе «Чтец» Михаэль Берг и его сверстники осуждают старшее поколение за то, что они спокойно продолжают жить на одной земле с бывшими преступниками, не отвергая и не уничтожая их. Главный герой говорит: «Осуждение необходимо, это не подлежало для нас сомнению. <...> Суд шёл над целым поколением, которое востребовало этих охранников и палачей или, по крайней мере, не предотвратило их преступлений и уж во всяком случае не отвергло их хотя бы после 1945 года; мы судили это

поколение и приговаривали его к тому, чтобы оно хотя бы устыдилось своего прошлого»¹⁰⁹.

Аналитическая работа авторского сознания проявляется и в том, что Михаэлю Бергу в повествовании отведена особенная роль «мыслителя». Это он и его сверстники сформировали представление в сознании немецкой нации о вине целого поколения – поколения своих отцов: «Мы приговорили их всех к раскаянию хотя бы за то, что уже после 1945 года они терпели бывших преступников в своей среде, не отворачивались от них. <...> тем больше уверялись мы в правоте нашей просветительской и обвинительной миссии»¹¹⁰.

Однако Михаэль Берг отделяет себя от прочих, замечая: «Я ни на кого не мог показывать пальцем. В том числе на собственных родителей, потому мне не в чем было их упрекнуть»¹¹¹. Михаэль Берг открывает для себя, что поколение его «родителей» само по себе не было плохим. Они жили, руководствуясь мифами своей эпохи. А в 1950–1960-е гг. прежние мифологические представления о «нации», «истории» начали разрушаться, уступая место новым – о Холокосте, об особенной вине немецкой нации перед другими.

Размышления Михаэля Берга в романе «Чтец» занимают в повествовании едва ли не больший объём, чем собственно действие. Подобная композиционная особенность подчёркивает важность аналитического начала в произведении. Герой постоянно пытается *понять* случившееся. Его не может удовлетворить ни забвение прошлого, ни формирующийся миф о коллективной вине предыдущего поколения.

Любопытно, что Шлинк сам относится ко «второму» поколению немцев, и, вероятно, поэтому в сюжете романа ощущается личное присутствие автора, как доказательство – точность излагаемых событий и искренность переживаемых чувств. По словам Б. Хлебникова, «перед читателем предстаёт

---

¹⁰⁹ Шлинк, Б. Чтец. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. С. 83.

¹¹⁰ Там же. С. 84.

¹¹¹ Там же. С. 154.

автобиография... целого поколения»¹¹². Усиливает эффект «присутствия» автора повествование от первого лица и то, что Шлинк постоянно погружает своего персонажа в прошлое, в воспоминания. И спустя годы после расставания с Ханной Михаэль пытается понять причины её поступков. Его стремление понять прошлое типично для поколения «детей»: «Осмысление! Осмысление прошлого! Мы, студенты, участники семинара, считали себя авангардом тех, кто взялся за осмысление прошлого. Мы настежь распахивали окна навстречу свежему ветру, чтобы он наконец смёл пыль с истории, со всех ужасов прошлого, преданным забвению нашим обществом, вычеркнутых им из памяти»¹¹³.

Сюжет романа таков, что Михаэль сталкивается в своей жизни не с абстрактным нацизмом из книг, а с конкретными людьми, которые жили в эпоху Гитлера. Шлинк отвергает всякую попытку схематизации и упрощения истории, к каждому историческому событию он применяет аналитический подход.

Абстрактные «люди того поколения» были на самом деле разными по своему характеру, взглядам на жизнь, отношению к происходящему: «Нашим родителям выпали в Третьем рейхе разные роли, – размышляет Михаэль Берг. – Некоторые из наших отцов попали на фронт, среди них двое или трое были офицерами вермахта, один – офицером войск СС; кое-кто сделал карьеру в качестве чиновника или юриста, среди наших родителей числились учителя и врачи, дядя одного из нас занимал высокий пост в рейхсминистерстве внутренних дел»¹¹⁴.

И даже жизнь одного человека, по мысли героя, нельзя представлять себе однозначно. Лучше всего это показывает пример Ханны, которая сознательно пошла в СС, однако при этом служба в СС в её сознании ничем не отличалась от обычной работы на заводе Сименса. Так в романе Ханна

---

¹¹² Шлинк, Б. Чтец. С. 198–199.

¹¹³ Там же. С. 83.

¹¹⁴ Там же. С. 84.

оказывается нацисткой, ответственной за смерть других людей, но в то же время и человеком, который в своей жизни всего лишь честно трудится на своём месте (например, охранником или кондуктором). У Ханны нет личной ненависти к заключённым. При этом она спокойно участвует в так называемой «селекции», проводимой в концлагере... Открывая в прошлом подобные противоречия, Михаэль Берг понимает ограниченность расхожих клишированных представлений о прошлом, ибо Ханна не уникальна в подобной внутренней противоречивости поступков.

Так, однажды герой-рассказчик отправился в концлагерь Штрутхоф, желая собственными глазами посмотреть на место, в котором содержались тысячи заключённых. В пути Михаэль разговорился с водителем. И водитель обратил внимание на вопиющую обыденность преступлений прошлого. Убийцы в концлагере, подобно Ханне, всего лишь выполняли свою работу. Так, по мнению водителя, палач просто «делает свою работу – безо всякой ненависти к тем, кого казнит, без чувства мести, он убивает их не потому, что они стоят у него на пути или чем-то угрожают ему. Он к ним абсолютно равнодушен. Настолько равнодушен, что ему всё равно – убивать их или нет»¹¹⁵.

Именно на этот проблемный момент обращает внимание Шлинк. Однозначно осуждая нацизм, мы сталкиваемся с проблемой обнаружения «настоящего» нациста рядом с собой. В то же время к какой категории можно отнести человека, нормального в своей обыденности и безо всякого возмущения исполняющего преступные приказы, относящегося к убийству людей как к рядовому исполнению долга? Сложность размышлений Михаэля состоит и в том, что, воспринимая Ханну как одну из многих, он должен перейти к осуждению всего поколения, хотя именно от этого он стремится уйти¹¹⁶. Возникает замкнутый круг причин и следствий, тезисов и антитезисов.

---

¹¹⁵ Шлинк, Б. Чтец. С. 137.

¹¹⁶ «Я был готов понять и одновременно осудить преступление, совершённое Ханной. Но всё-таки оно было слишком ужасным. Если я пытался понять его, то у меня возникало чувство, что я не смогу осудить его так, как оно должно быть осуждено. Если же я осуждал так, как оно должно быть осуждено, то не оставалось

Именно поэтому многие умозаключения Михаэля Берга сопровождаются риторическими восклицаниями и вопросами, на которые не получается дать однозначный ответ, например: исход судебного процесса, «когда осуждены были очень немногие, а нам, следующему поколению, оставалось лишь цепенеть от ужаса, стыда и сознания собственной вины, – разве он должен был быть именно таким?»¹¹⁷. Или: «Разве можно испытывать чувство вины, стыда и быть при этом столь торжествующе самоуверенным? <...> Ведь не могло стать утешением то, что мои страдания от любви к Ханне в определённой мере повторяли судьбу моего поколения, были немецкой судьбой, которой я не мог избежать и которую мне не удалось перехитрить, как это сделали другие»¹¹⁸. Или: «Может, разрыв с родителями был лишь своего рода риторикой, шумом, криком, который должен заглушить догадку, что любовь к родителям необратимо связана с причастностью к их вине?»¹¹⁹. Или: «Поговорить с Ханной? Но что сказать ей? Что я разгадал её обман? Что ей вот-вот придётся заплатить всей жизнью за этот глупый обман? Что он не стоит такой жертвы? Что надо бороться за то, чтобы не просидеть в тюрьме дольше положенного срока, потому что потом своей жизнью ещё можно воспользоваться для множества разных дел? Каких, собственно? <...> Имел ли я право лишать её этого обмана, этой иллюзии, не открывая новой жизненной перспективы?»¹²⁰.

Осмысление мифа о нацизме было продолжено Шлинком и в романе «Ольга». В нём автор попытался дать ответы на те вопросы, которые остались без ответа ранее. Если в романах о Зельбе были запечатлены фрагменты сознания поколения «отцов», а в «Чтеце» – поколения «детей», то в «Ольге» автор расширяет временные границы повествования и связывает миф о нацизме с мифом о немецком величии.

места для понимания. И всё же мне хотелось понять Ханну, ибо своим непониманием я бы снова предал её» (См.: Шлинк, Б. Чтец. С. 142).

¹¹⁷ Там же. С. 95.

¹¹⁸ Там же. С. 154–155.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Там же. С. 130.

В «Ольге» под властью этого мифа оказываются представители всех трёх поколений. Так, например, нацистские теории «чистой арийской расы» перекликаются с ранее звучащими речами о превосходстве немцев над племенами гереро, над славянами и т. п. Вопрос о вине поколения «отцов», поднятый после 1945 г., чрезвычайно напоминает вопрос принятия или осуждения политики Германии в Юго-Западной Африке на рубеже XIX–XX вв.

Показательно, что Ольга выступает против мифа об исключительной вине немцев. Она, по сути, повторяет аргументацию одного из персонажей книги Г. Грасса «Моё столетие», который, в свою очередь, двигался по стопам зачинателей знаменитого «спора историков». Ольга указывает, что немцы в Юго-Западной Африке совершали то же самое, что и прочие колониальные государства. Не только Германия занималась истреблением «чёрной расы», однако вину о первом геноциде вменили именно Германии: «Геноцид? Им мало того, что немцы вели там ужасную колониальную войну! Так же, как и все остальные! <...> Опять им нужно нечто великое! Первый геноцид!»¹²¹.

Таким образом Шлинк косвенно отражает новейшее отношение к мифу о нацистском прошлом, которое стало проявлять себя лишь в 1990-е гг. Признавая преступления прошлого, воспринимая их в качестве морального урока для настоящего, поколение «внуков» и «правнуков», по сути, требует равного отношения ко всем преступлениям, совершённым в прошлом как немцами, так и другими нациями. О том, что это представляет определённую проблему, свидетельствуют слова самого автора из Гейдельбергских лекций: «Реакции возмущения и страдания пришли из поколений детей и внуков. В этом прошлом нет ничего, что можно понять, просто осудить, и дать человеческое лицо тому, кто совершил чудовищные поступки. Даже когда реакция часто касалась меня, как будто дети и внуки, пишущие о прошлом, не желают терпеть других, кроме своих переживаний и других историй о своих

---

¹²¹ Шлинк, Б. Ольга. С. 159.

родителях и бабушек с дедушками, как будто речь идёт в какой-то мере о величии прошлого, я не могу отказаться от чувства ранимости и травмы»¹²².

Роман «Ольга» стал некой чертой в выстраивании авторской позиции по вопросам особого немецкого прошлого, индивидуальной и коллективной вины, долга и ответственности за произошедшее во времена нацистского режима.

Л. Мафу охарактеризовала роман «Ольга» как попытку автора на примере длительного «жизненного пути героини рассказать немецкую историю в императорское время, во времена Веймарской республики, нацистского режима, во время двух мировых войн и в послевоенное время» и показать, к каким последствиям «может привести мания величия»¹²³.

Панорамность изображения немецкой истории в «Ольге», глубина авторских размышлений и сведение воедино отдельных сюжетных линий, знакомых читателю по прошлым произведениям, поставили этот роман на одну ступень с «Чтецом»¹²⁴. К. Гайслер в газете «Франкфуртер Рундschau» справедливо назвал Ольгу «более многогранной и изображённой психологически более тонко» – по сравнению с другими персонажами Шлинка¹²⁵.

§ 4. Художественная репрезентация «немецкого экономического чуда» в произведениях Б. Шлинка

Период «немецкого экономического чуда» не менее мифологизирован в истории немецкой культуры, чем период нацизма.

---

¹²² Schlink, B. Op. cit. S. 35.

¹²³ Mahfouz, L. Lesung und Rezension zu Bernhard Schlinks Roman “Olga” // Kultumea. Kultur und mehr anders. 2018. 2. Okt. URL: <https://www.kultumea.de/2018/10/02/lesung-und-rezension-zu-bernhard-schlinks-roman-olga/> (дата обращения: 29.05.2019).

¹²⁴ См.: «Ein neues Buch des international bekannten Autors Bernhard Schlink ist immer ein Ereignis. “Olga” bietet einen Ritt durch deutsche Geschichte, ein paar faustdicke Überraschungen und erinnert an Schlinks “Der Vorleser”» (Kürten, J. Op. cit.).

¹²⁵ Geissler, K. Die Königskinder, die zueinander kommen durften // Frankfurter Rundschau. 2018. 13. Jan. URL: <https://www.fr.de/kultur/literatur/koenigskinder-zueinander-kommen-durften-11038707.html> (дата обращения: 09.06.2020).

В результате поражения во Второй мировой войне в Германии произошло снижение уровня промышленного производства в несколько раз по сравнению с довоенным временем, уровень жизни катастрофически упал, население страны пребывало в подавленном психологическом состоянии.

Однако благодаря стремительным переменам в политической и экономической сферах к лучшему, начавшимся в 1950-е гг., Германии удалось выйти на новый уровень. Экономический прорыв в Германии получил название «немецкое экономическое чудо».

Отцом и главным «архитектором» «немецкого экономического чуда» принято считать первого министра экономики и второго канцлера ФРГ Л. Эрхарда. Стратегическая линия его политики состояла в том, чтобы использовать стабилизирующий эффект жёсткой денежной реформы с одновременным проведением либерализации цен¹²⁶. Как говорил сам Л. Эрхард, «оказалось непросто убедить немцев в том, что единственное спасение от голода, нищеты и засилья спекулянтов» состояло «в том, чтобы освободить цены, отказаться от карточек и как можно скорее включить рыночные механизмы»¹²⁷. К этому времени немцы отвыкли «от инициативы, отвыкли от свободы и неразрывно связанной с ней ответственности за самих себя»¹²⁸.

Феномен беспрецедентного восстановления Германии и роста её хозяйственной мощи в 1950–1960-е гг. привёл к восстановлению в сознании немецкой нации уверенности в эволюционном развитии собственной страны и потенциальном могуществе Германии. При этом экономические успехи входили в определённое противоречие с процессом осмысления недавнего прошлого. С одной стороны, как в ФРГ, так и в ГДР проводились показательные судебные процессы над выявляемыми нацистскими преступниками, пик которых пришёлся на 1960-е гг. С другой стороны, сама

---

¹²⁶ См.: Зарицкий, Б. Е. Людвиг Эрхард: секреты «экономического» чуда. М. : Бек, 1997. С. 74.

¹²⁷ Цит. по: Зарицкий, Б. Е. Указ. соч. С. 85.

¹²⁸ Там же.

фигура Конрада Аденауэра – федерального канцлера ФРГ с 1949 по 1963 г., на которые пришёлся экономический подъём страны – в политической истории выглядит неоднозначно, ибо в его управленческом аппарате государства около 2/3 сотрудников ранее состояли в нацистской партии¹²⁹. Именно об этой проблеме шла речь, например, в знаменитых романах Г. Бёлля «Бильярд в половине десятого» (*Billard um halb zehn*, 1959) и «Глазами клоуна» (*Ansichten eines Clowns*, 1963).

Шлинк не менее критично, чем Г. Бёлль, относится к идеализированию результатов стремительного экономического развития Германии. Мифологизация положительных результатов экономического развития (то самое «чудо») представляется ему лишь одной стороной медали. Сразу отметим наследование им традиций бёллевской прозы. Подобно Бёллю, Шлинк довольно подробно рассматривает тему «экономического чуда» в романах «Правосудие Зельба», «Обман Зельба», «Женщина на лестнице», «Три дня». Так, в романе «Правосудие Зельба» не только упоминает о возвращении бывших нацистов на общественные и гражданские посты, но и рисует крупным планом образы благополучного послевоенного существования немецких промышленников, чьи предприятия работали раньше на нужды рейха. При этом забывается, что в годы нацизма функционирование этих предприятий часто было связано с использованием труда заключённых евреев. Это были не только рядовые рабочие, но и ведущие специалисты, которым сохраняли жизнь в обмен на их знания. Автор раскрывает пугающие подробности деятельности Рейнского химического завода (далее – РХЗ) на территории Германии в период 1933–1945 гг. «Именитые еврейские химики вынуждены были в тяжелых и унижительных условиях трудиться над разработкой химических боевых отравляющих

---

¹²⁹ В 2015 году сотрудники Центра исследований новейшей истории в Потсдаме по заказу министра внутренних дел Германии Томаса де Мезьера (Thomas de Maiziere) уже изучали биографии сотрудников министерства внутренних дел бывшей ФРГ и бывшей ГДР в период с 1949 по 1970 год. В результате они выявили высокий процент лиц с нацистским прошлым. См.: Сотников, И. Историки проверят власти ФРГ времен Аденауэра на связи с нацистами // Deutsche Welle. 2016. 26. November. URL: <https://www.dw.com/ru/историки-проверят-власти-фрг-времен-аденауэра-на-связи-с-нацистами/a-36538161> (дата обращения: 17.03.2019).

веществ», – свидетельствует Зельб¹³⁰. Сам же Кортен, послевоенный генеральный директор РХЗ, ранее беззастенчиво воспользовался научными разработками заключённого химика-еврея, чтобы создать себе имя в профессиональной сфере. Один раз Кортен сказал: «Использовать других людей незасорно, главное – не дать им это почувствовать, это было бы бестактно»¹³¹. Ту же мысль Кортен высказал и самому Зельбу в ответ на упрёк со стороны детектива: «Что это вдруг на тебя нашло? “Отнять жизнь”, “отдать жизнь”, “трагизм”, “использовали”!.. По-моему, использовать других людей незасорно, главное – не дать им это почувствовать: это было бы бестактно. Или я ошибаюсь?»¹³².

Рисуя конфликт между Кортеном и Зельбом, автор по сути разрушает один их благообразных элементов мифа о «немецком экономическом чуде». Да, Германия может гордиться тем, что обладает крупной промышленностью, но Зельб задумывается и над вопросами нравственности, связанными с экономическими вопросами. Кортен в романе не испытывает вообще никакого раскаяния за свои поступки в прошлом. Для него прошлое не более чем один из этапов профессиональной карьеры. По словам Зельба, Кортену было свойственно особое средство «преодоления собственного прошлого: цинизм и уверенность в том, что он всегда был прав и всего лишь выполнял свой долг». Кроме того, война и непростые условия труда пленных евреев послужили лишь «умножению славы РХЗ», и как следствие, в очередной раз возвеличили самого Кортена¹³³. Зельб, общаясь с Кортеном, открывает для себя, что тот и ему подобные ничего не вынесли для себя из трагических событий прошлого. При этом Кортен не один такой. Зельб понимает, что государственная власть всегда готова пойти навстречу тем, кто обладает авторитетом в деловых кругах и влияет на экономическую жизнь региона¹³⁴.

---

¹³⁰ Шлинк, Б. Правосудие Зельба. С. 132.

¹³¹ Там же. С. 140.

¹³² Там же. С. 214.

¹³³ См.: Там же. С. 299.

¹³⁴ Укажем на выводы из расследования, проведённого независимой научной комиссией, которую в 2012 г. создало Федеральное министерство юстиции и защиты прав потребителей Германии. Один из руководителей независимой научной комиссии М. Гёртемакер (Manfred Görtemaker) приводит следующие

Занимаясь вначале проблемой тривиального экономического шпионажа на РХЗ, Зельб постепенно обнаруживает мрачные факты прошлого, которые меняют его отношение к генеральному директору. Несмотря на то, что Кортен в каком-то смысле является другом детства Зельба, детектив внезапно обнаруживает перед собой моральное чудовище. Зельб, раскрыв одно из убийств, связанных с деятельностью РХЗ, обвиняет Кортена в убийстве двух человек, однако Кортен довольно лицемерно нивелирует значимость человеческой жизни, говоря, что «всё это громкие слова», он лишь выполнил «свой долг»¹³⁵. От слов Кортена об обесценивании человеческой жизни у Зельба «внутри разверзлась пустота»¹³⁶.

Именно этими эмоциями обусловлен внезапный порыв Зельба, решившего собственноручно восстановить справедливость по отношению к жертвам нацизма. Успешный предприниматель, один из столпов экономического могущества новой Германии в глазах Зельба оказывается не кем иным, как преступником, которого Зельб, как бывший прокурор, немного запоздало приговаривает к смерти.

В сцене их последнего общения обнаруживается интересный психологический момент. Кортен с лёгкой иронией спрашивает у своего визави о причинах его возмущения: «А кто вёл дознание против Тиберга и Домке? Кто заманил Мишке в мышеловку и захлопнул её? Мы все повязаны, все! И надо это понять, принять и выполнить свой долг»¹³⁷. Автор показывает, что в настоящем, предъявляя обвинения Кортену, Зельб выступает против мифа. И в этом обнаруживается его бессилие, ибо Кортен – составная часть «немецкого экономического чуда». Привлечь к ответственности его

шокирующие факты: в некоторых департаментах министерства юстиции практически все чиновники имели отношение к Третьему рейху, кто-то состоял в НСДАП, а кто-то входил в состав штурмовиков СА. Комиссия документально подтвердила, что денацификация в Западной Германии во многих отношениях была проведена лишь на словах. И после 1945 г., который стал как бы началом новой, демократической жизни, во власти продолжали находиться бывшие нацисты. (См.: Фукс, Р. Бывшие нацисты среди юристов: история министерства юстиции ФРГ // Deutsche Welle. 2016. 12. Okt. URL: <https://www.dw.com/ru/бывшие-нацисты-среди-юристов-история-министерства-юстиции-фрг/a-36024290> (дата обращения: 11.06.2019)).

¹³⁵ Шлинк, Б. Правосудие Зельба. С. 301.

¹³⁶ Там же. С. 302.

¹³⁷ Там же. С. 301.

невозможно, потому что это означало бы попытку привлечь к ответственности всю систему¹³⁸, поставить под вопрос саму положительную оценку экономического чуда. По этой причине Зельбу остаётся только совершить самосуд. Он выступает как частное лицо против коллективной убеждённости.

«Немецкое экономическое чудо» дало возможность Западной Германии гордиться собою как страной. Строительство новой экономической системы в ФРГ позволило стране завоевать уважение у других стран, отношения с которыми были «расшатаны войной». В психологическом отношении «экономическое чудо» дало западным немцам право на новую национальную гордость – вместо долгих «политических дискуссий на тему войны и национал-социализма», – замечает Х. Кривет¹³⁹.

Не отрицая этого, Шлинк в то же время размышляет и об определённом государственном снобизме, который со временем всё более проявлял себя в общественной жизни. Даже в повседневности граждане Западной Германии могли себе позволить очень многое. Герои Шлинка, например, будучи финансово обеспеченными, могут позволить себе путешествия в разные страны. Как о само собой разумеющемся, они замечают: «В восемь вечера я поехал во Франкфурт и оттуда улетел в Афины»¹⁴⁰; или: «В последние годы мы с Петером всегда ездили в отпуск вместе. Мы и познакомились в клубе “Медитерране”. И сейчас мы были бы уже на Сицилии. Поздней осенью мы обычно ездили куда-нибудь на юг»¹⁴¹.

В «Правосудии Зельба» автор изображает комфорт повседневной жизни западных немцев. Описание всевозможных деликатесов и разнообразных алкогольных напитков тонко вплетено в текст романа, например: «Я распрощался с ними и удалился в сторону буфета. Запасшись порцией филе

---

¹³⁸ Кортен пользуется влиянием в политических сферах Германии, он вхож в круг общения федерального канцлера.

¹³⁹ Kriwet, H. Deutsche Geschichte. Wirtschaftswunder // Planet-wissen. 2019. 13. Juni. URL: https://www.planet-wissen.de/geschichte/deutsche_geschichte/wirtschaftswunder/index.html (дата обращения: 08.07.2019).

¹⁴⁰ Шлинк, Б. Правосудие Зельба. С. 106.

¹⁴¹ Там же. С. 172.

барашка под корочкой из зелени на подогретой тарелке, я озирался в поисках Фирнера, когда ко мне подошел Шмальц»¹⁴². Или: «Хорошая погода ушла, подарив нам на прощание ослепительно-солнечный день. Мы с моим другом Эберхардом устроили пикник у Фойденхаймского шлюза и явно переоценили свои силы. Эберхард прихватил с собой деревянный ящичек с тремя бутылками довольно приличного бордо, и, открыв “на десерт” еще и “Форстер Бишофсгартен” с РХЗ, мы совершили роковую ошибку»¹⁴³. Или: «Я сел в такси и поехал в бассейн Хершельбад. Но в сауне был женский день. Тогда я велел таксисту отвезти меня в “Розенгартен”, где я был завсегдатаем, и заказал сальтимбокка алла романа»¹⁴⁴. Или: «Но, по-моему, после такого яблочного пирога... – он нежно посмотрел на упомянутое кондитерское изделие несколько болезненного вида, распространявшее синтетический аромат корицы, – нам следует завершить наш обед в кафе на Академиштрассе»¹⁴⁵; «В кафе Мишке заказал себе кусок вишневого торта, кусок фруктового пирога, слоеное “ухо” и кофе. Со сливками. “Да, этого на убой не откормишь”, – подумал я. Я завидую стройным людям, которые могут лопать за троих, не заботясь о калориях»¹⁴⁶. Сцены, художественно описывающие комфортную бытовую жизнь людей, иллюстрируют несомненно беззаботное существование западных немцев в своей стране.

Подобный снобизм проявился и в отношении западных немцев к своим восточным соседям. В романе «Прощание Зельба» главный герой, оказавшись в Восточной Германии, думает: «Нет, люди здесь тоже другие. У них не только другая одежда – более убогая. У них другие лица – более усталые. Они двигаются медленнее, неувереннее, осторожнее. Ни следа привычной бодрости и решительности ни в лицах, ни в жестах. Они напомнили мне

---

¹⁴² Шлинк, Б. Правосудие Зельба. С. 49.

¹⁴³ Там же. С. 55.

¹⁴⁴ Там же. С. 59.

¹⁴⁵ Там же. С. 80.

¹⁴⁶ Там же. С. 81.

прежние времена»¹⁴⁷. По мнению Зельба, западные немцы более уверены в себе, бодры в поведении и решительны в поступках¹⁴⁸.

Наконец, как показывает Шлинк, оборотной стороной «экономического чуда» стали проблемы в экологии. Горькой иронией наполнено замечание Зельба о том, что «производственные ритмы РХЗ и ветер самовластно определяют, где и когда в регионе должно пахнуть хлором, серой или аммиаком»¹⁴⁹. После Второй мировой войны в ФРГ стали семимильными шагами развиваться химическая и атомная промышленность. Поэтому после политической войны началась война между экологами и промышленниками, заручившимися поддержкой со стороны политиков. Силу влияния промышленников на общественную жизнь легко понять по одному эпизоду: «Полиция попыталась проехать на территорию, чтобы выяснить обстоятельства происшествия, но её не пустили»¹⁵⁰. Что бы ни происходило в городе¹⁵¹, вопросы экономической выгоды и целесообразности всё равно оказываются на первом месте. Как замечает Бригита, подруга Зельба, «я много чего думаю об РХЗ... для меня Рейнский химический завод – это противозачаточные таблетки, отравленный воздух и отравленная вода, это власть, это Кортен»¹⁵².

Взрыв на территории РХЗ превращается из частной промышленной проблемы в проблему для всего города. У Зельба, который приехал на завод, чтобы встретиться с Кортеном, «сразу же начали слезиться глаза, а во рту появился какой-то ядовитый привкус, потом... начался приступ кашля»¹⁵³. «Посмотрим, как поведёт себя хлорный газ, – говорит один из руководителей завода. – Мы надеемся за послеобеденные часы постепенно дать возможность разъехаться по домам рабочим и служащим РХЗ. <...> Если концентрация

---

¹⁴⁷ Шлинк, Б. Прощание Зельба. С. 87.

¹⁴⁸ Подробнее о Восточной Германии речь пойдёт в главе 3.

¹⁴⁹ Шлинк, Б. Правосудие Зельба. С. 8.

¹⁵⁰ Там же. С. 34.

¹⁵¹ «Чем бы там ни был смог – я видел зелёное облако, и оно росло. Причём росло именно здесь, на территории завода» (Там же. С. 34–35).

¹⁵² Там же. С. 140.

¹⁵³ Там же. С. 37.

хлорного газа не снизится наполовину, нам придётся эвакуировать жителей из районов восточнее Лейшнерштрассе и, может быть, даже из Неккарштадта и Юнгбуша»¹⁵⁴. Впрочем, руководство РХЗ довольно спокойно относится к подобным происшествиям и предпочитает обходиться лёгкими профилактическими мерами: «Из-за одной только окиси углерода мы бы не стали объявлять смоговую тревогу. Самое страшное – это хлор. Тут уж, конечно, людям лучше сидеть дома или в офисе – во всяком случае, не болтаться по улицам»¹⁵⁵.

При этом Кортен всегда способен подать ситуацию в выгодном для него свете. Пресса, например, пишет не о химическом взрыве на РХЗ, а «освещает эту историю главным образом с метеорологической стороны», то есть убеждает жителей города в том, что всё нормализовалось после незначительного и случайного происшествия¹⁵⁶.

«Много газетных материалов было посвящено пожару в марте 1978 года. В прессе говорилось о сорока миллионах марок ущерба, ничего не сообщалось о погибших или раненых, зато печатались заявления руководства РХЗ о том, что яд, выделявшийся из горящих пестицидов, был совершенно безвреден для человеческого организма. Меня потрясают подобные заявления представителей химической промышленности, – замечает Зельб, – получается, что яд, уничтожающий тараканов, которые, по всем прогнозам, переживут даже атомный холокост, для нас, людей, не более вреден, чем дым от древесно-угольного барбекю-гриля. На эту тему я обнаружил в папке также взятые из журнала “Штадт-штрайхер” материалы группы “Хлорно-зеленые”, согласно которым во время пожара выделялись “сезезояды” ТХДД, гексахлорофен и трихлорэтилен»¹⁵⁷.

Для более беспроблемного функционирования РХЗ Кортен и ему подобные проталкивают принятие специального федерального закона. Один

---

¹⁵⁴ Шлинк, Б. Правосудие Зельба.

¹⁵⁵ Там же. С. 38.

¹⁵⁶ Там же. С. 44.

¹⁵⁷ Там же. С. 147–148.

из сотрудников завода откровенно заявляет: через некоторое время будет потерян важный рычаг воздействия общественности на промышленность региона – как раз благодаря этому закону. «Власть останавливает власть (Le pouvoir arrête le pouvoir) (Шарль Луи де Монтескье), – говорит он, – регулирование закона об охране окружающей среды от воздействия экологически вредных выбросов на федеральном уровне блокирует исполнение данного закона на уровне федеральных земель. Кроме того, мы имеем дело со свободой права собственности, защитой предпринимательской деятельности и частной сферой предприятий»¹⁵⁸. В каждом эпизоде романа прослеживается аналитическая работа авторского сознания относительно опасности результатов воздействия «немецкого экономического чуда» на поведение и образ жизни простых немцев, что определяет и проблематику романа – косвенное влияние нацистского прошлого и пребывания бывших нацистов у власти на успешное экономическое развитие страны. Налицо явная попытка скрыть за внешним благополучием современной Германии печальную связь прошлого с настоящим.

Тема теневой стороны немецкого «экономического чуда» была продолжена Шлинком в романе «Обман Зельба». Сделав главной героиней произведения молодую девушку Лео, смело вступившую в борьбу с химическим гигантом РХЗ, Шлинк косвенно связал развитие молодёжного протестного движения в Германии с усталостью от лицемерной политики властей, воспевающих лишь экономические достижения страны.

«Все эти свинства продолжают – умирание лесов, химия в воздухе и в воде, атомные электростанции, ракеты и то, как они гробят города и вооружают полицию. Единственное, чего ты можешь добиться, это что газеты и телевидение какое-то время обо всем этом больше говорят. А потом тема выдыхается, и опять никто не хочет писать о лесах или показывать их по

---

¹⁵⁸ Шлинк, Б. Правосудие Зельба. С. 46.

телевидению, и люди думают, что все о'кей, а все становится только хуже», – с отчаянием говорит Лео¹⁵⁹.

Ещё молодёжное движение 60-х призывало «сытое» немецкое общество, занятое шопингом, посещением ресторанов, путешествиями, обратить внимание на загрязнённую природу, захоронения опасных химических отходов в непосредственной близости от населённых пунктов, превышение допустимых норм химических выбросов... Однако государству было выгодно иметь довольное общество, удовлетворяющее все свои первичные потребности. Таким обществом легко управлять, обеспечивая его бытовым комфортом, красивыми вещами в магазинах, синтетическими продуктами и вселяя в них чувство гордости и осознание собственного превосходства по сравнению со всеми остальными.

Именно в этом можно увидеть, по мнению Шлинка, причину радикализации молодёжного движения в послевоенной Германии. Так, например, Лео и её товарищи «решили проникнуть на Рейнский химический завод в Людвигсхафене и сделать так, чтобы вредные отходы сами себя выдавали – чтобы вода и воздух вокруг завода были не только отравленными, но еще и цветными. Фиолетовые облака и желтый Рейн стали бы самыми наглядными свидетельствами загрязнения окружающей среды. Они, кроме того, планировали террористический акт на Рёмеррайз, на Бисмаркплац и на Аденауэрплац, хотели в час пик отключить все светофоры, парализовать городское движение в Гейдельберге и тем самым продемонстрировать перегруженность транспортных магистралей»¹⁶⁰.

Писатель в своих размышлениях продолжает традицию критики общества потребления, ярко выраженную в произведениях его предшественников, например, в романе Г. Грасса «Под местным наркозом» (1969). В финале повествования рассказчик Грасса мысленно рисует перед собой картину благоденствующего бюргерского общества, приехавшего на

---

¹⁵⁹ Шлинка, Б. Обман Зельба. СПб. : Азбука ; Азбука-Аттикус, 2011. С. 131.

¹⁶⁰ Там же. С. 133.

отдых на побережье Северного моря. Проходящая перед его глазами «предварительно вымытая публика с латунными номерками на запястьях», все эти «жирные дамы и седеющие господа, новобранцы бундесвера с вестерфельдской молодежью» вызывают в нём тихую ненависть и желание подвергнуть их «испытанию». Благодаря устроенному им рукотворному шторму в элитном бассейне публику «бросает... на кафельные ступеньки бассейна», «перебрасывает через ступеньки и ударяет о торцовую стенку всего только год назад открывшегося бассейна. Нет, ломается не глазированный клинкер, ломаются ребра». «После четвертого наката на торцовую стенку детишки дрейфуют бескостно», наконец, «цементный раствор не выдерживает, не держится. Последний бурун уже плечисто вырывается из погнутой решетки. Он перепрыгивает откат, мимоходом захватывает дрейфующую немую компанию и вышвыривает ее, сломав стену, в январский день. Они шлепаются, разбрызгивая соленую воду, на плиты площадки за променадом»¹⁶¹.

Похожую ярость по отношению к обществу потребления испытывал и главный герой романа Х. Крауссера «Сытый мир» (1992): «Толпа потребителей, этих машин для заглатывания товаров... Уверенность, здоровье, благосостояние и толстощёкие дети. Если бы ещё... их пошлость не была такой убийственной! ... Их подлость, их гнусное приобретательское хитроумие. Они повсюду. Голодные недобитки, они шатаются по торговым центрам, бродят по супермаркетам, жадно шныряют по бутикам; ходячие утробы, монстры из кишок и конфетти...

И я должен устоять против них, одержать над ними верх, очень тихо и незаметно, в противном случае они меня уничтожат...¹⁶² Лемех плуга ненависти переворачивает пласты моей земли. Когда уже этот мир наконец обожрётся и выблует на свет божий своё нутро?»¹⁶³.

---

¹⁶¹ Грасс, Г. Под местным наркозом. СПб. : Азбука, 2000. 320 с.

¹⁶² Любопытно, что Зельб так же «тихо и незаметно» расправляется с Кортенем, сталкивая того с обрыва («Правосудие Зельба»). И точно так же «уничтоженной» оказывается Ирена («Женщина на лестнице»).

¹⁶³ Крауссер, Х. Сытый мир. СПб. : Амофра, 2004. С. 390.

Ориентация государства только на политическое и экономическое развитие, а также последующее избрание на пост канцлера Курта Георга Кизингера – бывшего члена партии НСДАП – повлекли за собой волну студенческих возмущений в 1968 г. Репрессивные законы правительства, возмущение продолжающейся войной во Вьетнаме и другие обстоятельства вызвали заметную радикализацию волнений¹⁶⁴. Идеологической основой студенческого движения стала смесь постулатов марксизма, анархизма, а также идей социалистического преобразования общества, не связанных напрямую с социализмом в СССР¹⁶⁵.

Взросшее общественное недовольство происшедшими событиями стало причиной возникновения в Германии в 1968 г. «Фракции Красной Армии» (*Rote Armee Fraktion, RAF*)¹⁶⁶, вставшей на путь терроризма против государства. Её идеология основывалась на мифе «очищения и обновления» нации от старых грехов путём уничтожения бывших нацистов.

О радикальном протесте человека против правил жизни в «сытой» послевоенной Германии идёт речь и в романе Шлинка «Женщина на лестнице». Ирена, главная героиня, в молодости связанная с РАФ, также устраивала теракты, направленные против лицемерного немецкого общества. Её судьба интересна тем, что она во многом демонстрирует откровенное

---

¹⁶⁴ Так, например, радикально настроенные студенты стали поджигать торговые центры, привлекая внимание общественности к тому, насколько ничтожным формируется новое современное общество ФРГ, которое они обозначили как общество потребления. См.: Женин, И. Левый терроризм в Германии // Постнаука. 2015. 11 марта. URL: <https://postnauka.ru/video/42423> (дата обращения: 02.03.2020) ; Пенская, Е. Н. История студенческих протестов. 1968 г. в Европе. Хроника событий // Вопросы образования. 2008. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-studencheskih-protestov-1968-g-v-evrope-hronika-sobytyiy> (дата обращения: 20.03.2019).

¹⁶⁵ Необходимо упомянуть здесь особую роль Франкфуртской социологической школы, повлиявшей на радикализацию молодёжи Германии.

¹⁶⁶ Немецкая леворадикальная террористическая организация, действовавшая в ФРГ и Западном Берлине в 1968–1998 гг. Идеология Фракции Красной Армии частично основывается на неомарксизме «Франкфуртской школы», хотя ее представители никогда не пропагандировали терроризма. В своих трудах основатели РАФ, в частности Ульрика Майнхоф, также отталкиваются от идей марксизма-ленинизма. Кроме этого, в политических взглядах заметны и маоистские тенденции. Поэтому РАФ называют также террористами от неомарксизма. Члены РАФ испытывали ненависть к государственному аппарату ФРГ. Они приписывали развитию западноевропейского общества нацистские тенденции и считали, что национал-социалистское прошлое продолжает оказывать прямое влияние на современность ФРГ. Представители первого поколения во главе с начинавшей свой профессиональный путь в качестве журналистки Ульрикой Майнхоф разработали теорию революционного радикализма. (См.: Кёнен, Г. Веспер, Энслин, Баадер. Немецкий терроризм : начало спектакля. Екатеринбург : Ультра. Культура, 2004. 480 с. URL: <https://www.twirpx.com/file/1575062/> (дата обращения: 20.03.2019)).

донкихотство борьбы против идеологии потребительства. Ирена в конце концов бежит из ФРГ в ГДР, воспринимая Восточную Германию как место, в котором немцы ещё не так зависимы от страсти к приобретению вещей. Однако после падения Берлинской стены восточные немцы, легко забыв все социалистические идеалы, точно так же стройными рядами пошли в супермаркеты. Ирена понимает, что вся её борьба в прошлом была напрасной, и, разочаровавшись в согражданах, уезжает вообще подальше от Европы¹⁶⁷.

Подобным трагизмом проникнут и роман «Три дня». Его главный герой Йорг¹⁶⁸, так же принадлежавший к группировке РАФ и отбывший тюремное заключение, выходит на свободу. На свободе он наблюдает развенчивание всех мифов, которыми он жил раньше и ради которых он сидел в тюрьме 24 года.

Политическое движение РАФ, которое возникло в результате студенческих протестов в конце 1950-х – начале 1960-х гг., рассматривало свою деятельность как городскую партизанскую борьбу против государственного аппарата, капитализма, милитаризма и нацистского прошлого. Йорг вспоминает: «Не бороться мы не могли. Наши родители приспособились и увильнули от сопротивления – мы не должны были этого повторить»¹⁶⁹. В беседе с молодым Марко он предостерегает: «Оттого проблемы возвращаются снова, что не были разрешены. И РАФ тоже вернётся. Иная, чем тогда. Но вернётся. А так как капитализм стал глобальным, то и борьба с ним будет вестись в глобальном масштабе – решительнее, чем прежде»¹⁷⁰.

Таким образом, размышляя о «немецком экономическом чуде», Шлинк характерным для себя образом, обстоятельно, аналитично, подходит к разнообразным мифологическим по своей природе представлениям,

---

¹⁶⁷ Рассказчик находит её в Австралии, где она на нелегальном положении доживает свои последние дни в совершеннейшей глуши.

¹⁶⁸ Его прототипом выступил леворадикальный террорист Кристиан Клар.

¹⁶⁹ Шлинк, Б. Три дня. СПб. : Азбука СПб, 2010. С. 207.

¹⁷⁰ Там же. С. 210–211.

бытующим в общественном сознании. Судьбоносная перемена в национальной истории, позволившая Германии вновь занять достойное место среди европейских наций, связывается автором и с целым рядом негативных явлений, таких как развитие потребительской психологии в обществе, замалчивание проблем прошлого и потеря исторической памяти¹⁷¹, разрушение экологического баланса, провоцирование радикальных настроений среди молодёжи. Это обуславливает авторскую иронию по отношению к «священным коровам» немецкой истории, и использование Шлинком жанровой формы романа-размышления (в романе «Три дня»), и появление в его повествовании фигуры одиночки, борющегося против системы.

---

¹⁷¹ В заключительной части детективной трилогии Шлинка банкир Велькер говорит: «Прошлое, прошлое... Я устал это слушать! Родители долдонили о своих страданиях во время войны, о своих героических подвигах в период восстановления и об экономическом чуде, молодые учителя приставали со своими мифами шестьдесят восьмого года. Скука смертная! У вас что, тоже свои мифы? Перестаньте! Мое дело – удержать на плаву банкирский дом “Веллер и Велькер”» (Шлинк, Б. Прощание Зельба, с. 229–230).

Глава 2. Художественные особенности прозы Б. Шлинка о Родине (Отечестве)

В произведениях Шлинка, когда речь заходит о Германии, используется как слово *Heimat* («Родина»), так и *Vaterland* («Отечество»). В «Гейдельберских лекциях» одна из частей носит название *Über die Heimat schreiben*. Вместе с тем, обращаясь к немецкой истории, Шлинка, например, вспоминает известный вопрос из стихотворения Эрнста Морица Арндта: «Was ist des Deutschen Vaterland?». Помимо этого, в его книгах с понятием «родины»/«отечества» связаны такие топосы, как «Германия», «Восточная Германия», «Западная Германия», «Гейдельберг» (как малая родина), «Швейцария» (как родные места, родина бабушки и дедушки) и даже «Америка» (как место, ставшее родным).

Причины подобной «многоликости» «Родины» в сознании Бернхарда Шлинка отчасти приоткрывает он сам. Так, «Гейдельберг» является для писателя пространством, в котором он «прожил полжизни» и в котором он «переживал то, что входит в каждую историю»¹⁷².

Со Швейцарией у Шлинка связаны детские воспоминания о проведённых там летних каникулах у дедушки с бабушкой: «Я вспоминаю при этом мои каникулы у бабушки с дедушкой на Цюрихском озере»¹⁷³. Примечательно, что стиль описания дедушки Петера Дебауэра в романе «Возвращение» практически полностью совпадает с описанием реального дедушки самого Шлинка.

Сравним: «Каникулы у моих бабушки и дедушки проходили из года в год одинаково. Для меня они не старели; они были для меня старыми и оставались старыми, дедушка с голым черепом, седыми усами и крепкой

---

¹⁷² Schlink, B. Op. cit. S. 61–62.

¹⁷³ Ibid. S. 62.

походкой, бабушка в серых и синих платьях, с седыми волосами и тонким смехом, который меня одновременно и пугал, и очаровывал»¹⁷⁴.

«Я доезжал до большого города на берегу озера, и там моё путешествие заканчивалось. Это была конечная станция, и мне нужно было просто идти вдоль перрона к вокзалу, ведь разминуться с дедушкой я никак не мог: он был большой и сильный, с пышными седыми усами и лысиной на голове, с тёмными глазами, одетый в светлый полотняной пиджак, с соломенной шляпой и тростью в руке»¹⁷⁵.

Несмотря на то, что Шлинк большую часть жизни был западногерманским писателем, в его сознании нельзя обнаружить отождествления понятий «родина» и «Западная Германия». Обращаясь к его произведениям, мы угадываем, что в них рядом с констатацией разделения Германии на *Западную* и *Восточную*, присутствует также и ощущение чего-то большего – *объединяющего* их. Это проявляется, например, в неоднозначности оценок. Так, детектив Зельб довольно критично оценивает жизнь и быт восточных немцев, однако Ирена Гундлах из более позднего романа «Женщина на лестнице» бежит из Западной Германии в Восточную, потому что именно там она надеется почувствовать себя *дома*.

Следует учитывать и длительное пребывание Шлинка в Америке, с которой связаны многие обстоятельства его личной, профессиональной и творческой жизни. В «Гейдельбергских лекциях» Шлинк заметил, что он не просто может писать на немецком языке и в Америке, то есть продолжать оставаться немецкоязычным автором, – в Америке он получает особенный для себя, важный опыт размышления и творчества на английском языке. Ранее он и представить себе не мог, что для выступлений перед американской публикой станет писать научные и иные тексты на английском языке, а не переводить их с немецкого «оригинала». Это происходит потому, что «на английском думается иначе, нежели на немецком – конкретнее, прямее, более

---

¹⁷⁴ Schlink, В. Op. cit. S. 63.

¹⁷⁵ Шлинк, Б. Возвращение. С. 6.

лично»¹⁷⁶. Таким образом, подытоживает Шлинк, воспринимать родину исключительно как географическое понятие – утопия¹⁷⁷.

Однако независимо от того, идёт ли речь о родине как образе из детства, или как констатации географического местонахождения, или как отсылки к политической ситуации современности, или как обозначении комфортного пространства жизни, Шлинк везде исследует типичные мифологические представления, связанные с «родиной». В последующих параграфах мы попытаемся реконструировать важнейшие проблемные вопросы, связанные с концептом «родина» в его авторском сознании.

§ 1. Германское Отечество в произведениях Б. Шлинка

Необходимость определения единого немецкого Отечества возникла в немецком поэтическом обществе ещё в XVIII в., когда Шиллер в незаконченном стихотворении «Немецкое величие» (1805) затронул вопрос немецкого Отечества и проблему патриотизма («Нашей славы час пробьёт – // Немца час ещё придёт»)¹⁷⁸. Полвека спустя, вслед за Шиллером, Гофман фон Фаллерслебен (1798–1874) написал слова к «Песне немцев» (1841).

Среди немецких философов и писателей конца XVIII – середины XIX в. бытовало мнение, согласно которому формирование у немцев осознания германского Отечества возможно лишь при наличии единой культуры и языка. Немецкой национальной культуре принадлежат труды выдающихся немецких писателей, мыслителей и композиторов.

О некоем особенном «народном духе» размышлял ещё в конце XVIII в. И. Г. Гердер, обративший внимание на особое значение для его формирования «языка, культурных особенностей, истории, обычаев»¹⁷⁹. Благодаря этому, как

---

¹⁷⁶ В ориг.: «Im Englischen denkt es sich anders als im Deutschen, konkreter, direkter, persönlicher» (Schlink, В. Op. cit. S. 75.)

¹⁷⁷ В ориг.: «Wo ich schreibe, wo ich auf Deutsch schreibe, da ist meine Heimat, da schaffe ich sie mir in den Orten, über die ich schreibe» (Ibid. S. 84)

¹⁷⁸ Шиллер, Ф. Драмы, стихотворения. М.: 1975. С. 813–814.

¹⁷⁹ Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977.

и у других наций, в немецких землях постепенно стал формироваться свой, оригинальный миф об Отечестве, который проникал во все сферы общественной жизни, в литературу, музыку, изобразительное искусство.

Особенное значение в размышлениях немцев об «Отечестве» имела проблема территориальной и культурной раздробленности. Неслучайно ещё в 1813 г. Эрнст Мориц Арндт в своём стихотворении спрашивал: «Was ist des Deutschen Vaterland?» («Что есть Отечество немца?»). Именно на этот период немецкой истории и приходится подъём национального самосознания и немецкой идентичности. Благодаря стихотворениям Гофмана фон Фаллерслебена и Э. М. Арндта у немцев формируется образ немецкого Отечества как единого национального государства, что сформировало миф о германском Отечестве, отличном от других.

Тема Родины так или иначе возникала в произведениях всех значительных немецких писателей. Миф о Родине в целом складывался из отсылок к особым *родным* пейзажам, типичным национальным характерам, воспроизведения особенной ментальности в поступках персонажей и знакового погружения в национальную историю.

В «Гейдельбергских лекциях» Шлинк сформулировал несколько проблемных вопросов, связанных с национальной мифологией и интересовавших его как писателя. Определяется ли понятие родины человека страной его рождения или географическим местом, где он живёт в настоящем? Влияет ли на чувство родины язык, которым пользуется человек? Не превращается ли в современном мире родина в утопию¹⁸⁰. Шлинк также задумался о том, насколько «знание» о родине отлично от её «ощущения» и т. д.¹⁸¹.

В художественных же произведениях Шлинк как автор не выступает в роли ментора, дидакта, а доверяет поиск ответов на эти вопросы своим персонажам. Проблематикой произведений Шлинка является процесс

---

¹⁸⁰ См.: Schlink, В. Op. cit. S. 84.

¹⁸¹ Ibid. S. 79, 85.

принятия персонажами определённых решений, совершения ими определённых поступков и т. п. При этом в их поступках и ощущениях заметна та самая национальная ментальность, о которой размышляли немецкие классики и до Шлинка.

Так, персонажам классической немецкой литературы всегда было свойственно поклонение особенной красоте немецкой природы. Германское отечество в этом отношении представало пространством цветущих долин (например, в «Майской песне» Гёте), зеленеющих рощ, в которых поют птицы (например, в стихотворении «Зайди же, солнце милое» Гёльдерлина) и т. д.

Подобная идилличность изображения родной земли присутствует и у Шлинка в романе «Чтец». В данном произведении главный герой Михаэль наслаждается силой зелени, видами «рейнской долины, то подрагивающей в жарком мареве, то покрытой поволокой дождя под тёмными грозowymi облаками»¹⁸². Здесь хорошо чувствуется та самая романтика малой родины, её пейзажей, которую легко обнаружить и в произведениях И. В. Гёте, Т. Шторма, Б. Ауэрбаха и других авторов. Похожим образом просыпается чувство родины и в Герберте, герое романа «Ольга». Для него природа и родина неразрывно связаны друг с другом. Вместе со своей собакой Герберт безостановочно исследует окружающий его мир: Герберт «любил открытое поле и светлый лес, а когда поля колосились, он бегал среди высоких хлебов, и ему нравилось, что колосья хлещут его по голым рукам и ногам, в лесу же он мчался напролом через заросли – здесь ему нравилось, что ветви царапают и колют, но он сумеет вырваться, если кустарник попытается его удержать»¹⁸³.

Однако миф о родине как об идиллической стране с густыми лесами, высокими горами и прекрасными реками, вдохновлявшие художников прошлого, уже во времена грюндерства стал трансформироваться в миф о

---

¹⁸² Шлинка, Б. Чтец. С. 118–119.

¹⁸³ Шлинка, Б. Ольга. С. 18.

Германии как о стране, вступившей на новый путь развития. Новая германская «идиллия» появляется и у Шлинка.

Так, в романе «Правосудие Зельба» Шлинк художественно изображает особенности «любимого» пейзажа героя – им становится пейзаж не природный, а промышленный. «Я стоял у окна и смотрел поперх башен, цехов и труб на торговый порт и утопающий в бледной дымке Мангейм, – вспоминает однажды Зельб. – Я люблю промышленные пейзажи, и мне было бы трудно сделать выбор между индустриальной романтикой и лесной идиллией»¹⁸⁴.

В романе «Ольга» показано, как стремительное промышленное развитие Германии изменило её внешний облик. Если в начале века персонажи «носились по дорогам и полевым межам, по лесным тропкам и просекам, а нередко и по бездорожью, напрямик через заросли и луга»¹⁸⁵, то во второй половине XX столетия, после Второй мировой войны и в годы экономического подъёма, мы наблюдаем их на фоне небоскрёбов, заводов и т. п.

Аналитик Шлинк не только в этом случае, но и во многих других – иногда с сожалением, иногда с надеждой на лучшее – признаёт, что немецкое отечество в национальном сознании становится уже другим, его современный облик не всегда похож на тот, который сложился в типичных мифах о Германии. Так, например, одного из персонажей романа «Обман Зельба» приводит в восторг то, что он имеет возможность гулять в Оденвальдском и Пфальцском лесах, однако ещё более его радуют современные «автострада и железная дорога», которые предоставляют эту возможность¹⁸⁶.

Значит ли это, что автор выступает сторонником обновления, что прежние идиллические картины представляются ему анахронизмом? Отнюдь нет, потому что, например, в романе «Обман Зельба» следует обратить внимание и на следующую сцену. Зельб, раздосадованный настоящим,

---

¹⁸⁴ Шлинк, Б. Правосудие Зельба. С. 14.

¹⁸⁵ Шлинк, Б. Ольга. С. 18.

¹⁸⁶ См.: Шлинк, Б. Обман Зельба. С. 280.

вспоминает прошлое, в котором многие вещи, обстоятельства представляются островком спокойствия и счастья. Ему вспоминается старинная булочная за углом, в которой они... покупали булочки и хлеб¹⁸⁷. Вслед за булочной, ставшей элементом приятных воспоминаний о прошлом, персонажи Шлинка воскрешают в памяти маленькие переулки, старинные уютные кафе.

Означает ли это, что автор предпочитает Германию «традиционную» (мифологическую, Германию Гёте и Шиллера) Германии современной? Этого так же нельзя утверждать. Неслучайно рассказчик из романа «Возвращение» мучительно переживает свою сопричастность той самой «традиционной» Германии – слишком правильной, живущей по своим стереотипам, в которых ему открывается много фальшивого. Так, возвращаясь из Америки на родину, он всматривается в родные пейзажи и думает: «В поезде, по дороге из аэропорта в родной город, проезжая по местности, заселённой словно по линейке, мимо чистеньких городов с аккуратно покрашенными домами, ухоженными палисадниками, низенькими заборчиками и мокрыми от дождя, сияющими чистотой улицами», он с ужасом понимает, *«насколько этот мир не настоящий и все в нём не так»*. Он осознаёт, что является его неотъемлемой частью и никогда не сможет «из него вырваться. Это было просто невозможно» (курсив наш. – А. Г.)¹⁸⁸.

Подобные «противоречия» в авторском сознании помогают понять настоящую позицию Шлинка и обозначить проблематику его прозы. Обращая свой взгляд на, казалось бы, сложившееся, устойчивое, традиционное, он не боится подвергать это сомнению. Аналитичность подхода к изображаемому даёт ему возможность показывать как сильные, так и слабые стороны мифов об Отечестве. Так, например, мы уже писали об особой гордости шлинковских персонажей за Германию, которая динамично развивается, превращаясь в экономического гиганта. Однако наряду с этим Шлинка показывает и обратную сторону медали. Так, лейтмотивом трилогии Шлинка о детективе

---

¹⁸⁷ Шлинка, Б. Обман Зельба. С. 14.

¹⁸⁸ Шлинка, Б. Возвращение. С. 49.

Зельбе становится описание ужасных загрязнений окружающей местности, происходящих по вине РХЗ, от которого зависит, «где и когда в регионе должно пахнуть хлором, серой или аммиаком»¹⁸⁹. Однажды на РХЗ произошёл довольно сильный выброс хлора и окиси углерода, что вызвало у жителей города и у самого Зельба неприятные ощущения: «от едкого запаха, проникшего в машину через открытое окно, <...> сразу же начали слезиться глаза, а во рту появился какой-то ядовитый привкус, потом... начался приступ кашля»¹⁹⁰. Шлинк словно призывает читателей задуматься о дальнейшей индустриализации, когда государственные законы пишутся согласно интересам крупных промышленников и при этом игнорируются всяческие протесты экологических организаций.

Но простыми описаниями немецкой природы и родных окрестностей Шлинк не ограничивается. Типичной художественной особенностью произведений Шлинка служит частое обращение к мировоззренческим взглядам немцев, их типичным чертам, отличающим их от других наций. Таким образом, исследование мифа о германском Отечестве напрямую связывается с исследованием особенной немецкой души и тех культурных пространств, в которых она формируется.

Об особой немецкой душе речь идёт в романе «Возвращение», в котором немцы представлены как прагматичная нация. Петер Дебауэр, живя в Америке, получает возможность смотреть на Германию со стороны, и это делает возможным осознание многих незамечаемых ранее вещей. «Иногда меня слегка сбивали с толку насмешливые замечания художника, с которым мы подружились, – замечает он. – Он говорил, что я учусь на массажиста как истинный трудоголик и чудовищный аккуратист. Я настоящий супернемец суперпротестантского пошиба. Что такое сотворила со мной моя матушка? Что такое сделал я сам с собой?»¹⁹¹. Другим нациям Германия представляется

---

¹⁸⁹ Шлинк, Б. Правосудие Зельба. С. 8.

¹⁹⁰ Там же. С. 37.

¹⁹¹ Шлинк, Б. Возвращение. С. 49.

населённой пунктуальными, законопослушными, выдержанными, вежливыми, сохраняющими дистанцию в общении людьми. На это же обращает внимание и Зельб в романе «Обман Зельба»¹⁹².

В «Правосудии Зельба» Шлинк особенно высвечивает этот миф о немецком национальном характере, заставляя своего героя поступать нетипичным образом. *Законопослушный* Зельб, бывший *прокурор*, осуждающий своего друга детства за то, что он во времена нацизма использовал труд заключённых, вдруг устраивает самосуд и сталкивает Кортена, своего школьного товарища, со скалы в пропасть.

Необычную гибкость мышления демонстрирует и Михаэль Берг в романе «Чтец», отделяя личность Ханны от собирательно-абстрактного образа немцев-преступников. В его случае перед читателем возникает не типичный «верноподданный», исполнитель некоего «долга», а человек, склонный к самостоятельному мышлению. Нельзя сказать, что и типичными протестантскими добродетелями отличается главный герой рассказа «Сладкий горошек», долгое время живший на две семьи, а в конце жизни вообще отринувший от себя мысли о материальном благосостоянии¹⁹³.

Молодое поколение немцев Шлинк аналитически оценивает в романе «Ольга». Его главная героиня говорит о своём молодом знакомом, которого знает ещё с его раннего детства: «Фердинанд хороший мальчик, я его полюбила, но он немного скучный. Они все теперь такие. У них есть готовые моральные суждения о прошлом и о настоящем, и, хотя их жизнь ограждена от опасностей и иметь нравственные принципы ничего им не стоит, они считают себя мужественными и этим кичатся. Мне бы хотелось, чтобы Фердинанд лучше распорядился своей жизнью, чем ты – своей и Айк – своей»¹⁹⁴.

---

¹⁹² «Я еще застал прежнюю германскую железную дорогу с ее пунктуальностью и сдержанной, холодноватой прусской вежливостью по отношению к пассажирам» (Шлинк, Б. Обман Зельба. С. 69).

¹⁹³ В то же время в подобном сюжете можно усмотреть не только расшатывание протестантской этики, но и следование типичной немецкой романтической модели существования героя-художника, героя-энтузиаста.

¹⁹⁴ Шлинк, Б. Ольга. С. 297.

Так устойчивый миф о законопослушном, «правильном» немце ставится автором под сомнение.

И по отношению к современному немцу у Шлинка возникает целый ряд вопросов. Кто он? Какими качествами обладает? Вынес ли он уроки из прошлого? Способен ли он к самостоятельному развитию? Чем он отличается по своим предпочтениям от представителей других наций? Шлинка важно понять, из каких людей состоит Германия второй половины XX в.

При этом Шлинок вполне предсказуемо выходит за «географические» границы Германии. Писатель рассматривает немецкую народность в целом, уделяя внимание и немцам, живущим в Швейцарии и Австрии. Это показывает, что понятие германского «отечества» для Шлинка имеет отношение не только к собственно Германии в современных политических границах. Писатель помнит о раздробленности Германии на мелкие княжества, о создании Германского и Северогерманского союзов, о долгом соперничестве Пруссии и Австрии... В этой ситуации «немецкие» культурные границы не всегда совпадали с политическими. Так, Петер Дебауэр в романе «Возвращение» воспитывался у бабушки с дедушкой, которые жили в Швейцарии. Однако он ощущает себя не швейцарцем, а немцем. С малых лет он был впечатлён рассказами своего дедушки о сражениях при Росбахе, Кёниггреце, Танненберге и пр. Даже вне Германии Петер впитывал в себя миф об особенном немецком Отечестве.

Шлинок понимает, что вести разговор о немецкой Родине невозможно и без учёта определённых исторических событий, связанных с рассеянием немцев по миру, начавшемся задолго до XX в. Здесь можно вспомнить переселение немцев в Россию по приглашению Екатерины II, эмиграцию из германских земель в Северную Америку и др. Применительно к XIX в. основной причиной переселения были длительные неурожаи и повышение цен

на продукты¹⁹⁵. Неудача Мартовской революции 1848 г. также повлекла за собой отток недовольных из Германии.

Всё это находило отображение и в литературе. Так, «Шварцвальдские деревенские рассказы» Б. Ауэрбаха начинаются с истории «Увалень» (*Tolpatsch*, 1843), в которой заглавный персонаж, несмотря на искреннюю любовь к родному краю, эмигрирует в Соединённые Штаты Америки, где он наконец-таки обретает своё гражданское достоинство.

В XX в. очередной отток немцев из Германии был вызван приходом Гитлера к власти в 1933 г. Среди немецких писателей тех лет оказалось много таких, которые на долгое время или навсегда покинули родину: Г. Манн и Т. Манн, Э. М. Ремарк, Э. Людвиг, Б. Франк и др.

Эмиграция по политическим причинам имела место даже после объединения ФРГ и ГДР. Так, например, К. Вольф была вынуждена в 1990-е гг. покинуть объединённую Германию из-за нападок в свой адрес¹⁹⁶. Несколько лет она провела в Калифорнии.

Всё это не могло не вызвать в книгах Шлинк присоединения к давней литературной традиции – изображению поисков героями своего отечества. Как отмечает Шлинк в Гейдельбергских лекциях, эта тема принадлежит к числу главных в его книгах.

Примечательно, что для каждого своего персонажа Шлинк выбирает те паззлы родины, которые ему кажутся самыми важными в восприятии Родины. Так, в сознании Иоганна Дебауера («Возвращение») родина приравнивается в первую очередь к месту комфортного существования. Похожим образом мыслит Ирена Гундлах («Женщина на лестнице»), так же часто меняющая место жительства. Сначала она бежит из экономически «развитой» ФРГ в «отсталую» ГДР – потому что не желает мириться с нормами жизни в сытом

---

¹⁹⁵ См.: Glaser, R., Himmelsbach, I., Bösmeier, A. Climate of migration? How climate triggered migration from southwest Germany to North America during the 19th century. *Clim. Past.* 13. P. 1573–1592. URL: <https://doi.org/10.5194/cp-13-1573-2017>, 2017 (дата обращения: 17.02.2020).

¹⁹⁶ Некоторые деятели культуры Запада развернули кампанию против известной в ГДР писательницы, в прошлом диссидентки, Кристи Вольф, критикуя ее моральные качества, обвиняя в сотрудничестве со штази, которое действительно краткое время имело место.

обществе потребления. После объединения двух Германий она и вовсе покидает новую страну, переселяясь в Австралию. Реализовывать себя и приносить пользу окружающим она может и на далёком континенте. Шлинк показывает, что героиня не испытывает никаких сожалений по поводу эмиграции. «Моё пребывание здесь... Никаких сложностей, если у тебя в Германии есть деньги в банке, а тут расплачиваешься кредитной картой или снимаешь деньги со счёта и тебе не нужно соприкасаться с государственными структурами»¹⁹⁷. Таким образом, происходит словно разделение «родины» в сознании героини надвое. С одной стороны, её «родина» – это экономически сильная, развитая, правильная Германия, из которой она черпает своё финансовое обеспечение, с другой стороны, героиню ничто не держит в такой Германии, потому что реализует себя как личность она вдали от неё.

Не менее сложный женский образ Шлинк нарисовал в романе «Ольга». При этом ей свойственно совершенно иное ощущение жизни. В отличие от Ирены Гундлах она не чистокровная немка. Она недовольна политическими режимами, которые ей пришлось наблюдать на протяжении долгой и не всегда счастливой жизни. Однако всякие мысли о переезде в другую страну Ольга гонит прочь. Ни презрение юнкерской касты к ней в детстве и отрочестве, ни милитаристский пафос германской жизни её молодости, ни тяготы существования в её зрелые годы не вызывают в ней желание покинуть страну. Напротив, она всегда ищет *свою* Германию, то начиная преподавать в сельской школе в глухой провинции, то приходя в город «на берегу Неккара», даже в годы военной катастрофы ища соприкосновения с глубинными основами немецкой культуры¹⁹⁸. Несмотря на то, что ей временами «хочется посмотреть

---

¹⁹⁷ Шлинк, Б. Женщина на лестнице. СПб. : Азбука СПб, 2015. С. 166.

¹⁹⁸ «...Ольга была довольна уже тем, что они все же усваивали грамоту и счет, вместе с ней пели “Леса покоем дышат”; разбирая с ними текст этого хорала, она рассказывала им о движении Солнца и Луны, о звездном небе, о смене времен года, о радостях труда и о почтении к смерти. По программе полагалось знакомить детей с историями о Старом Фрице, то есть императоре Фридрихе Великом, а он, как известно, говорил, мол, “Леса покоем дышат” – это невероятно глупые слова, но кому нравится, пусть себе поет. Ольга, рассказывая эту историю о том, как император оценил песню, разъясняла детям, что значит проявлять терпимость» (Шлинк, Б. Ольга. С. 59). Или: «Герберт сошёл с кафедры под аплодисменты и запел “Песнь немцев”, вся публика встала и, подхватив песнь, грянула: “Германия, Германия превыше всего!”» (Там же. С. 88). Или: «Когда фройляйн Ринке, бывая у нас, видела, что некому составить мне компанию,... она рассказывала мне народные сказки Силезии и Померании, легенду о Рюбецале, истории из жизни Старого

большой мир, увидеть Париж, Рим, Лондон, и Альпы, и океан», она понимает, что это желание ничуть не больше её тоски по дому. «Ведь у немцев как? – они и по пустоте томятся, и по родному уюту»¹⁹⁹. Даже признаваясь в письме Герберту, что Германия стала ей «чужой», Ольга не задумывается об эмиграции²⁰⁰.

При сопоставлении судеб и взглядов на жизнь этих героинь читателю вновь открывается аналитическая работа авторского сознания. Разумеется, мы не можем сказать, что Шлинк первый начал развенчивать миф о Родине, до него миф о Родине развенчивали и Т. Манн, и Г. Гейне и др. Так, как и Гейне, Шлинк не принимает на веру все мифы о Родине, а анализирует их²⁰¹. Шлинк словно предлагает читателю выбирать между двумя возможными моделями поведения. Человек может искать счастье в далёких краях, разочаровываясь в происходящем у себя на родине, или же так жить там, где он родился, невзирая на сложности, что возникают в разные периоды истории. Выбор этот зависит от неуловимого ощущения своей близости родной земле, родной культуре, в чём и пытается разобраться автор.

Характерно, что Шлинк пишет о Германии второй половины XX в., когда Германия находилась в состоянии становления: после поражения во Второй мировой войне страна была разделена на оккупационные зоны, потом разделена на два противоборствующих лагеря, спустя 40 лет снова воссоединилась, однако за относительно небольшой промежуток времени в рамках истории Германии в сознании немцев успели сформироваться мифы, которые стали источником формирования особого немецкого менталитета. Однако Шлинк не принимает на веру исторические мифы, а подвергает всё

Фрица» (Там же. С. 130). Или: «Однажды, когда мы возвращались из кино, светила полная луна, казавшаяся необычайно большой. И тут Ольга вспомнила школу: “Мы пели с детьми “Леса давно уснули...”, но гораздо красивей другая песня: “Луна взошла сияя...”. Да, на её тексте я тоже сумела бы всему их научить”» (Там же. С. 150).

¹⁹⁹ Шлинк, Б. Ольга. С. 266–267.

²⁰⁰ См.: Там же. С. 291.

²⁰¹ В 1844 г. немецкий романтик Гейне в стихотворении «Зимняя сказка» сформировал в довольно сатирической форме образ *особенной* немецкой души, отметив, что немцы любят мечтать, спасаясь от проблем настоящего путём бегства в мир фантазий. Тем самым он обличает различные области жизни немцев: «Французам и русским досталась земля, // Британец владеет морем, // Зато в воздушном царстве грез // Мы с кем угодно поспорим» (Гейне, Г. Германия. Зимняя сказка. М. : Текст, 2015. С. 88).

анализу вслед за многими другими немецкими писателями²⁰². Важно, что Шлинк также упоминает символические моменты в истории Германии, представление о которых существуют в национальном сознании в устойчивой форме и априори воспринимаются как правда. И вновь узнаваемым приёмом повествования становится постановка автором вопросов: насколько миф устойчив, не упрощает ли он жизнь людей, вследствие чего люди просто принимают всё на веру, ссылаясь на особенности исторического развития страны, и перестают задумываться и анализировать. Подобные представления незаметно передаются из поколения в поколение. Как отмечалось на информационном портале *Zeitgeschichtliches Forum Leipzig*, организовавшем в 2016 г. выставку «Немецкие мифы с 1945 г.», «мифы уплотняют память, мобилизуют самосознание и веру», а также «могут служить сплочению общества»²⁰³. Шлинк осознаёт важность мифа, однако задумывается, так ли правильно слепо верить тому, что было создано искусственно.

§ 2. Образ Восточной и Западной Германии, восточных и западных немцев в произведениях Б. Шлинка

В результате событий 1949 г. Германия была разделена на два государства, немцы разделились на западных и восточных. В связи с этим в общественном сознании и личном сознании немцев стали рождаться определённые проблемные вопросы, адресованные как будущему, так и прошлому. Не означает ли принципиальное построение в советской оккупационной зоне первого в немецкой истории «государства рабочих и крестьян» в целом кардинального разрыва с Германией прошлого? Не означает ли принятие ФРГ американской помощи, предусмотренной «планом Маршалла», выстраивания таких элементов капиталистической системы

---

²⁰² Г. Грасс аналогичным образом поступает в «Моём столетии» в главах 1900 и 1945 (см.: Грасс, Г. Мое столетие. СПб. : Амфора. ТИД Амфора, 2013. 351 с.).

²⁰³ Ausstellung “Deutsche Mythen seit 1945”. URL: <https://www.hdg.de/zeitgeschichtliches-forum/ausstellungen/deutsche-mythen-seit-1945> (дата обращения: 23.05.2019).

отношений, которые обусловят дальнейшее отграничивание Западной Германии от Восточной, где за основу были взяты принципы социалистической экономики?

Существенные различия проявлялись и в политике денацификации, проводимой в ФРГ и ГДР. Если вспомнить художественное свидетельство, запечатлённое в романе В. Бределя «Внуки» (1953), то легко понять, что борьба с нацистским прошлым была более последовательной в Восточной Германии. Если, например, в Гамбурге английская оккупационная администрация систематически сажала «в разные управления и другие органы власти старых реакционеров и даже фашистов»²⁰⁴, то в ГДР состоялось «увольнение всех нацистских учителей и обучение тысяч молодых педагогов»²⁰⁵.

В результате постепенно западная и восточная части Германии всё дальше отходили друг от друга. Как писал П. Зюскинд, для западного немца «Австрия, Швейцария, Венеция, Тоскана, Эльзас <...> были бесконечно ближе, чем такие захолустья, как Саксония, Тюрингия, Анхальт, Мекленбург и Бранденбург»²⁰⁶.

О разной психологии восточных и западных немцев, об их отношении к событиям далёкого и недавнего прошлого, наконец, об их понимании *родины* задумывается и Шлинк. При этом он уже знакомым образом не просто констатирует различия, но и анализирует причины, приведшие к их возникновению.

Разделение Германии повлекло за собой и объяснимые изменения как в политическом, экономическом, так и в духовном и культурном плане. У двух государств был разный политический курс: ФРГ сохраняла капиталистическую модель развития, а ГДР ориентировалась на опыт Советского Союза.

---

²⁰⁴ Бредель, В. Внуки. М. : Худ. литература, 1966. С. 544.

²⁰⁵ Там же. С. 549.

²⁰⁶ Зюскинд, П. Германия, климакс // Иностранная литература. 1999. № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/1999/6/germaniya-klimaks.html> (дата обращения: 15.03.2019).

В этом отношении в Западной Германии в качестве общественного идеала было продекларировано восстановление экономики страны и обеспечение достаточно высокого уровня бытового комфорта, т. е. то, что можно было назвать «сытым» настоящим. На Востоке целью граждан государства «рабочих и крестьян» было продекларировано построение светлого будущего. В Биттерфельде («Биттерфельдский путь», Съезд в Биттерфельде, 1959 г.) произошло событие, которое имело огромное значение «для судеб современной немецкой культуры и литературы. Впервые в истории Германии собрались вместе руководители партии, писатели, художники, композиторы, работники издательств», чтобы обсудить важные вопросы «дальнейшего развития литературы и искусства Германской Демократической Республики»²⁰⁷. «Unsere Freundschaft mit der Sowjet-Union erzwingt den Frieden» / «Наша дружба с Советским Союзом вынуждает к миру»; или: «В государстве и народном хозяйстве рабочий класс ГДР уже стал хозяином. Теперь он должен овладеть вершинами культуры и стать её обладателем»²⁰⁸.

Таким образом в ФРГ и ГДР формировались непохожие друг на друга модели общества и общественной психологии. Из-за этого в сознании восточных немцев возник устойчивый миф о «сытой», но бездуховной жизни западных граждан, а в сознании западных культивировался образ убогой жизни на Востоке, где постоянным маркером общества оказывался дефицит необходимых товаров. ГДР как «Зону» (*Zone*) от «свободного» мира символически отделяла Берлинская стена. В целом же как в сознании западных, так и в сознании восточных немцев функционировало чёткое мифологическое разделение на «мы» и «они» с соответствующими положительными и отрицательными коннотациями.

Тема разделённой Германии и различий в восприятии восточных и западных немцев хорошо раскрыта в романах «Возвращение», «Женщина на

---

²⁰⁷ Стеженский, В. По биттерфельдскому пути // Вопросы литературы. 1964. № 8. С. 180–185.

²⁰⁸ Нефёдов, В. В. Формирование концепции «Биттерфельдского пути» // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2012. № 27. С. 851–857.

лестнице», «Прощание Зельба», в рассказе «Измена» (сборник рассказов «Другой мужчина»).

Так, мифологическое восприятие социализма как чего-то мрачного и серого легко замечается в сознании шлинковских персонажей. Например, Петер Дебауер («Возвращение») характерно воспринимает восточноберлинскую жизнь: конечно, «кое-где виднелись кумачовые плакаты, развешанные к празднику сорокалетия ГДР», однако они не могли закрыть собою сплошные «серые будни социализма». Ему, как западному немцу, всё время кажется, что ГДР постоянно стремится «доказать свою современность с помощью повешенных в избытке светофоров, скучной рекламы и зеркального стекла в окнах новых зданий». Все эти элементы напоминают ему «о тщётной серьезности». Жизнь в ГДР он сравнивает с детскими играми во взрослую жизнь, когда «дети пытаются создать вокруг себя мир взрослых и играть во взрослую жизнь». Несмотря на лояльное отношение Петера к Восточной Германии, он знал, что мир этот «убог и жалок, а игры, в которые здесь играли, были порой жестокими и подлыми»²⁰⁹.

И персонажи других произведений Шлинка (см., например, сборник рассказов «Другой мужчина», роман «Женщина на лестнице» и др.) отмечают убогий фасад восточногерманской жизни:

«Асфальт был весь в выбоинах, пешеходные дорожки выложены большими каменными плитами и камнями меньшего размера, постоянно подновляемыми с помощью каменной крошки или гудрона, заборы из серых старых досок, фасады с облупившейся штукатуркой, обнажившей кирпичную кладку»²¹⁰; или: «запущенность Восточного Берлина», «его безобразия» – это фактически первое, что бросается в глаза человеку, приезжающему в ГДР с Запада²¹¹.

---

²⁰⁹ Шлинка, Б. Возвращение. С. 170–171.

²¹⁰ Там же. С. 173.

²¹¹ Шлинка, Б. Другой мужчина : рассказы. СПб. : Азбука ; Азбука-Аттикус, 2012. С. 90.

Однако уже с другого ракурса рассматривает жизнь в ГДР Барбара (роман «Возвращение»). Всё там представляется ей «экзотическим», не похожим на западную жизнь. Она мечтает «жить и работать учительницей в одной из школ ГДР», и её это не пугает, а наоборот, даже вызывают интерес такие особенности жизни в ГДР, как «мелочная опека, маленькие вольности, контакты с коллегами, учениками и их родителями, необходимость согласиться на негласное сотрудничество с органами, каникулы в Болгарии, Румынии или на даче, поиски дефицита». Она считает огромным плюсом и даже благом возможность много времени «проводить с друзьями и с семьей». Именно такой жизни она хочет «почувствовать... вкус»²¹².

В целом, Шлинк идёт здесь в русле литературной традиции. Так, например, и П. Зюскинд ещё в эссе «Германия, климакс» (1990) отметил, что Восточная Германия воспринимается западными немцами как нечто неизвестное и чужое, даже больше, чем «Крит, Андалусия и Гебридские острова»²¹³.

Аналогичным образом и западное общество в глазах восточных немцев выглядело чаще всего как общество «потребителей», лишённое общей объединяющей идеи²¹⁴.

Одной из главных тем в художественной литературе ФРГ стало осознание вопросов, связанных с развитием «общества потребления». Об этом писали и Г. Грасс, и М. Вальзер, и К. Вольф, и Д. Дёрри и др. Внимательный читатель заметит склонность и шлинковских персонажей к зачастую скептическому анализу собственного существования. Так, например, Зельб, будучи «западным» немцем, отнюдь не пребывает в восторге от того, что видит вокруг себя. У него «густые толпы занятых шопингом потребителей в пешеходных зонах вызывают <...> как с эстетической, так и с моральной точки зрения не больше симпатии, чем партийные манифестации или

---

²¹² Шлинк, Б. Возвращение. С. 197.

²¹³ Зюскинд, П. Указ. соч.

²¹⁴ См., например, *Animal Triste* (1996) М. Марон.

марширующие солдаты». Сравнивая Германию настоящую и «прежнюю», он с грустью замечает, что люди перестали заниматься «чем-нибудь полезным» они перестали анализировать свою жизнь и заниматься интеллектуальным трудом, всё свободное время свелось лишь к тому, что они могут «только глазеть, закусывать и делать покупки»²¹⁵. Разумеется, Зельб не горит желанием вернуться в прошлое, тем более – в нацистское прошлое, из которого он вынес немало уроков жизни и угрызений совести. Его противопоставление настоящего и прошлого обусловлено тем, что в Германии настоящего его сограждан перестают интересовать действительно важные, идейные, мировоззренческие вопросы. Так, например, даже Кортен, генеральный директор Рейнского химического завода, входящий в элиту западногерманского общества, озабочен только собственным обогащением. Ни мрачные страницы прошлого, к которым Кортен имеет прямое отношение, ни проблемы экологии, ни что-либо другое его не интересует. Что в такой ситуации может сказать Зельб о своих «простых» соотечественниках? Они трудятся, поглощают пищу, по выходным выезжают отдыхать на природу. Все они страдают от выбросов с химического предприятия, однако никто не пытается бороться даже за собственное здоровье (за исключением разве что Лео, которая выглядит слегка сумасшедшей или по меньшей мере странной). Да и сам рефлексирующий Зельб, прежде чем объявить Кортену войну, долгое время пребывает в сомнениях о целесообразности этого противостояния.

Подобные нюансы общественной, культурной, политической жизни как на западе, так и на востоке Германии активно использовались в пропаганде. Собственный образ жизни выставлялся единственно правильной, а чужая модель развития порицалась.

Так, Западную Германию обвиняли в пребывании бывших нацистов у власти, которые, не понеся наказания, подпитывали реваншистские настроения и по-всякому мешали декларируемой политике денацификации²¹⁶.

---

²¹⁵ Шлинк, Б. Обман Зельба. С. 185.

²¹⁶ Об этом хорошо написано в романе Ф. фон Шираха «Преступление» (2009).

В свою очередь, Восточная Германия представляла в образе некой «зоны» (*Zone*), где граждане живут, словно за колючей проволокой. Основанием для подобного сравнения служила, например, тюрьма Баутцен II, неофициальная тюрьма госбезопасности. Так, обвинения в «непреодоленном» прошлом и в тоталитарном характере общества взаимно компенсировали друг друга, будучи несомненной частью холодной войны между СССР и США²¹⁷.

Подобные политические мифы, конечно же, отображались в художественных произведениях²¹⁸. Анализирует их и Шлинк. Например, в романе «Женщина на лестнице» его героиня задаётся вопросом: так ли плоха была жизнь в ГДР, что Восточная Германия как государство потеряла смысл существования?

Петер Гундлах в духе холодной войны совершает подмену понятий и заявляет, что «тамошняя неприглядность не лучше нацистской помпезности»²¹⁹. Напротив, Ирена считает жизнь в ГДР «раем». Именно там она может укрыться от вездесущей рекламы и пестроты западного «сытого» мира. Жизнь в ГДР героиня описывает так: «После безумных лет я оказалась словно в санатории, где многого нет, зато есть покой. Нет ярких, режущих глаз красок, нет громкой, будоражающей музыки, нет назойливой соблазнительной рекламы с её эротикой и призывами следовать за модой»²²⁰.

Предвзятое уподобление друг другу разных исторических эпох встречается и в романе «Возвращение». Уже после «поглощения» Восточной

---

²¹⁷ Например, Ю. Франк в эссе «Путь через повествование – путь через границу. Приглашение» честно написала: «Не будем забывать и о том, что каждая сторона вела активную пропагандистскую деятельность против государственного строя другой» (Франк, Ю. Путь через повествование – путь через границу. Приглашение // *Минуя границы. Писатели из Восточной и Западной Германии вспоминают*. М. : Текст, 2009. С. 17).

²¹⁸ Так, например, в рассказе Д. Дёрри «Хорошая карма из Цшопау» (1994) в сознании западной немки, ищущей няню для ребёнка, всплывают самые яркие ассоциации, связанные с восточными немцами. Для неё няня, жительница бывшей ГДР, лишь одна из тех, кто приехал из «зоны». Жизнь в присоединённых землях кажется ей серой и тусклой. «Любая страна в Южной Америке, любой штат в США внушает» главной героине больше доверия, чем Восточная Германия. Именно поэтому она очень насторожено относится ко всем жителям ГДР. По её мнению, все жители восточной Зоны ленивы и непредсказуемы. У неё в голове крутятся разные мысли: «Откуда она могла знать, не разыгрывает ли Анита (няня) вместе с Леной (дочь) сцены сталинского террора, не играет ли в молодёжные и военные парады» (Dörrie D. *Bin ich schön?* Zürich : Diogenes Verlag, 1995. 247 s.).

²¹⁹ Шлинк, Б. *Женщина на лестнице*. СПб. : Азбука СПб, 2015. С. 149.

²²⁰ Там же. С. 148.

Германии один из берлинских профессоров написал диссертацию «о национал-социалистической трактовке гражданского права и обнаружил в ней много общего с социалистической трактовкой. Трусость судей и профессоров, которые в Третьем рейхе ради карьеры подминали закон и право, похожа на трусость судей и профессоров в ГДР. Мужество и сила к сопротивлению требовались и там, и здесь»²²¹. При оценке эпизода следует учитывать важную подробность от автора: творцом диссертации является бывший *восточногерманский* учёный, который высказал такую «смелую» точку зрения только после объединения, что заставляет задуматься о конъюнктурности его суждений. Этот профессор откровенно хочет быть на стороне «победителей».

Разумеется, писатель не утверждает, что жизненный уклад и политический строй в ГДР имели только положительные стороны. Его интересует взвешенное, по возможности объективное суждение о происходящем. Точно так же, как в его произведениях воссоздаются не всегда справедливые суждения о «востоке», там же обнаруживаются и «восточные» мифы о Западной Германии.

Так, в романе «Прощание Зельба» главный персонаж встречается с одним из «восточных» немцев, который довольно критически относится к новой политике объединённой Германии, обвиняя во всех произошедших бедах *западное* правительство, допускающее и финансовые махинации в «новых землях», и рост коррупции. «Раньше у нас такого не было. Это принесли с собой *ваши*. И разбираться с этим должна *ваша* полиция», – говорит он Зельбу (курсив наш. – А. Г.)²²². В свою очередь Зельб стремится защитить «западный» мир и замечает, что раньше «в Шветцингене так же не занимались отмыванием денег, как и... в Котбусе». Он обращает внимание на появившиеся на востоке Германии многочисленные этнические преступные группировки, ставя это в упрёк восточным немцам. Не соглашаясь с этим,

---

²²¹ Шлинк, Б. Возвращение. С. 179.

²²² Шлинк, Б. Прощание Зельба. С. 221.

оппонент Зельба заявляет: «У нас чеченцы сидели у себя в Чечне, а грузины – в Грузии. А вы все перевернули с ног на голову» (курсив наш. – А. Г.)²²³.

Подобные споры персонажей Шлинка хорошо показывают, что после объединения Германии население обеих частей столкнулось с общественными и психологическими проблемами, ответственность за которые им хотелось переложить друг на друга. При этом автор всегда подчёркивает однобокость радикальных взаимных обвинений.

Действительно, как замечают герои романа «Прощание Зельба», объединение Германии стало неожиданным событием для неподготовленных людей. В связи со столь стремительным объединением ФРГ и ГДР важно оценить то, как отреагировали на исчезновение Восточной Германии с политической карты мира и другие немецкие писатели.

Вот что пишет Ю. Франк о событиях, произошедших в октябре 1990 г.: «жители Восточной Германии возлагали слишком уж большие надежды на Запад – от того восторга, с каким они бросились ему на шею, мне стало тошно»²²⁴. Слова Ю. Франк звучат как доказательство того, что исчезнувшее в одночасье прошлое для восточных немцев привело к возникновению у них ощущения собственной непригодности, и явное нежелание принимать новый уклад жизни.

Её словам вторит другая немецкая писательница хорватского происхождения М. Бодрожич. После падения Стены, по её мнению, у большинства людей сформировалось представление о том, что «границ больше нет, – ведь их не было видно. Но фантомные боли остались». Как говорит писательница, «что-то вдруг пронзает память, в ней какие-то всполохи, полного счастья по-прежнему нет. Память – это музей наших фантомных болей»²²⁵.

---

²²³ Шлинка, Б. Прощание Зельба. С. 222.

²²⁴ Франк, Ю. Указ. соч. С. 17.

²²⁵ Бодрожич, М. Ни утром, ни ночью // Минюта границы. Писатели из Восточной и Западной Германии вспоминают. М. : Текст, 2009. С. 116.

Шлинка интересуется, как восточные немцы, несмотря на неожиданность происшедшего объединения, сумели подстроиться под изменившиеся обстоятельства. При всём скептическом отношении к ФРГ восточные немцы не отказывали себе в возможности перенимать, примерять на себя ту самую «сытую» и «бездуховную» жизнь Западной Германии, которую раньше, во времена ГДР, так саркастически изображали в официальной прессе. Вот любопытная сценка из романа «Возвращение», в которой зафиксировалось быстрое разрушение прежнего мифа: «Это действительно Запад? Неужели его истинное лицо так отчетливо проступает в лицах людей, которые не привыкли к Западу постепенно, а вынуждены были измениться в одночасье? Его алчное лицо? <...> я заметил, как молодая пара нежно и трепетно разглядывает разложенные на прилавке бюстгальтеры, трусики и маечки, ощупывает их, а затем, счастливая, уносит с собой выбранную покупку, и посчитал, что мой пессимистический взгляд на засилье коммерции и потребительства отдает чистой фанаберией», – свидетельствует Петер Дебауер, наблюдая молодую пару из Восточного Берлина²²⁶. Или чуть раньше: «Время, свободное от повседневных забот, восточные берлинцы проводили не в своей части города, а в Западном Берлине. Они ходили по магазинам»²²⁷. А споря со своей подругой, Петер убеждает её в том, что ничего особенного нет в психологии восточных жителей. При этом он высказывает откровенный скепсис по поводу нарисованной идиллической картины: «У них, на востоке, тоже вскоре появятся сети продуктовых магазинов, будь то “Альди” или “Пенни”, а твои ученики скоро начнут щеголять в одежде, купленной в “Н&М”, и ходить в “Макдоналдс”»²²⁸.

Таким образом, Шлинка пытается понять не столько справедливость прежних упреков со стороны восточных немцев в адрес западных, сколько прочность их собственных убеждений. Через некоторое время после

---

²²⁶ Шлинка, Б. Возвращение. С. 173.

²²⁷ Там же. С. 172.

²²⁸ Там же. С. 197.

объединения ФРГ и ГДР многие публицисты спрашивали, например, не была ли ГДР откровенно куплена. Шлинк также с некоторой иронией воспроизводит психологию людей из социалистического мира, где они испытывали постоянный дефицит. Он показывает, как в сознании восточных немцев рушится миф, согласно которому лучшая жизнь была именно в ГДР.

Шлинк тонко подмечает изменения как в облике восточных немцев, так и в их внутреннем мире. По замечанию главного героя в рассказе «Измена», западного немца, его друг Свен из восточного Берлина «на какое-то время поддался искушениям потребительства. Он купил большую машину, носил костюмы от Армани, наряжал Юлию, словно принцессу». Примечательно, что на первый взгляд, жена Свена «этого не одобряла», хотя сама так же поддавалась тяге к роскошной жизни. Её платья и костюмы «сделались элегантней, туфельные каблочки подросли, а очки в новой тонкой оправе придали ее лицу почти высокомерное выражение. Одновременно изменился и голос, стал более звучным и уверенным»²²⁹.

Шлинк достаточно глубоко анализирует психологические процессы, протекающие в сознании восточных немцев. Испытывая как разочарование в прежних идеалах, так и фрустрацию от невозможности их достижения, люди стремились чем-то компенсировать возникающее чувство депрессии. Именно поэтому часто срабатывали компенсаторные механизмы психики и восточные немцы начинали, например, гордиться своей большей приспособленностью к сложностям жизни, воспитанной самой восточногерманской действительностью. Об этом метафорически сказано в одном диалоге в романе «Возвращение»: «Надеюсь, на вас кусок плитки не упал? Ну и прекрасно. Мы, восточные немцы, умеем уклоняться от падающих камней. Вам, западным, этому еще предстоит научиться»²³⁰.

Заглядывает Шлинк и в недавнее прошлое двух немецких государств. Его интересует современный миф о том, что «Западная Германия нагло

---

²²⁹ Шлинк, Б. Другой мужчина. С. 99.

²³⁰ Шлинк, Б. Возвращение. С. 188.

поглотила Восточную». В рассказе «Измена» героиня вспоминает о психологическом состоянии своего мужа, восточного немца, однажды познакомившегося с человеком из Западного Берлина. Она откровенно говорит этому западному знакомому: «Он так радовался вашему знакомству и боялся, что ты не придешь на встречу. Он и потом ещё долго радовался и одновременно боялся. Вы не представляете себе, что означает знакомство с одним из вас, близкое знакомство. Это открывает новый мир, в духовном отношении, да и чего скрывать – в материальном тоже; таким знакомым можно хвастать, показывать его всем друзьям, ревниво оберегая. При этом всегда страшно, что наша экзотическая привлекательность вам прискутит, надоеет, и вы заинтересуетесь другими вещами или людьми»²³¹.

В её словах чувствуется словно бы изначальное самоуничижение граждан ГДР перед западными соседями, добровольное принятие на себя роли «маленьких людей», которые будут счастливы хотя бы маленькой толикой внимания к себе.

Вероятно, в подобных психологических моментах, по мнению Шлинка, следует искать объяснение лёгкости поглощения ГДР Западной Германией и в то же время недовольства друг другом после объединения.

Во многом это недовольство было вызвано разным воспитанием граждан ФРГ и ГДР. Соответственно, западные немцы считали жителей бывшей ГДР ленивыми, опасаящимися трудностей и стремящимися уйти от самостоятельного принятия решений. Восточные немцы, в свою очередь, называли жителей ФРГ слишком самоуверенными и высокомерными, безэмоциональными, ставящими деньги выше человеческих отношений²³².

Как пример подобного не вполне дружелюбного отношения друг к другу Шлинк представляет беседу Зельба с директором «восточного» банка – не

---

²³¹ Шлинк, Б. Другой мужчина. С. 95.

²³² О. Г. Кляйн так характеризует взаимоотношения жителей ФРГ и бывшей ГДР: «Как восточный немец я замечаю в общении с западными немцами постоянное присутствие конкурентной борьбы, под девизом: “Все вместе друг против друга!” Люди постоянно на чеку, постоянно ждут какого-то подвоха» (Klein, O. G. Ihr könnt uns einfach nicht verstehen. Warum Ost- und Westdeutsche aneinander vorbeireden. Eichborn Verlag, 2001).

похожего на всех директоров, которых ранее видел частный детектив: «Необычным было и то, что стол директора Веры Сободе стоял в общем зале, представляя собой то ли *кооперативно-социалистическое наследие*, то ли последний писк моды в новоявленной науке управления предприятиями и людьми. Если сидящая за столом и есть Вера Сободе, значит, Сорбским кооперативным банком руководит женщина среднего возраста, полноватая, довольно простецкого вида, больше похожая на *трактористку сельхозкооперации*, чем на банкиршу»²³³ (курсив наш. – А. Г.). Сложный комплекс устойчивых стереотипов присутствует практически в каждом моменте общения западных немцев с восточными, что доказывает устойчивость в сознании людей антитезы «мы – они», «наши – ваши».

Существование этой антитезы, конечно же, осложняет сам вопрос об общем немецком Отечестве. С одной стороны, во многом повинно разделение Германии в 1949 г. На это, например, указал Г. Грасс в книге «Моё столетие», выведя в числе персонажей простую немку Эльфриду Эйльсен, уже в 1951 г. начавшую разделять немцев на «наших» и «ваших»²³⁴. С другой стороны, Зельб, который так же видит разницу между Западом и Востоком Германии, принадлежит к поколению, вошедшему в сознательную жизнь ещё до Второй мировой войны. Таким образом, разделение на ГДР и ФРГ безусловно подчеркнуло проблему немецкой общности, но всё-таки не стало определяющим в ней. И в более ранние времена жители Рейнской области недолюбливали пруссаков, северяне и баварцы взаимно иронизировали над диалектами друг друга и т. п. О подобном Шлинк пишет в романе «Ольга». Влиятельная недоброжелательница главной героини добилась того, что «Ольгу направили в Восточную Пруссию, на край света. Эта деревня находилась несколько севернее Тильзита. Единственная проходившая через нее дорога была немощеной, в сухую погоду ее покрывала пыль, в дождливую дорога тонула в грязи. Посреди деревни был луг – выгон, и прямо на нем

---

²³³ Шлинк, Б. Прощание Зельба. С. 86.

²³⁴ Грасс, Г. Мое столетие. С. 150.

стояла церковь. Вдоль дороги тянулись одноэтажные грязные дома, и таким же обшарпанным было здание школы, где на задах находилась учительская квартира с садиком»²³⁵. *Восточная* Пруссия уже тогда считалась каким-то «грязным», «глухим» местом.

Тема взаимоотношений восточных и западных немцев часто встречается у Шлинка (см., например, романы «Прощание Зельба», «Возвращение», «Женщина на лестнице» и др.).

Одни его персонажи оказываются достаточно ограниченными людьми, не способными видеть что-либо за порогом своего дома. Так, в сознании Петера Гундлаха не находится места серой и угрюмой ГДР²³⁶ («Женщина на лестнице»). Для других соседняя страна – в первую очередь лишь нечто «экзотическое»²³⁷. Третьи умеют открыть в соседях что-то привлекательное²³⁸.

Привлекательной Восточная Германия оказалась и для самого автора. Шлинка стал первым профессором права из ФРГ, который в 1990 г. переехал в Восточный Берлин и начал преподавать в Университете им. Гумбольдта. Примечательно, что Шлинка явился и одним из авторов проекта конституции единой Германии, разработанной «Круглым столом» в последние месяцы существования ГДР²³⁹.

Подобное совпадение творческих моментов и биографии автора позволяет нам понять главный вопрос, волнующий здесь Шлинка-писателя. Смогут ли немцы преодолеть это мифологическое по своей природе разделение на «своих» и «чужих»? Решает ли простое объединение двух стран проблему разных ментальностей?

С одной стороны, Шлинка настроен оптимистично.

---

²³⁵ Шлинка, Б. Ольга. С. 58.

²³⁶ «Если хочешь двигаться вперёд, нужно оставлять прошлое позади» (Шлинка, Б. Женщина на лестнице. С. 169).

²³⁷ Шлинка, Б. Возвращение. С. 197.

²³⁸ «В ГДР все цвета оказались блеклыми, не такими, как на Западе. Стены домов серые, как пески Бранденбурга. <...>. Но жизнь там стала для меня спасением» – говорит Ирена. – «Мне нравились тамошние трамваи, пусть изношенные, но это были просто трамваи, а не передвижная реклама кока-колы и стройных ножек» (Шлинка, Б. Женщина на лестнице. С. 147–149).

²³⁹ См.: Хлебников, Б. Автор бестселлера и адвокат канцлера // Deutsche Welle. 2005. 17 авг. URL: <https://www.dw.com/ru/автор-бестселлера-и-адвокат-канцлера/a-1682214-1> (дата обращения: 20.02.2020).

В рассказе «Измена» он ясно фиксирует момент «восточно-западного любовного любопытства», это ощущение некоего внутреннего родства двух Германий: «Все истории отношений между Западом и Востоком были историями любовными, с присущими им надеждами и разочарованиями. Их питало любопытство к чужому, к тому, что у другого было, а у тебя нет, или наоборот, поэтому другой становился интересен, даже не приложив к этому особых усилий. Много ли было таких историй? Достаточно, чтобы с падением Берлинской стены для немцев наступила прямо-таки весна восточно-западного любовного любопытства»²⁴⁰. В обществе с момента объединения двух Германий постепенно зарождается новая коллективная память, опирающаяся на общие общественные и культурно-исторические принципы.

Важно отметить, что государственная политика оказывает значительное влияние на формирование коллективной памяти. Это проявляется, когда прежняя интерпретация некоторых исторических событий изменяется новой властью, которая пытается снизить значимость предыдущего политического строя. На развитие национальной памяти воздействует и творческая интеллигенция в лице писателей, режиссёров, художников (это находит отражение и в памятниках, в художественной литературе, в произведениях изобразительного искусства и т. д.). Проблему коллективной памяти и дистанцированности между восточными и западными немцами Шлинк актуализирует в обозначенных ранее произведениях.

В романе «Возвращение» Петер Дебауер также считает, что одна половина Германии – «католическая, Рейнская, Баварская, тучная, жизнерадостная, общительная» – вполне сочетается с другой половиной – «восточной, протестантской, прусской, сухопарой, Германией строгих жизненных правил, обращенной в себя». Он заявляет: «Восточная половина Германии – такая же составная часть моего духовного мира, как и западная, и

---

²⁴⁰ Шлинк, Б. Другой мужчина. С. 121.

я хочу и в ней, как и в другой половине, свободно передвигаться, работать, иметь пристанище, любить, да просто жить, наконец»²⁴¹. Он поясняет: «Во время моего гуляния по Восточному Берлину передо мной предстали не пришедшие в упадок дома, а мир Лютера и Баха, Фридриха Великого и прусских реформаторов»²⁴². Само по себе изображение «серого» Берлина и пришедших в упадок домов не так критично для Шлинк, он лишь фиксирует исторический момент в истории Восточного Берлина. Писатель аналитически подходит к описанию бытовой жизни в Берлине и возвышает в описании именно прекрасные стороны, связанные с общей немецкой историей.

С другой стороны, Шлинк не проходит мимо и тех, кто не разделяет идею единства Германии. Напомним здесь, что к сохранению ГДР как самостоятельного государства призывали многие восточногерманские интеллектуалы (К. Вольф, Ф. Браун, С. Гейм и др.)²⁴³. Так же и на Западе не все были в восторге от объединения с бедными восточными «родственниками». Эта точка зрения отразилась ещё в эссе П. Зюскинда «Германия, климакс» (1990)²⁴⁴. Шлинк словно бы вторит ему устами своего персонажа, замечая разность двух миров: «Во второй половине восьмидесятых мир успокоился. Восток продолжал быть Востоком, хотя постарел, подустал и сделался мудрее, а Запад, которому уже не приходилось ни чего-либо бояться, ни что-либо доказывать, был сытым и довольным. О какой политике тут прикажете говорить?»²⁴⁵. Именно поэтому в романе

---

²⁴¹ Шлинк, Б. Возвращение. С. 174–175.

²⁴² Там же.

²⁴³ Так, например, о Кристе Вольф немецкие источники пишут следующее: «Вольф очень критически относилась к западному капитализму. После падения Берлинской стены Вольф призывала пойти “третьим путем”, то есть создать новое независимое, демократическое, свободное, социалистическое государство. Она опасалась, что Запад просто колонизирует восточную часть Германии» (Цит. по: Херцог, В. Третий путь : Криста Вольф критиковала и ГДР, и ФРГ // Deutsche Welle. 2011. 01 дек. URL: <https://www.dw.com/ru/третий-путь-крита-вольф-критиковала-и-гдр-и-фрг/a-658970> (дата обращения: 05.03.2020)).

²⁴⁴ «Разумеется, нам еще в школе внушили, что раскол Германии – это ненадолго, что преамбула основного закона обязывает каждого политика в ФРГ стремиться к его преодолению, что ФРГ и ее столица Бонн – всего лишь временное сооружение. Но мы не верили в это уже тогда, а с годами верили все меньше. Нельзя десятилетиями жить во временке, а тем более в такой роскошной, процветающей временке»; или: «Да, и еще мне становится немного грустно при мысли о том, что больше не будет на свете невзрачного, маленького, нелюбимого, практичного государства – Федеративной Республики Германии, в которой я вырос» (Зюскинд, П. Указ. соч.).

²⁴⁵ Шлинк, Б. Другой мужчина. С. 96.

«Прощание Зельба» речь идёт о слиянии двух государств, которое не привело к слиянию восточных и западных немцев.

Во всём этом хорошо видится напряжённая аналитическая работа авторского сознания, вбирающего в свою орбиту множество мифологических, исторических, культурных, политических обстоятельств.

§ 3. Образ Америки глазами героев Б. Шлинка

Тема Америки часто всплывает в произведениях Шлинка. Её он упоминает как значимую для себя в своей книге *Gedanken über das Schreiben*. Этому имеется биографическое обоснование. После того как в начале 1980-х гг. писатель защитил кандидатскую и докторскую диссертации, он неожиданно уехал на некоторое время в Америку. Америка для Шлинка стала на недолгое время пространством поиска себя и своего пути²⁴⁶.

В этом отношении Шлинка, разумеется, не первый немец, чья судьба оказалась связана с Новым Светом.

Миф об Америке как земле обетованной появляется, например, ещё в литературе XIX в.: так, он отразился в новеллах Б. Ауэрбаха «Увалень» и «Увалень из Америки» (сборники рассказов «Шварцвальдские деревенские рассказы» (*Schwarzwälder Dorfgeschichten*, 1843–1854) и «Новые деревенские истории: 30 лет спустя» (*Neue Dorfgeschichten: nach 30 Jahren*, 1876)²⁴⁷. Америка представлялась пространством, где человек мог с наибольшей полнотой раскрыть свой потенциал. Не случайно немецкая эмиграция в США в XIX в. была столь массовой. При этом естественным образом происходила подмена жизненных ориентиров и базовых ценностей, касалось это и

---

²⁴⁶ См.: «Schlink war fast 20 Jahre Richter am Verfassungsgerichtshof für das Land Nordrhein-Westfalen in Münster und wurde vor 10 Jahren als Professor für öffentliches Recht und Rechtsphilosophie an der TU Berlin emeritiert. In den frühen 1980er Jahren hatte er sich nach Promotion und Habilitation in den USA für kurze Zeit auch als Goldschmied und Masseur versucht – eine Art “Selbstfindungstrip”» (Mohr, P. Schuld als Lebensthema. Zum 75. Geburtstag des Schriftstellers Bernhard Schlink am 6. Juli. // *Literaturkritik.de*. 2019. Juli. № 7. URL: https://literaturkritik.de/public/rezension.php?rez_id=25811 (дата обращения: 10.03.2020)).

²⁴⁷ Ауэрбах, Б. Деревенские рассказы. М. : Художественная литература, 1967. 439 с.; Auerbach, B. Der Tolpatsch aus Amerika // *Projekt Gutenberg-de*. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/auerbach/tolpat/tolpat.html> (дата обращения: 25.12.2020).

человеческого понимания Родины. Вспомним, что Увалень Ауэрбаха, приезжая после долгого отсутствия в Германию, произносит знаковую фразу про то, что он себя считает уже американским гражданином.

Не следует здесь забывать и про вынужденную эмиграцию XX в., связанную с национал-социалистской эпохой и временем после объединения ГДР и ФРГ²⁴⁸. Америка в эти годы оказывалась страной, которая помогала немцу сохранить собственную идентичность, что по определённым причинам было невозможно сделать в самой Германии. Однако при этом многие эмигранты 1930–1940-х гг. так и не вернулись на родину. Означает ли это, что в их сознании произошло размывание самого понятия *родины*? В какой степени «земля обетованная» способна подменять собою прежние *Heimat* или *Vaterland*?

Тема Америки лучше всего раскрыта в романах Шлинка «Гордиев узел», «Правосудие Зельба», «Чтец», «Возвращение».

Уже в первом романе Шлинка «Гордиев узел» появляется привлекательный образ «Нью-Йорка как зеркала мира». Его герой, Георг Польгер, впечатлён величием и простором американской жизни. Он ощущает, что, например, Нью-Йорк – «это весь мир, в отличие от “однобоких” немецких городов, царства среднего класса»²⁴⁹.

В романе «Возвращение» отец главного героя устремляется в Америку как в мир, в котором всё можно начать с чистого листа. Его решение перебраться в США продиктовано возможностью перечеркнуть всю прошлую жизнь. Именно в Америке он успешно реализует себя в качестве университетского преподавателя, демонстрируя отличный пример исполнившейся «американской мечты»²⁵⁰.

Мифологический образ «рая на земле» подчёркивается и соответствующими пейзажами американской действительности, например:

---

²⁴⁸ Так, например, К. Вольф была вынуждена на некоторое время покинуть новую ФРГ и уехать в Калифорнию.

²⁴⁹ Шлинка, Б. Гордиев узел. СПб. : Азбука ; Азбука-Аттикус, 2013. С. 160.

²⁵⁰ См.: Шлинка, Б. Возвращение. С. 315.

«Южнее Сан-Франциско я попал в настоящий рай. Там цвели сады, простирались луга, уютно вписывались в ландшафт немногочисленные невысокие здания, отгороженные от шоссе лесом, вниз к океану спускались каменистые террасы, все было залито солнцем, теплом и наполнено запахом моря и цветов»²⁵¹.

Анализируя отдельные черты образа Америки в сознании немца, Шлинк показывает, что они формировались ещё до эмиграции благодаря книгам, кинокартинам, журнальным заметкам... «У меня остались в памяти картины из старых фильмов – как пароходы входят в Нью-Йорк, медленно проплывая мимо статуи Свободы, мимо небоскребов, – свидетельствует, например, Зельб, – мне казалось, что теперь я увижу то же самое, только не с палубы парохода, а из иллюминатора самолета»²⁵². От вторичного узнавания известных образов, от вида всех этих «небоскребов, мостов и огромной бухты» Зельб «был как пьяный»²⁵³.

Подобные моменты в произведениях Шлинка, несомненно, имеют биографическое обоснование. Америка для Шлинка предстаёт комфортным местом для жизни и работы. Писатель отмечает особую роль английского языка для себя: ему легко излагать свои мысли на английском, писать научные работы, выступать перед публикой²⁵⁴.

Таким образом миф об Америке как «земле обетованной» не подвергается никакому сомнению. Однако при этом возникает важный вопрос: не означает ли комфортная жизнь в Америке внутреннего отказа от *немецкой* родины? Возможно ли, наслаждаясь реализацией своих способностей в Новом Свете, по-прежнему ощущать себя немцем?

В своих текстах Шлинк не только отображает миф о благословенной Америке, но и подвергает его критическому осмыслению.

---

²⁵¹ Шлинк, Б. Возвращение. С. 47.

²⁵² Шлинк, Б.. Правосудие Зельба. С. 227.

²⁵³ Там же. С. 228.

²⁵⁴ Schlink, B. Op. cit. S. 75–77.

Так, в романе «Возвращение» Америка предстаёт не только страной всеобщего достатка и благополучия (миф), но и страной, в которой родственники главного героя как «процветали», так и «бедствовали» (реальность)²⁵⁵.

Жизнь в Америке, ориентированная на постоянное извлечение прибыли, отрицательно сказывается на душевных качествах человека. Здесь начинают ставить на первое место достаток, вплоть до того, что, когда «в Хэндсборо умерли сестра и брат... деда», не успевшие разбогатеть и потому не заработавшие себе на достойное погребение, «жестокосердый родственник не разрешил, чтобы их похоронили на принадлежавшем ему кладбище, и их похоронили рядом с кладбищем»²⁵⁶.

«Благословенная» Америка даёт человеку в основном нечто материальное, тогда как духовной пищи ему не достаёт, поэтому эмигранты начинают испытывать тоску по родине. В мемуарах деда рассказано, как в деревенской церкви частенько оглашали прихожанам и записывали в церковную книгу, что такой-то человек умер от ностальгии в Висконсине, в Теннесси или в Орегоне²⁵⁷. Как замечает рассказчик, через пять лет его семья, «уехавшая в Америку шестером, вернулась на родину вчетвером, с теми же большими чемоданами, которые им сколотил деревенский столяр»²⁵⁸.

Шлинк показывает, что иногда пребывание в Америке удивительным образом помогает немцам осознать собственную «немецкость». Последовав примеру деда, Петер Дебауер также отправляется в Америку, однако ещё до отъезда его начинают мучить панические мысли о расставании с родиной. «Я испугался чужбины, которая вдруг представилась мне чем-то устрашающим и ужасным, испугался утраты всего привычного и знакомого, всего, что вдруг стало мне казаться единственно для меня подходящим, отвечающим моей

---

²⁵⁵ Шлинк, Б. Возвращение. С. 13–14.

²⁵⁶ Там же.

²⁵⁷ См.: Там же.

²⁵⁸ Там же.

сущности и благорасположенным ко мне. Дедова ностальгия навалилась на меня еще до того, как я отправился в путь»²⁵⁹.

В знаменитом романе «Чтец» Михаэль Берг ненадолго приезжает в Америку, чтобы выполнить последнюю волю Ханны. Автор обращает внимание на его психологическое состояние. Главного героя не радуют даже пейзажи знаменитой на весь мир живописной «осени в Нью-Йорке»: «Я поехал в Нью-Йорк из Бостона на поезде. Леса пестрели коричневой, жёлтой, оранжевой, ржаво-красной и красно-ржавой листвой, особенно ярко пламенели клёны, – вспоминает он, прибавляя тут же, что всю радость от увиденного заслоняла ностальгия. – Это была тоска по дому»²⁶⁰.

Герои Шлинка, возможно, сами не осознавая, сталкиваются с противоречием между культурой и цивилизацией. И в этом отношении персонажи Шлинка делятся на две категории. Для одних, как для отца Петера Дебауера («Возвращение») или Георга Польгера («Гордиев узел»), комфортная жизнь в Америке действительно способна повлиять на их ощущение Родины. Для других, например, для самого Петера Дебауера или Михаэля Берга («Чтец»), миф о «благословенной» Америке не играет какой-либо значимой роли, эти персонажи могут сохранять критическое мышление в отношении происходящего и тем самым – собственную «немецкость».

В определённом смысле Шлинка актуализирует мысль Т. Манна, сказавшего журналистам в день своего прибытия в Америку 21 февраля 1938 г.: «Где я, там и Германия»²⁶¹. Данное высказывание следует расценивать как обозначение своей способности сохранять Родину в себе даже на чужбине. Такая же авторская установка характерна и для Шлинка. Да, Шлинка временами живёт на две страны, часто и подолгу бывая в Соединённых Штатах. Однако он довольно философски рассматривает свои «путешествия»

---

²⁵⁹ Шлинка, Б. Возвращение. С. 46–47.

²⁶⁰ Шлинка, Б. Чтец. С. 191.

²⁶¹ Spiegel, H. Wo ich bin, ist Deutschland // Deutschlandfunk. 2011. 21. Aug. URL: https://www.deutschlandfunk.de/wo-ich-bin-ist-deutschland.700.de.html?dram:article_id=85206 (дата обращения: 21. 12.2020).

между США и Германией. Главным в них является то, что он получает возможность наблюдать «Германию со стороны»²⁶². Германия в этом смысле для Шлинка – прежде всего пространство культуры. Именно поэтому в «Гейдельбергских лекциях» писатель в традиционном духе высказался о том, что немецкое Отечество для него вообще «не имело ничего общего с государственной властью и государственными границами»²⁶³.

Таким образом, Шлинок подступает в своей прозе к следующим важным вопросам: что вообще можно подразумевать под «немецким Отечеством»? каким образом влияют на понимание Родины различные исторические обстоятельства? насколько устойчива немецкая любовь к Отечеству? насколько современным является чувство патриотизма?

Особенностью художественных произведений Шлинка является отсутствие однозначной, прямо выраженной точки зрения на проблемы, связанные с понятием Родины в понимании немцев XX–XXI вв. Несмотря на достаточно чёткую личную позицию автора, выраженную в «Гейдельбергских лекциях» и интервью для прессы, Шлинок не навязывает её читателю, видя свою художественную задачу в другом. Привычным для себя образом он высвечивает определённые мифологические моменты в представлениях о Родине и подвергает их анализу. Именно поэтому его персонажи в различных произведениях думают и поступают по-разному. Обращение же к их образу мыслей, особенностям поведения, мотивировке поступков создаёт общее пространство размышлений, предлагаемых читателю, и формирует проблематику шлинковских произведений.

---

²⁶² В ориг.: «Ich sehe immer wieder von außen auf Deutschland. Ich komme zurück, es laufen noch dieselben Debatten, die schon liefen, als ich vor Monaten weggegangen bin, und ich merke, wie wenig sich bei uns verändert, wie viel sich fort- und fortschleppt, wie hilflos Politik sich durch die europäischen Probleme durchwurschtelt» (Ahne, P., Geyer, S. Nicht nur Monster begehen Verbrechen // Frankfurter Rundschau. 2013. 11. Apr. URL: <https://www.fr.de/kultur/nicht-monster-begehen-verbrechen-11271921.html> (дата обращения: 10.03.2020)).

²⁶³ Schlink, B. Op. cit. S.79.

Глава 3. Образ современного человека в осмыслении Б. Шлинка

Тематику произведений Шлинка определяют в первую очередь размышления о непростом немецком прошлом и о возможностях его преодоления. Однако социальный, философский, политический аспекты ни в коем случае не заслоняют при этом человеческого измерения. В каждом его произведении на первый план выходит человек с его уникальной судьбой, личными проблемами и переживаниями.

Сюжеты романов Шлинка, как правило, построены на расследовании некой тайны, связанной с нацистскими временами («Правосудие Зельба», «Чтец», «Возвращение» и др.), на изображении конфликта между поколениями («Три дня»), на размышлениях о способах изменения мира («Женщина на лестнице»), о связи между прошлым и настоящим («Ольга»). Однако наравне с этим Шлинка не проходит и мимо собственно человеческих судеб. Предметом его интереса является человеческая жизнь, воспринимаемая через призму любви, дружбы, гендерных отношений, культуры, религии и т. п. Шлинка рассматривает любовь между мужчиной и женщиной, между представителями разных социальных или религиозных групп, непростые взаимоотношения между родителями и детьми и т. д.

В этом отношении Шлинка, несомненно, выступает продолжателем традиций классической литературы XIX в. В лекциях, прочитанных в Гейдельбергском университете, Шлинка упоминал тех писателей, которые повлияли на формирование его литературного вкуса. Среди них он в первую очередь называет Теодора Фонтане. Можно предположить здесь, что Фонтане интересен писателю своим обращением к теме внутренних человеческих конфликтов. Например, в повести «Матильда Мёринг» (1891) он изобразил психологические сложности совместной жизни людей, принадлежащих к разным социальным слоям. О похожих проблемах пишет и Шлинка в рассказах «Межсезонье», «Поездка на юг» и др. Из уст Шлинка в Гейдельбергских лекциях прозвучало имя Кейт Шопен (1850–1904, США) – писательницы-

феминистки, сделавшей главной темой своих произведений поиск женщинами своего места и предназначения, обретение ими внутренней свободы и духовной независимости. Однако и в немецкой литературной традиции есть размышления об этом, например, в целом ряде произведений того же Теодора Фонтане главными героями являются женщины. В отдельных случаях подобные литературные аллюзии самим автором выносятся на поверхность. Так, несомненно влияние новеллы Готфрида Келлера «Платье делает людей» на роман «Возвращение». Шлинка прямо упоминает её в тексте, связывая сюжет новеллы швейцарского писателя с сюжетом жизни своего героя. В обоих произведениях человек вынужден подстраиваться под обстоятельства. Близка Шлинку и творческая манера Гюстава Флобера. Поскольку творческий процесс есть познание объективной истины, художник в своем произведении не должен выражать собственные пристрастия. Именно поэтому Шлинка не навязывает читателю свою точку зрения, предлагая самостоятельно ответить на вопросы, которые ставит перед ним автор. По Флоберу, правда искусства заключается не в создании точной копии жизни, а в открытии её подлинного смысла. Это характерно и для Шлинки, погружающегося в психологию своих персонажей, ищущего субъективные и объективные причины их поступков. Шлинка интересуется духовное становление человека, а не ярлыки, которые можно на него повесить.

Анализ Шлинки устремлён к человеку в любви, человеку в поисках своего счастья, человеку, определяющему своё место в социуме. В настоящей главе мы выделим различные социальные стереотипы поведения и мифологические по своей природе суждения, интересующие Шлинку, и проследим отражение этих размышлений в поэтике его произведений.

§ 1. Человек в поиске любви

Практически все герои Шлинки пребывают в постоянном поиске любви. При этом характерно, что писатель не навязывает читателям какой-либо

предзаданной концепции этого чувства. «Я не хочу развивать своё собственное “нормативное” представление о любви», – говорит Шлинк в Гейдельбергских лекциях²⁶⁴. Его делом становится познание человеческих историй: «Это только истории с их собственной правдой»²⁶⁵.

Следует признать, что подобное авторское поведение часто вызывало вопросы у читателей. «Ханна Шмиц в два раза старше Михаэля Берга, это же соращение несовершеннолетнего», – удивляются читатели. «Герхард Зельб намного старше Бригитты Лаутербах», да и в целом «истории влюблённых пар у Вас заканчиваются плохо. Не могли бы Вы писать о нормальной любви?» – спрашивают они²⁶⁶.

В свою очередь Шлинк задумывается: а какая любовь может считаться «нормальной»? От чего зависит её «нормальность»?

Так, главный герой рассказа «Межсезонье» Ричард, музыкант по профессии, немец, давно живущий в США, однажды во время своего отпуска знакомится с женщиной по имени Сьюзен. Они нравятся друг другу, и их сближение происходит стремительно. Оба строят планы на совместную жизнь, однако внезапно обнаруживается одно обстоятельство, которое всё усложняет. Ричард кажется себе нищим рядом с этой женщиной, обладательницей огромного дома на приморском курорте и двухэтажной квартиры в центре Нью-Йорка.

Его жизнь строилась всегда на других принципах: «Да, знай он о таком богатстве, не заговорил бы тогда со Сьюзен. Богатых он не любил. Богатство, доставшееся в наследство, вызывало у него презрение, богатство приобретенное он считал награбленным. Его родители никогда не могли заработать столько, чтобы обеспечить детей всем, что они хотели бы им дать. Того, что сам он получал в Нью-Йоркском филармоническом, в обрез хватало

---

²⁶⁴ В ориг.: «Ich will nicht meine eigene normative Vorstellung über die Liebe entwickeln» (Schlink, B. Op. cit. S. 43).

²⁶⁵ В ориг.: «Es sind nur die Geschichten mit ihrer eigenen Wahrheit» (Ibid. S. 55).

²⁶⁶ В ориг.: «Hanna Schmitz ist doppelt so alt wie Michael Berg? Das ist Missbrauch eines Minderjährigen. Gerhard Selb ist viel älter als Brigitte Lauterbach, und bei den Paaren in Ihren Geschichten nimmt es mit der Liebe kein gutes Ende. Können Sie nicht über normale Liebe schreiben?» (Ibid. S. 38.).

на жизнь в дорогом мегаполисе. Богатых друзей у него не было и никогда не бывало»²⁶⁷.

Насколько верны подобные принципы, спрашивает автор между строк. Ведь Сьюзен ни разу не демонстрирует своего превосходства Ричарду.

Конфликт этого рассказа основывается на разрушительном вторжении стереотипов в сознание человека. Ричарду кажется, что его личностная ценность в глазах Сьюзен ничтожна по сравнению с проблемами её бизнеса. Из-за этого он устраивает истерику после всего лишь десятиминутного отсутствия Сьюзен, обсуждавшей по телефону деловые вопросы. Ричард опасается того, что он не сможет содержать семью, влезет в долги, долги будут только множиться и в конце концов Сьюзен его из-за этого разлюбит. Его беспокоит грядущая перемена образа жизни, когда ему придётся переехать в нью-йоркскую квартиру Сьюзен, куда будет заказан вход его друзьям, знакомым, ученикам.

Шлинк, как легко заметить, в первую очередь обращает внимание на психологические²⁶⁸ моменты в сюжете. Его интересуют многочисленные стереотипы (в данной главе между понятием «стереотип» и понятиями «представление», «клише», «установка» ставится знак равенства) в отношениях между мужчиной и женщиной и то, как подобные, чрезвычайно живущие «привычные» взгляды влияют на человека другого пола.

Поведение одного из героев «Межсезонья» определяется известными общественными установками, согласно которым счастливой может быть любовь только между представителями одной социальной среды. Жизненный опыт Ричарда подсказывает ему, что любовное общение с человеком другого социального круга не может заканчиваться чем-то счастливым и долговременным.

---

²⁶⁷ Шлинк, Б. Летние обманы. СПб. : Азбука ; Азбука-Аттикус, 2012. С. 21.

²⁶⁸ Неслучайно Шлинк в Гейдельбергских лекциях обращается к творчеству русских писателей, в частности, к произведениям Л. Толстого «Анна Каренина», «Война и мир», «Семейное счастье», «Крейцера соната» и роману В. Набокова «Лолита». Русская классическая проза, как видим, является для него одним из лучших образцов социально-психологического повествования.

Критичное авторское отношение к подобной установке в сознании выражается в особенностях поведения другого персонажа. Несмотря на то, что ещё недавно «настоящая любовь случалась внутри одного класса»²⁶⁹, и на то, что в современном мире людям чрезвычайно важно осознавать самостоятельность другого человека, который собственными силами достигает чего-то в жизни, для Сьюзен не менее ценно ощущение эмоциональной близости, которая в принципе не связана с имущественным положением человека. Ричард интересен ей как человек – со своими надеждами, сомнениями, разочарованиями, свершениями.

Любопытно, что, в отличие от крупных художественных произведений, рассказы Шлинка чаще всего имеют открытый финал. Среди персонажей не оказывается однозначно правых или виноватых. Автор не осуждает ни Сьюзен, ни Ричарда, не сводит конфликтную ситуацию к «победе» одной из сторон. Даже резкие действия и слова Ричарда не отталкивают Сьюзен, чем мог бы завершиться рассказ. Открытый финал любовной истории подчёркивает аналитическую работу авторского сознания: Шлинка не пытается вместо одного мифа отобразить другой (миф о современных принцах и золушках, преодолевающих все невзгоды), а исследует действительную сложность человеческих отношений. Будет ли продолжение у истории Сьюзен и Ричарда, словно бы спрашивает автор. Насколько сильными окажутся социальные установки, имеющиеся в сознании героев?

Вариант этого конфликта можно увидеть в рассказе «Поездка на юг». Главная героиня Нина, обитательница дома престарелых, пытается переосмыслить свою жизнь. Сопровождаемая внучкой, она отправляется в тот город, где когда-то, будучи ещё студенткой, познакомилась с Адальбертом. В те давние времена её, девушку из состоятельной семьи, дочь известного доктора, испугало неопределённое будущее, которое мог предложить ей бедный студент-философ. Несмотря на то, что она была счастлива с ним, Нина

---

²⁶⁹ В ориг.: «Die richtige Liebe spielte innerhalb einer Klasse» (Schlink, B. Op. cit. S. 40).

под влиянием родительского мнения и общественных суждений о жизни решила расстаться с Адальбертом. Затем она вышла замуж за другого и всю жизнь жила с тем, кого и не любила вовсе.

Описывая эту историю, Шлинк, как и в предшествующем случае, обращает внимание на психологическую составляющую событий. Он точно называет моменты самообмана героини, её самооправдания, подробно изображает подмену одних понятий другими. Главной причиной её несчастий оказывается слепое следование общественным установкам и такое же слепое принятие распространённых стереотипов: о возможности счастья только в равном браке, о том, что настоящая любовь не совместима с жизненными, материальными трудностями, ибо любящий мужчина безусловно обязан оградить свою возлюбленную от них. Отдельное внимание стоит обратить на паразитарный по своей сути миф о несчастной и страдающей женщине и коварном мужчине, который непременно должен бросить её, предварительно воспользовавшись наивной доверчивостью. Именно этим мифом Нина оправдывает собственное немотивированное бегство от Адальберта в момент его отъезда на научную конференцию. Данная психологическая установка не требует доказательств, являясь удобным инструментом для объяснения человеческого поведения. И Шлинк показывает, как благодаря этому мифу Нина сама начинает верить в то, что это Адальберт бросил её. И с такой установкой она живёт до самой старости. Лишь на склоне лет она робко задумывается о том, была ли она действительно счастлива, было ли у неё с мужем что-то общее в духовном смысле?²⁷⁰ Говоря о вкусе жизни своей героини, Шлинк использует интересную метафору: на своём дне рождения в ресторане Нина только из вежливости отмечает те или иные блюда, на самом же деле не чувствуя их вкуса и запаха. «Она всегда хвалила вкусные блюда,

---

²⁷⁰ В молодости Нина из-за страха бедного существования с Адальбертом вышла замуж за другого и бросила учёбу в университете из-за карьеры мужа-врача. В браке родилось четверо детей, однако счастья она так и не обрела из-за постоянных измен мужа. В конце концов они развелись. На закате жизни Нина живёт в доме престарелых и вовсе не ощущает в себе любви к детям и внукам.

когда дети вывозили её в ресторан, подносила к лицу букеты, которые они ей дарили»²⁷¹. Вкус счастливой и «настоящей» жизни Нине был просто не знаком.

Шлинк показывает, как легко сознание человека попадает в психологические капканы. Не желая полностью отказываться от удобной картины мира, Нина один стереотип, сформированный ею ранее, подменяет другим. Её решение отправиться в город своей юности и разыскать бывшего возлюбленного вызвано, с одной стороны, некоторой внутренней неудовлетворённостью жизнью, с другой – и это важнее, – ещё одним невыдерживающим никакой проверки логикой соображением: Нина всегда верила в существование вечной любви, и именно такой должна была оказаться любовь Адальберта, который и спустя годы должен был сохранять свои чувства к ней. Нина не задумывается, каким образом можно совместить образ коварного мужчины, бросающего возлюбленную, с образом вечной любви в его душе. Сама природа устойчивых стереотипов этого не предполагает.

Именно поэтому показательна сцена их встречи после многих лет вдали друг от друга, в которой Адальберт выражает искреннее удивление её трактовкой расставания: «Ты... уехал, и с тех пор ни разу не дал о себе знать! <...> – И сколько же времени ты тогда напрасно ждала? – Не помню я, сколько дней и недель. Вечность ждала – это я отлично помню, целую вечность. – Меньше десяти дней, Нина. На десятый день я вернулся и от твоей квартирной хозяйки узнал, ты у неё больше не живешь. За тобой приехал молодой человек, отнёс твои вещи в машину, и вы с ним уехали»²⁷².

Как и в «Межсезонье», Шлинк не стремится подвести историю к чему-то определённом, а сосредоточивает своё внимание на скрытых психологических процессах, что происходят в человеческом сознании. Финал «Поездки на юг» открыт. Короткая встреча между персонажами позволяет им заново открыть друг друга, но оба не уверены, что захотят поменять свою привычную жизнь в настоящем. И даже то, что Нина оставляет Адальберту

---

²⁷¹ Шлинк, Б. Летние обманы. С. 248.

²⁷² Там же. С. 273.

визитку со своим адресом, ничего не значит. Читателю остаётся лишь догадываться: то ли в её душе во время прощания с Адальбертом наконец-таки всплывает ощущение «своего» человека, то ли на неё производит впечатление его нынешнее материальное благосостояние (коттедж с прекрасным видом на луга и горы, звание доктора философии) – и в сознании снова актуализируется миф о неразрывном соединении настоящей любви и достатка.

На поведение человека, как показывает Шлинк, оказывают влияние и устойчивые социальные представления, связанные с религией и национальной историей. Об этом идёт речь в рассказе «Обрезание».

Его действие происходит в Америке, именно там молодые люди – немец Анди и американская еврейка Сара – встретились и полюбили друг друга. В социальном отношении они принадлежат к одному кругу: он – будущий учёный, получивший грант в США для работы над диссертацией, она – программист. Однако случившаяся много лет назад трагедия в семье Сары не позволяет ей спокойно любить Анди, *немца* по происхождению. О том, что он немец, ей постоянно напоминают и в семье, и в дружеском кругу. Анди ассоциируется у её окружения с теми немцами-нацистами, от которых в прошлом пострадали её родные²⁷³.

Писатель умело переплетает прошлое и настоящее. Ему удаётся соединить события, произошедшие более семидесяти лет назад в Германии, с современной жизнью в американском мегаполисе.

Так, Сара зачастую отпускает двусмысленные замечания о немецком прошлом, а Анди подчас даже в её безобидных фразах слышатся обвинения в свой адрес. Шлинк подмечает тонкий психологический момент: Сара влюблена в Анди, но она постоянно прислушивается к мнению родных. А родные, несмотря на то, что Анди им нравится, видят в нём не просто человека,

---

²⁷³ «Дядя Аарон был чрезвычайно мил, вся семья очень милая, и дядя Иосиф, и тётя Лия; Анди знал от Сары, что они были в Освенциме, потеряли там родителей, братьев и сестёр» (Шлинк, Б. Другой мужчина. С. 164). Важно, что предки Сары прибыли в Новый Свет в XIX в., однако и на них оказывает влияние миф о том, что все немцы были так или иначе причастны к преступлениям нацистов.

а потомка тех немцев, которые преследовали евреев в период национал-социализма в немецкой истории.

К тому же играют свою роль и религиозные расхождения, хотя и Анди, и Сара представляются вполне светскими людьми. Так, сестра Сары недоумевает, как смогут жить будущие дети её и Анди, если они вдруг окажутся не иудеями²⁷⁴. Здесь мы сталкиваемся с общепринятым клише об иудаизме как «уникальной религии», стоящей выше всех прочих²⁷⁵.

В какой-то момент и сама Сара замечает: «Мы принадлежим к двум различным культурам, говорим на разных языках, и даже если ты правильно переводишь со своего языка на мой, мы всё равно живём в двух разных мирах – если мы прекратим говорить друг с другом обо всём, нас растащат в разные стороны центробежные силы»²⁷⁶.

Анди также с тревогой думает об огромной пропасти между их религиями и культурами: «В Берлине он впервые ощутил страх, что несхожесть миров, в которых они жили, может поставить их любовь под угрозу»²⁷⁷.

Шлинк аналитично, шаг за шагом, прослеживает те шаги, которые совершает Анди, пытаясь сохранить свои отношения с Сарой, и те ментальные преграды, которые возникают у него на пути. Кульминацией всех событий становится решение Анди сменить вероисповедание и пройти обряд обрезания. Чтобы сохранить Сару, Анди готов обрезать нити, связывающие его с собственной национальной историей, с немецкой культурой.

Открытый финал рассказа является здесь наилучшим художественным решением²⁷⁸. Тем самым Шлинк показывает, что сформированные много

---

²⁷⁴ Так, Рахиль сказала: «Самое ужасное, если мои мальчишки когда-нибудь женятся на нееврейках» (Шлинк, Б. Другой мужчина. С. 172); потом она продолжила: «В этом случае они бы все потеряли – зажигание свечей в пятницу вечером, киддуш над вином и благословение над хлебом, кошерную пищу в праздник Рош-а-Шана <...> слушать шофар, прощать обиды перед Йом-Кипуром, в Суккот строить из ветвей и украшать шалаш, жить в нем – с кем мои сыновья смогут соблюдать наши законы, как не с еврейкой?»; или там же: «В смешанных браках не живут богатой духовной жизнью, там нет никакой духовности» (Там же. С. 173).

²⁷⁵ Там же. С. 174.

²⁷⁶ Там же. С. 176.

²⁷⁷ Там же. С. 184.

²⁷⁸ После процедуры обрезания Анди возвращается из Германии в США и сразу приезжает к Саре, они проводят вместе вечер, а рано утром он уходит, забирая и свой чемодан.

ранее стереотипы не могут исчезать из человеческого сознания просто так. Для преодоления многих проблемных ситуаций, основанных на давних предрассудках и не решаемых, но всего лишь скрываемых при помощи лукавой логики, требуются время и усилия.

Наряду с историческими, социальными, религиозными, мифологическими установками в произведениях Шлинка часто высвечиваются и гендерные.

Здесь следует учитывать то, что в XX в. заметно изменилась социальная роль женщины и, как следствие, само женское мироощущение. Шлинка действительно продолжает традиции Фонтане, Келлера, Флобера, у которых героини-женщины зачастую оказывались сильнее мужчин и во многом превосходили сильный пол. Однако разница между сюжетами этих писателей и сюжетами произведений Шлинка существенна. В XIX в. женщина могла быть сильнее мужчины, пожалуй, только в психологическом плане, как, например, Эмма Бовари превосходит своего мужа. Да и то подобное случалось не всегда²⁷⁹. Шлинка показывает уже другое: его героини вполне успешно играют типично *мужские* роли.

Новые гендерные модели поведения в современном мире изображены Шлинком в рассказе «Дом в лесу». Кейт, героиня повествования, будучи успешной писательницей, зарабатывает большую часть семейных денег, а её муж давно уже исполняет типично «женские» функции – заботится о подрастающей дочери и ведёт домашнее хозяйство. Кейт однозначно даёт понять мужу, что роль простой домохозяйки не по ней. Она уверена в своих силах и готова защищать свою позицию до конца: «Ты хочешь сделать из меня домашнюю клушу, которая стоит у плиты, дожидаясь, когда муженёк соизволит уступить ей машину?» – спрашивает она²⁸⁰. Такой диалог вряд ли был бы возможен ещё столетие назад. Однако с того момента, как женщины

---

²⁷⁹ В повести Т. Фонтане «Матильда Мёринг» (1891) главная героиня с удивлением обнаруживает, что на самом деле не она воспитывала своего мужа, а он незаметно менял её сознание и мировоззрение.

²⁸⁰ Шлинка, Б. Летние обманы. С. 120.

получили равные права с мужчинами, они взяли на себя такую же долю ответственности и за семью.

Изображая читателю всю сложность семейного конфликта, Шлинк показывает, как мучится его герой-мужчина в атмосфере смены властных парадигм. Однако мучится не от потери функций повелителя, а от потери чёткого понимания собственной роли в жизни. Он также в сердцах произносит слова, которые давно поселились в его сознании: «А я-то кто тогда, по-твоему, если даже на домашнюю клушу у плиты не тяну? Всего лишь неудавшийся писатель? Который живёт на твоём содержании? Которому разрешается ухаживать за ребёнком, но нельзя ничего решать? Нянька и уборщица?»²⁸¹.

В рассказе «Дом в лесу», как и в остальных рассказах, Б. Шлинк не стремится разделять персонажей на положительных и отрицательных. Писатель показывает трансформацию человеческого сознания в свете смены гендерных ролей. Цель автора – продемонстрировать гибель традиционного понимания мужского и женского начал. Для этого автор задаёт читателю множество вопросов. Действительно ли существует некая «правильная» модель семьи? Почему женщина не может зарабатывать больше мужчины? Не глупо ли мужчине, не приносящему основной доход, чувствовать себя ущемлённым в правах? Может ли семья быть счастливой и успешной, если женщина работает, а мужчина ведёт домашний быт?

И в силу этого на первое место в повествовании выходят психологические моменты. Многие реплики и поступки Кейт показывают, что она уже не похожа на женщину прошлого. Так, например, она вполне представляет семейную жизнь без детей, ребёнок не является смыслом её жизни. Главным для неё является творчество. Любопытно, что муж по-прежнему живёт с устойчивыми представлениями о том, что дети являются для женщины главным, тогда как Кейт, «забеременев, ...вела себя так, словно ничего не случилось». Именно муж «настоял на том, чтобы она сходила к

---

²⁸¹ Шлинк, Б. Летние обманы. С. 120.

врачу и посещала занятия по гимнастике для беременных. Снимки, сделанные на УЗИ, прикрепил на стенку он»²⁸². «Став матерью, она тоже сперва не хотела верить, что придётся что-то менять в своей жизни, и продолжала вести прежнюю жизнь, как до рождения ребёнка»²⁸³.

В то же время героиня продолжает быть по-женски чуткой к мужу. Она пытается играть сразу две роли: традиционную (доброй матери и верной жены) и современную (успешной, деловой, самостоятельной женщины). «Я хочу быть с вами и писать книги и чтобы ничего больше», – заявляет она. Или: «Мне бы только писать, а кроме этого, мне нужны только вы. Всё остальное мне не нужно»²⁸⁴. Казалось бы, одно не исключает другого. Тогда почему невозможно совмещение?

Шлинк тонко анализирует возникшую ситуацию, не пытаясь представить Кейт в роли разрушительницы семьи, а её мужа в роли ревнующего к чужой славе безумца. Кейт ни разу не упрекает его в том, что он мало зарабатывает (а ведь переживания героя, связанные с вопросами финансового обеспечения семьи, действительно лежат тяжёлым камнем на его душе)²⁸⁵. Проблема заключается в другом: сознание Кейт изменилось уже настолько, что героиня не замечает, где и когда она выполняет типично «мужские» роли. Однако это замечает и чувствует её муж. Его странные, на первый взгляд, попытки найти решение – это типично «мужские» действия, связанные с насилием, с желанием самостоятельно расставить приоритеты в ситуации. При этом они наталкиваются на не менее «мужские» поступки Кейт: она и только она определяет время их пребывания в уютном домике в лесу или в Нью-Йорке, она устанавливает внутренний распорядок их семейной жизни. Кейт делает это как само собой разумеющееся, не стремясь обидеть мужа. Однако их общение друг с другом видимо определяют два противоречия – о «настоящем» мужском и «настоящем» женском поведении.

---

²⁸² Шлинк, Б. Летние обманы. С. 93.

²⁸³ Там же. С. 96.

²⁸⁴ Там же.

²⁸⁵ «Ты знаешь, что ничего подобного у меня в мыслях не было» (Там же. С. 120).

Психологическую неуверенность в себе в современных условиях сдвига гендерных ролей испытывает и Ричард, герой рассказа «Межсезонье». Несмотря на то, что встреченная им женщина искренне полюбила его и выразила готовность быть с ним до конца жизни, первым препятствием для счастья становится её бóльшая финансовая состоятельность. Доход Сьюзен на несколько порядков превышает заработка мужчины-флейтиста. И само поведение Сьюзен легко объясняется стереотипом о самостоятельной, независимой от чужих суждений, современной женщине. Не он, а именно она становится инициатором их знакомства, она делает решительный шаг к сближению, она планирует их дальнейшую семейную жизнь – вплоть до количества детей.

Внутри Ричарда возникает страх стать альфонсом: он боится оказаться на содержании Сьюзен, эта мысль для него болезненна. Одно соображение здесь цепляется за другое. Как его будут воспринимать друзья и знакомые Сьюзен? Откуда взять денег на поддержание образа жизни, привычного Сьюзен? Не потеряет ли он, подлаживаясь под новый образ жизни, собственный круг общения?

Неопределённость ситуации хорошо показана в финальной сцене рассказа. Ричард должен поехать к Сьюзен, однако он всячески затягивает с решением и вместо этого возвращается в свою квартиру. Это не означает символического разрыва с возлюбленной, но вместе с тем показывает и его неготовность принять её правила жизни. Финал всей истории в этом отношении по-шлинковски открыт.

Скрытая гендерная проблематика присутствует и в романе «Женщина на лестнице». Его главная героиня Ирена Гундлах – женщина свободная, уверенная в себе, имеющая определенные цели в жизни, обладающая твердой мировоззренческой позицией, уверенно стоящая на ногах.

Мужчины, окружавшие её в молодые годы, были наделены схожими личностными качествами. У каждого из них имелось в жизни нечто, что служило стержнем их существования. Так, бывший муж Ирены был одержим

идеей власти, второй ее спутник, молодой художник Карл Швинд стремился к признанию в обществе. Именно их лидерские качества привлекали Ирену²⁸⁶.

Однако при этом Ирена не готова была играть «традиционную» роль жены – спутницы жизни успешного мужчины, а ни Петер Гундлах, ни Карл Швинд, оставаясь самодостаточными людьми, не готовы были жертвовать чем-то ради неё, поэтому она их оставила.

Шлинк представляет самоё Ирену смелой женщиной, способной идти на риск. В сущности, она во всех ситуациях демонстрирует активную, «мужскую» модель поведения. И это определяет противоречивость её поступков и умозаключений. Не отказываясь от самостоятельных суждений, она как женщина всё равно ищет мужчину, с которым у неё возникла бы тесная эмоциональная связь. Заимствуя из «мужского» мира целеустремлённость, решимость, в определённой степени – жёсткость и даже безжалостность, Ирена вместе с тем прилагает эти качества к достижению «немужских», а скорее «женских» целей. Её интересуют не богатство и власть, а такие вопросы, как: есть ли в мире справедливость? можно ли бескорыстно защищать униженных и обездоленных?²⁸⁷ Стремясь опереться на достойного и надежного мужчину, Ирена в очередной раз доказывает, что даже стойкие духом женщины нуждаются в защите и поддержке.

При этом типичным авторским приёмом в романе, как и в большинстве других художественных произведениях Шлинка, служит уход от однозначного осуждения или одобрения героини. С одной стороны, жизненный путь Ирены Гундлах есть отражение реалий XX в. Женщины имеют полное право самостоятельно определять свою жизнь: выбирать спутников, профессию, место жительства и т. п. С другой стороны, из-за этого

---

²⁸⁶ «Думаю, я любила в них решимость идти до конца, неукротимость, с которой Петер стремился ко всё большему богатству и всё большей власти, и ту неукротимость, с которой Карл пытался создать совершенное произведение искусства. Они оба были одержимы, и я искала чего-то, что и меня сделало бы одержимой» (Шлинк, Б. Женщина на лестнице. С. 130).

²⁸⁷ Так, она говорит: «Я искала человека, способного на риск, такого, с которым я сама могла бы пойти на риск. Даже рискнуть собственной жизнью» (Там же. С. 115). Рассказчика-юриста она спрашивает: «Ты когда-нибудь защищал интересы обычных людей: рабочих, квартиросъёмщиков? <...> Ты когда-нибудь выдвигал обвинения против государства, полиции, Церкви? ... Чем-нибудь рисковал?» (Там же).

часто возникают сложности психологического характера. Мужчины рядом с Иреной не обретают душевного комфорта. И Петер Гундлах, и Карл Швинд, и рассказчик – все видят в ней вечную бунтарку, источник постоянного беспокойства²⁸⁸.

Метафорически точно Ирена воспринимает типичную, традиционную семью как клетку, из которой стремится вырваться²⁸⁹. И вместе с тем она же сама ощущает разрушительность своего образа жизни, который не приводит к счастью. Намёк на это содержится в странном, на первый взгляд, сюжетном повороте, когда Ирена просит рассказчика придумывать для неё истории о том, как могло бы сложиться их совместное существование. Что было бы, если бы она не убежала от рассказчика после того, как он помог ей похитить картину из дома бывшего мужа? Сожалеет ли она о неслучившемся, говоря: «Что было бы, если бы я пришла к тебе?»²⁹⁰. Или же, слушая его рассказы, Ирена только убеждается в правильности принятых в молодости решений?

Однако даже осторожно мечтая о «традиционном» женском существовании, Ирена не теряет внутренней самостоятельности, о чём свидетельствуют её постоянные комментарии к фантазиям рассказчика. Она не принимает просто так его версии возможного прошлого²⁹¹.

И сам финал истории демонстрирует по-настоящему лидерскую позицию героини-женщины. Она не только заставляет всех *мужчин* своей жизни приехать к ней за тридевять земель в Австралию. То, что не они, а она оказывается центром всего происходящего, понимается и по судьбе картины, на которой изображена молодая дама, спускающаяся по лестнице, и которая является давним предметом вождления всех. Предоставив *мужчинам* право

---

²⁸⁸ Петер Гундлах: «Твоё упрямство, сопротивление, бунтарство. Ты хотела поквитаться не только со мной и с ним... ты хотела свести счёты со всеми. <...> А я помню всё, помню, как ты ненавидела нашу жизнь, как мечтала посвятить себя великому делу. Участвовать в самых жгучих событиях современности» (Шлинк, Б. Женщина на лестнице. С. 145–146).

²⁸⁹ «Я будто вырвалась из клетки, освободилась от всего, что стесняло, удерживало меня» (Там же. С. 147).

²⁹⁰ Там же. С. 181.

²⁹¹ Например, она может кратко и просто, с различной долей скепсиса сказать: «Нет, я этого не спрашивала» (Там же. С. 186); или: «Просто стараюсь представить себе твою жизнь. Твою жизнь взаперти» (Там же. С. 221); или: «Но нельзя же всю жизнь просидеть на балконе, как пожилая супружеская пара» (Там же. С. 187).

решать, кому достанется картина после её смерти, Ирена некоторое время безмолвно наслаждается их дискуссиями, после чего ставит их в известность: картина уже подарена ею художественной галерее в Сиднее. Даже на пороге своей смерти Ирена старательно разрушает традиционный образ вedomой слабой женщины, не способной самостоятельно определять свою судьбу.

§ 2. Человек в поиске счастья

Было бы неправильным представлять прозу Шлинка исключительно как повествование – художественное отображение исторических и политических мифов, а также социальных, гендерных, религиозных стереотипов. Не менее важен и философский аспект изображаемого. Так, например, не раз в тексте рассказов Шлинка повторяется слово «счастье».

Авторская логика писателя здесь привычна и узнаваема. Он не пытается навязать читателю своё, определённое видение счастливого мира. Напротив, Шлинка интересуется нешаблонностью бытия, умение человека выйти за рамки личных и общественных убеждений, осознать наличие некой *другой* возможности в происходящем, определить иную реальность для себя. И это проявляет себя как в сюжете произведений, так и в раскрытии образов и самораскрытии героев.

Художественной особенностью произведений Шлинка служит определённый набор приёмов. Например, типичным в повествовании является *сомневающийся* герой. Показателен в этом отношении рассказ «Последнее лето», входящий в сборник с характерным названием «Летние обманы». Главным героем выступает уже пожилой профессор философии Томас Велмер, который, по его словам, имел в жизни всё. Он построил успешную карьеру учёного, удачно женился и вырастил двоих детей, обрёл материальный достаток. Мы видим, что, будучи уже пенсионером, он, сидя на лавочке перед озером, вспоминает важные этапы своей жизни: как он защищал диссертацию, как писал статьи и книги, как стал профессором в Германии и в

США. Однако то, что у него было, он называет почему-то не счастьем, а «сборной солянкой», «суммой ингредиентов»²⁹². Герой сомневается в правильности принятых однажды решений, совершённых поступков и т. п.

В XX в. произошло значительное изменение в общественном сознании. В какой-то степени для человека сфера «потребления» вышла на первое место, весь фокус внимания сместился с процесса «развития» на процесс «потребления»: рекламы, продуктов питания, информации и т. д. Кроме того, произошли значительные трансформации в гендерном аспекте: женщины встали на одну социальную ступень с мужчинами (высокие политические посты, карьерный рост и т. п.). Однако такая стремительная перестройка общества не приносит ощущения счастья человеку. Многие персонажи Шлинк задумываются о значении и роли счастья в жизни, им важны истинные нематериальные ценности.

Шлинк привычным для себя образом провоцирует читателя. Если всё перечисленное в жизни Велмера – не счастье, то что тогда счастье? Ведь «все ингредиенты счастья, как он его себе представлял, были налицо», – недоумевает персонаж²⁹³.

Шлинк показывает и иллюзорность того, что люди называют счастьем, и непрочность того, что казалось им незыблемым. Так, успешная, счастливая жизнь Томаса Велмера подкидывает ему в конце концов весьма неприятный сюрприз: он узнаёт, что смертельно болен, жить ему осталось очень недолго. Не желая мучиться сам и пытаясь уберечь родных от длительных, неприятных переживаний и забот, Томас задумывает незаметно уйти из жизни с помощью яда.

При этом в сознании героя происходит радикальная переоценка многих вещей и обстоятельств. Был ли вообще смысл в его занятиях философией?

---

²⁹² «Его взяли на кафедру ассистентом; с тех пор он работал, писал статьи и книги, получил степень, стал профессором. Был счастлив... Или опять-таки лишь думал, что счастлив? Опять-таки лишь уверился в своём счастье, поскольку все ингредиенты счастья были налицо? И то, что он испытывал опять-таки было не счастьем, а такой сборной солянкой, суммой ингредиентов» (Шлинк, Б. Летние обманы. С. 178).

²⁹³ Там же. С. 175.

Может быть философия – «лишь изощрённый способ бесплодной растраты интеллектуальной энергии?», – спрашивает он себя²⁹⁴. Смог ли он научить своих детей чему-то действительно важному? Например, дочь – не «растрачивать свои способности на всякую ерунду», а заниматься любимым делом – биологией²⁹⁵. Смог ли донести до сына, что главным в деятельности адвоката является не зарабатывание денег, «которых у него и так целая куча», а нечто иное²⁹⁶.

Автор выделяет в повествовании реакцию детей и внуков, узнавших о замысле Томаса Велмера покончить жизнь самоубийством. Все они, почувствовав вдруг себя обиженными, не удосуживаются поразмыслить об истинных причинах этого решения и просто уезжают из дома, в котором Томас собрал всю семью в своё *последнее лето*. Таким образом, счастье семейной близости внезапно оказывается иллюзией.

Томас Велмер обнаруживает, что человек в мире всегда одинок. Даже когда он пытается собственными руками создать некий счастливый мир, далеко не всегда получается что-то прочное и настоящее. Оставленный всеми, Томас думает: «Опять, опять он собрал вместе все ингредиенты счастья, но получилось не то, что хотелось. Всё вышло иначе, чем в прежние годы; некоторое время он ведь был этим летом по-настоящему счастлив. Но счастье не пожелало с ним остаться»²⁹⁷.

Подчеркнуть иллюзорность счастья Шлинку помогает характерный для классической литературы приём – обращение к «вещим» снам. Его мы обнаруживаем в рассказе «Женщина с бензоколонки». Главным героем в произведении является мужчина шестидесяти лет – сумевший сделать карьеру, завести семью. Однако рассказ начинается не с представления героя, не с завязки какого-либо сюжета, а со странной фразы: «Он уже и сам не знал, действительно ли когда-то видел этот сон или с самого начала придумал

---

²⁹⁴ Шлинк, Б. Летние обманы. С. 200.

²⁹⁵ Там же. С. 201.

²⁹⁶ Там же. С. 201–202.

²⁹⁷ Там же. С. 210.

его»²⁹⁸. Эта интригующая завязка сюжета держит читателя в напряжении до самого финала, который всё равно оставляет непрояснёнными многие вопросы.

В этом сне герой едет по незнакомой дороге в неизвестном направлении и встречает некую женщину, которая входит в его жизнь. Сон приобретает символическое значение, потому что сопровождает героя на протяжении всей жизни.

При этом настроение сна контрастирует с реальным наполнением жизни персонажа. Он всегда «вёл спокойную жизнь. <...> говорил по-английски и по-французски, делал карьеру у себя в стране и за границей, <...> и на шестом десятке обладал завидным здоровьем, кое-чего достиг в жизни и повидал мир»²⁹⁹.

Неясное ожидание неизвестного во сне становится символическим отражением важного вопроса, который персонаж боится задать самому себе: был ли он когда-либо счастлив?

Размышляя о своей семейной жизни на пороге серебряной свадьбы, герой и его жена внезапно поняли, что в их браке никогда не было особенной радости. Однако при этом «ни он, ни она не готовы были расстаться с ритуалами: вместе раздеваться, засыпать, просыпаться, вставать»³⁰⁰. Образ *той* женщины, которая является герою во сне, как раз подчёркивает безэмоциональную ритуальность совместного существования. Важной психологической деталью становится своеобразная зависимость героя от этого сна.

Одним из ключевых моментов в сюжете является решение героя и его жены отказаться от празднования серебряной свадьбы и уехать вместо этого в путешествие по Америке. Отказ от исполнения привычных ритуалов

---

²⁹⁸ Шлинк, Б. Другой мужчина. С. 234.

²⁹⁹ Там же. С. 237.

³⁰⁰ Там же. С. 239.

необъяснимым образом сближает их. «Можно ли влюбиться во второй раз в одного и того человека?» – даже думает герой, глядя на жену³⁰¹.

В рассказе «Женщина с бензоколонки» Шлинком используется уже узнаваемый приём – обращение к читателю. Он спрашивает: способен ли человек понять момент своего истинного счастья? Сколько времени ему потребуется для того, чтобы принять это счастье в свою жизнь? Существует ли, в конце концов, истинное счастье?

Человек может долго радоваться эрзацу счастья, однако внезапное событие (например, сон) может обесценить и его карьеру, и семейную жизнь, и всё прочее.

Главный герой Шлинка не способен на спонтанность, у него всё должно быть взвешенно и до мелочей продуманно. Даже неожиданная встреча с женщиной из его сна не может ничего изменить. *Она* работает на бензоколонке, расположенной в американской глуши. В момент встречи *она* чувствует симпатию к нему. Казалось бы, вот момент истинного счастья?

Однако, увидев женщину, которую он полюбил в своих сновидениях, мужчина задумается о каких-то невероятно бытовых мелочах: «Сколько у меня времени, чтобы принять решение? Минута? Две? Сколько ей понадобится времени, чтобы вынести сдачу?»; «Поспешит ли она со сдачей или уже поняла, что я радуюсь каждой лишней минуте?»³⁰².

Когда-то обучая своих сотрудников, герой говорил, что «обдумывание решения и принятие решения – разные вещи, что долгое обдумывание не приводит ни к правильному, ни вообще к какому-либо решению и делает процесс принятия решения настолько сложным и тяжким, что в итоге решение не принимается никогда»³⁰³.

Шлинк выступает тонким психологом, показывая разрушительную несамостоятельность своего персонажа. Нам остаётся только догадываться,

---

³⁰¹ Шлинк, Б. Другой мужчина. С. 240.

³⁰² Там же. С. 249.

³⁰³ Там же. С. 249.

чего он боится: непонимания близких и недоумения жены, самого себя, потери привычного комфорта существования? Или он не уверен в реакции женщины с бензоколонки, когда та узнает, что она – женщина из его снов? Эта нерешительность не даёт ему открыться своей мечте.

Осознание упущенного момента приходит к нему чуть позже. «Он оплакивал свой сон, оплакивал возможности, которая дарила ему жизнь и которых он не смог или не захотел реализовать, он оплакивал всё, чего уже не вернёшь и не изменишь. <...> Он оплакивал разочарование, которое их постигло, их надежды и ожидание счастья, проснувшиеся в эти последние недели»³⁰⁴.

Рассказ «Женщина с бензоколонки» имеет открытый финал, оставляющий множество вопросов и не дающий ни одного ответа. А была ли счастлива жена этого мужчины в их браке? И позже – во время путешествия? А счастлива ли сама женщина с бензоколонки? Не случайно и в её взгляде сквозит «враждебность женщины, которая слишком часто увлекалась и так же часто разочаровывалась»³⁰⁵. Как сложится судьба мужчины, не только уехавшего с бензоколонки, но и оставившего свою жену? И, наконец, главный вопрос: счастье – это *обладание* чем-то или *ожидание* чего-то?

Похожий психологический портрет нерешительного и несамостоятельного человека рисует Шлинк и в рассказе «Ночь в Баден-Бадене». Главный герой, мужчина средних лет, писатель по профессии, на протяжении семи лет состоит в любовных отношениях с Анной. У них так называемый гостевой брак: Анна живёт в Амстердаме и часто по работе читает лекции в Америке, Австралии, Канаде, герой-мужчина в свою очередь проживает в основном во Франкфурте, лишь изредка встречаясь с возлюбленной.

Писатель демонстрирует типичные семейные сценарии и влияние их на жизнь человека. У каждого из героев обнаруживается подобный сценарий,

---

³⁰⁴ Шлинк, Б. Другой мужчина. С. 252.

³⁰⁵ Там же. С. 247.

заложенный ещё в детстве. Анну мужчина выбрал спутницей жизни, подсознательно ориентируясь на свой опыт общения с матерью. Так, например, в момент конфликта с Анной он вдруг осознаёт: в детстве, «если он сделал что-то нехорошее, мать не отставала от него, пока он не признавался в дурных желаниях, которые привели его к дурному поступку. Позднее он прочёл про принятый в коммунистической партии ритуал критики и самокритики, когда человека, отклонившегося от партийной линии, прорабатывали до тех пор, пока он не покается в своих буржуазных уклонах, – то же самое действие, которое производила над ним его мать, а сейчас произвела Анна. Неужели он всегда искал в Анне свою мать и вот нашёл?»³⁰⁶.

Аналогичную картину психологической зависимости от детских воспоминаний автор открывает и в сознании Анны. Она также во многом ориентируется на свой детский опыт, ибо выросла в семье, в которой «отец обманывал маму, изменял ей», ей и брату «без конца давал обещания... и не выполнял обещания»³⁰⁷. Анна, привыкшая к атмосфере обмана и полного недоверия, перенесла сценарий жизни своих родителей и на свои отношения с мужчинами.

Непреодолимое патологическое влечение персонажей друг в другу приводит к совместным страданиям в непростых любовных отношениях. Любопытно, что «раны, нанесённые ссорами» между героем и Анной, «заживали скорее, чем боль разлуки. Спустя некоторое время от ссор оставалось смутное воспоминание»³⁰⁸.

Травмирующий опыт прошлого приводит к тому, что мужчина бессознательно пытается вытеснить из своего поведения черты, которые были свойственны характеру его матери – решительной, властной и непреклонной. В свою очередь, Анна, привыкшая к обману, постоянно пытается докопаться до правды, пытается найти обман там, где его нет. В результате она часто

---

³⁰⁶ Шлинк, Б. Летние обманы. С. 72.

³⁰⁷ Там же. С. 61.

³⁰⁸ Там же. С. 56.

кажется герою «слишком заносчивой»³⁰⁹. Он общается с ней с ощущением, что «женщине нельзя противоречить»³¹⁰.

Психологическая пагубность таких отношений приводит к тому, что герой завязывает дружеские отношения с другой женщиной, полной противоположностью Анны. Тереза живёт во Франкфурте, и с ней главный герой иногда встречается, ходит в кино и театр. Тереза ничего не требует от него, лишь радуется, как и он, их общению. Она – всего лишь приятный собеседник для героя, однако во время очередной ссоры с Анной он выдумывает и озвучивает версию своих отношений на стороне.

Главным вопросом в повествовании становится, таким образом, вопрос о причине этой провокации. Хочет ли герой прекратить свои отношения с Анной, спрятавшись за другой женщиной? Не пытается ли он подсознательно разыграть свой семейный сценарий, в котором он неизменно оказывался виноватым (а если в настоящем «вины» нет, то её следует выдумать)? Не пытается ли он подыграть Анне в её поисках тёмных сторон мужской жизни?

Шлинк спрашивает: может ли быть человек по-настоящему счастлив, пребывая в расщеплённом состоянии между настоящим и прошлым? Важная деталь: персонажи не стремятся связать себя семейными узами, будучи не в состоянии побороть свои детские страхи.

Шлинк довольно часто высвечивает в сюжетах различные стереотипные варианты человеческого понимания счастья. Для большинства его персонажей счастье представляет собой семейную жизнь со всеми её перипетиями. Однако при этом находится тот, кто ставит это счастье под сомнение. Так, для Ирены Гундлах («Женщина на лестнице») семья представлялась клеткой, из которой она «вырвалась». Ирена счастлива в первую очередь ощущением свободы и независимости. Главным делом её жизни становится участие «в самых жгучих событиях современности»³¹¹. Не обладание материальными благами, ценными

---

³⁰⁹ Шлинк, Б. Летние обманы. С. 55.

³¹⁰ Там же. С. 68.

³¹¹ Шлинк, Б. Женщина на лестнице. С. 146.

картинами составляет счастье, а борьба за справедливость, помощь бездомным и обездоленным. Безымянный рассказчик в романе, сравнивая свою жизнь с жизнью Ирены, отмечает то, «как мужественно она прожила свою жизнь» по сравнению с его робким существованием³¹².

О счастье как о важной составляющей человеческой жизни размышляет автор и в трилогии про детектива Зельба. Однако уже в первом романе («Правосудие Зельба», 1987) Шлинк задумался о философском сопоставлении понятий «счастье» и «успех».

Не желая восстанавливаться в должности прокурора, Герхард Зельб после войны открыл частное детективное агентство. Успешной карьере Зельб предпочёл внутреннее спокойствие. Его решение не смогли поколебать ни финансовые неурядицы жизни, ни пример процветающих коллег, друзей, знакомых. Он был счастлив тем, что в любых обстоятельствах мог сохранять свою свободу – в выборе дел, круга общения, образа жизни.

Шлинку важна смысловая антитеза: на фоне суесящихся людей, озабоченных карьерными, политическими, экономическими вопросами, Зельб выглядит очень симпатично, как человек, обретший и внутреннюю гармонию, и гармонию с миром. Зельб на первое место в своей жизни ставит внутренний комфорт и душевное равновесие. Именно это приносит ему счастье.

Противоположностью Зельба оказывается Герберт из романа «Ольга».

Для Герберта успех связан с постоянным движением вперед. Сын землевладельца, он превращается затем в офицера пехотного полка, затем в исследователя дальних земель, вся его деятельность связана с постоянным преодолением себя, с доказыванием, что человек может многое. Он не может усидеть на месте и постоянно куда-то стремится. В отличие от Зельба Герберту не свойственно душевное равновесие. В диалоге с Ольгой, отвечая на её вопрос, хочет ли он стать знаменитым, Герберт говорит: «Я хочу... Я сам не знаю, чего хочу. Я хочу от жизни больше, гораздо больше, чем вот это всё –

---

³¹² Шлинк, Б. Женщина на лестнице. С. 217.

поля, поместье, деревня, и больше, чем Кёнигсберг, Берлин и гвардия... Мне нужно что-то такое, по сравнению с чем всё это мелочь. Мне нужно что-то большее. Или нет, оно не больше. А выше...»³¹³.

Герберт «поставил себе цель стать сверхчеловеком, не давать себе ни покоя, ни отдыха, добиться, чтобы Германия достигла величия, пусть даже если ради этой цели ему придётся быть жестоким к себе самому и другим»³¹⁴.

Политическими успехами Германии в Юго-Западной Африке Герберт гордился как своими собственными. Его целью стало возвеличивание Германии до небывалых высот: выше Франции и Англии. Успех страны он считал и своим успехом. «А потом – уже скоро, это Герберт знал точно, – он совершит что-нибудь великое, вот только не знал пока, что именно»³¹⁵.

Параллельное изображение судеб Герберта и Ольги помогает Шлинку показать относительность понимания счастья. Жизненный путь Ольги чем-то напоминает жизнь Зельба: она не стремится к великим свершениям, удовлетворяясь частными сферами существования. Она считала счастьем, если «видела, что кого-то из мальчиков поспособнее можно подготовить к поступлению в гимназию, а кого-то из девочек к женской гимназии в Тильзите, и иногда ей удавалось сломить сопротивление родителей, упросить пастора написать ходатайство и в итоге добиться бесплатного места в гимназии»³¹⁶. Ольга была довольна тем, что её ученики «усваивали грамоту и счёт, вместе с ней пели “Леса покоем дышат”»³¹⁷.

Если Герберт не удовлетворён тем, что не может полноценно раскрыть себя в качестве путешественника, первооткрывателя большого мира, то Ольга задумывается о неполноте своего существования исключительно по-женски: она хотела бы, чтобы Герберт «занимал большее место в её жизни. Хотела бы, чтобы по средам он тоже пел в церковном хоре, а в воскресенье, когда она

---

³¹³ Шлинк, Б. Ольга. С. 38.

³¹⁴ Там же. С. 47.

³¹⁵ Там же. С. 78.

³¹⁶ Там же. С. 59–60.

³¹⁷ Там же. С. 59.

играла на органе, был бы её калькантом – качал бы воздух в мехи. Хотела бы, чтобы в сентябре он помогал ей устраивать детский праздник в память Эннхен из Тарау и чтобы вместе они радовались, глядя, как хорошо растёт Айк»³¹⁸. Её обижало, что он «живёт своей жизнью, занимается своими делами», и лишь иногда, «выкроив время, маленький отрезок своей жизни проводит с возлюбленной, которая не вхожа ни в его мир, ни в его дела»³¹⁹.

Именно в эти моменты Ольга задаёт своему возлюбленному философские вопросы: «Ты достигнешь полюса или пройдёшь Северным морским путём – а дальше-то что? Что это даст? <...> Ширь? Простор без конца и края? Этого ты ищешь?»³²⁰.

Неужели «успех» в глазах общества означает для Герберта нечто большее, чем их совместное счастье, спрашивает Ольга, невольно разделяя эти понятия. В одном из писем Герберту она размышляет: «Знаю, обывательское прозябание – это не для тебя, я никогда этого и не требовала. <...> тебя не оставляла тоска по дальним странствиям, когда ты был со мной, – но мы были счастливы. Счастье было неровное, как ухабистая дорога, однако оно было настоящее. Наше счастье. И для тебя оно меньше значит, чем красивый жест, ради которого твоя жизнь “оборвётся на взлёте”!»³²¹. Поодиночке можно быть успешным, но не счастливым, считает Ольга.

Возвращаясь к судьбе Зельба, мы можем заметить, что Шлинк дал своему герою спутницу жизни. И, несмотря на то, что Зельб совершает ряд поступков, имеющих серьёзные общественные последствия, счастье он испытывает не только от удачной реализации своих замыслов, но и от вполне бытовых вещей: оттого, что находит общий язык с сыном возлюбленной, оттого, что работа не занимает всё его время и выходные он может проводить с близкими людьми и т. п.

---

³¹⁸ Шлинк, Б. Ольга. С. 86.

³¹⁹ Там же. С. 87.

³²⁰ Там же. С. 91.

³²¹ Там же. С. 232.

В целом, Шлинка стремится показать, что понятие счастья многогранно, что оно включает в себя разные составляющие: счастье в семье и в личных отношениях, успех и радость от взаимодействия с другими людьми. Он не утверждает, что личное счастье лучше удовлетворения от карьерных успехов или что успешная карьера важнее семейного благополучия³²². Авторская позиция заключается в том, что настоящее счастье не может быть сводимо к чему-то одному³²³. Человек должен осознавать отрицательную ценность шаблонных представлений о жизни. Таким образом, размышления о счастье и успехе частично формируют авторскую картину мира Шлинки.

§ 3. Человек перед лицом представителей другого поколения

Проблемной прозе Шлинки свойственно вплетение в один сюжет персонажей, имеющих разные социальные статусы, религиозные и гендерные представления, иные философские суждения. Мы легко обнаруживаем столкновение определённых взглядов на важные общественные и политические события, происходившие в немецкой истории. Эти столкновения вызваны гендерными, социальными, культурно-религиозными обстоятельствами, определяющими поведение представителей разных поколений.

Ситуация, в которой персонаж подвергается «суду» представителями другого поколения, типична для произведений Шлинки. Она позволяет высветить исторические перемены, произошедшие в общественном сознании, показать относительность мифологических представлений во временном отношении и их обусловленность средой и условиями возникновения. Мифы и стереотипы, бытующие в сознании «отцов», не всегда актуализируются в

---

³²² См., напр., «Дом в лесу»: героиня, с головой ушедшая в писательскую карьеру, рискует потерять семью.

³²³ См., напр., «Возвращение»: пример семейного счастья, не связанного с отказом от общественной жизни, мы видим в существовании дедушки и бабушки рассказчика.

сознании «детей», или же они могут получать иную трактовку, или же могут выступать в качестве объекта для опровержения.

Осмысление проблемы взаимного непонимания «отцов» и «детей» стало общим местом в послевоенной немецкой литературе. Чаще всего она связывалась с проблемой «непреодоленного прошлого». Об этом шла речь в романах «Бильярд в половине десятого» (1959) Г. Бёлля, «Урок немецкого» (1968) и «Живой пример» (1973) З. Ленца, «Траектория краба» (2002) Г. Грасса и др.

В русло этой традиции встраивается и Шлинк с романом «Возвращение» (2006). Петер Дебауер, главный герой романа, не знает своего отца. Мать персонажа ничего не рассказывала сыну, в доме не было его фотографий. Они беседовали о многих вещах, порой очень сложных, однако темы, касавшиеся отца, всегда были под запретом. От бабушки с дедушкой Петер лишь слышал, что его отец «отправился на войну как сотрудник швейцарского Красного Креста и погиб. Не вернулся с войны, пал, пропал без вести»³²⁴.

В подростковом возрасте Петер Дебауер случайно заинтересовался одним романом, в котором речь шла о возвращении немецкого солдата домой из русского плена. К сожалению, у книги не было обложки и части страниц, поэтому главный герой не узнал имени автора.

Позже ему удалось отождествить фигуру неизвестного автора с личностью одиозного нацистского пропагандиста Фолькера Фонландера, по окончании войны переименовавшего в советской оккупационной зоне своё имя на другое – Шоллер. Зацепкой стало то, что тексты как бы разных авторов объединял общий стиль: идентично тому, как Фонландер воспевал жизнь в гитлеровской Германии, «Шоллер» восторгался новыми временами, «следуя линии, заданной майором Советской военной администрации, <...> хваля вещи, заслуживающие порицания, и порицая те, что заслуживали похвалы, и

---

³²⁴ Шлинк, Б. Возвращение. С. 26.

попутно восхваляя власть, которой он служил, и возводя её в высший этический принцип»³²⁵.

Уже в этот момент главный герой задумывается о мифологии прошлого и о возможности однозначного разделения живших в те времена людей на пособников нацистов и борцов с ними. Он не понимает, каким образом Фонландер так легко превратился в Шоллера и искренне (?) начал служить новой власти.

В последующем главному герою, уже редактору издательства, попадает на глаза английская книга, которую планируется перевести и издать в Германии. Познакомившись с текстом, главный герой по его стилистическим особенностям понимает, что перед ним всё тот же автор, ранее именовавший себя Шоллером или Фонландером. Ситуация осложняется тем, что фамилия американского автора на обложке поразительным образом напоминает его собственную, отличие лишь в том, что «Дебауер» написано в два слова – «де Баур». Заинтересовавшись, рассказчик отправляется в США, желая познакомиться с автором.

Уже здесь читатель предугадывает, что тот человек с тремя именами и есть отец главного героя. Однако Шлинк не погружается в темы «непреодоленного прошлого», «вины» поколения «отцов» перед поколением «детей», а сосредоточивает своё внимание на психологических переживаниях персонажей. Всё время Петер Дебауер жил с мифом об отце в своём сознании, которые создали для него бабушка и дедушка. «Я не знал своего отца, – говорит он, – но он мне был всегда интересен, – интересен как мальчик в шапочке из бумаги и с лошадкой на палочке, интересен как юноша в костюме с брюками-гольф, интересен как искатель приключений, которому не сиделось дома, а тянуло в чужие края, интересен как ловкий ухажёр, который вскружил голову моей чопорной матери, и мне нравилось быть его сыном, нравилось, что он мой отец, не тайный отец, а отец официально признанный. Он был

---

³²⁵ Шлинк, Б. Возвращение. С. 230–231.

частью меня. А значит, фамилия у нас должна быть одна и та же»³²⁶. Однако при личной встрече перед ним оказался «вовсе не фантом, а пожилой мужчина в синей рубашке...»³²⁷. Петер «поразился, увидев его во плоти. Он был некой идеей, конструкцией, составленной из историй», которые рассказывали дедушка и бабушка, и из мыслей, содержащихся в его публикациях³²⁸.

Уже узнаваемым для Шлинк образом его герой погружается в пучину мучительных вопросов. Кто его отец на самом деле? Почему он бросил мать и оставил сына? Кому он служил искренне – нацистам в Третьем рейхе, коммунистам в Восточной Германии или демократическому обществу США?

Прежний миф об отце рушится на глазах. Теперь перед Петером уже пожилой мужчина, уже успешный преподаватель Колумбийского университета, уже юрист «слишком революционных взглядов»³²⁹. Единственное, что объединяет пожилого Джона де Баура с молодым Иоганном Дебауером, – он так же жонглирует размышлениями и шаблонными фразами о «понятиях реальности», о роли «преступника, жертвы и современника», о проблеме «вины и ответственности»³³⁰.

Встретившись с отцом, Петер Дебауер вынужден осознать несовпадение выученных однажды мифологических представлений о прошлом и реальных знаний о случившемся. Петеру был симпатичен герой того самого прочитанного романа, автора которого он долгое время не знал. Однако, установив его авторство, Петер начал испытывать неприязнь к персонажу. Шлинк обращает внимание на психологическую составляющую всей истории. Да, конечно, Петеру, представителю поколения «сыновей», сложно объективно оценить поступки поколения «отцов». Об этом Шлинк писал ещё в романе «Чтец». Однако в «Возвращении», созданном более чем десятью годами позже, автор выводит более решительного в суждениях героя-

---

³²⁶ Шлинк, Б. Возвращение. С. 211.

³²⁷ Там же. С. 242.

³²⁸ Там же.

³²⁹ Там же. С. 220.

³³⁰ Там же. С. 230.

рассказчика. Мы видим, что Петер откровенно «не любил своего отца», ему «не нравилась его теория, которая освобождала от любой ответственности: от ответственности за то, что он написал, и за то, что он сделал»³³¹. Восхищение же тем, как отец «прожил целую жизнь, всегда оказываясь в гуще событий»³³², его игривой лёгкостью жизни имело лишь нейтральный оттенок, никак не связанный с конкретными историческими обстоятельствами³³³.

Продолжая немецкую литературную традицию размышлений о прошлом, Шлинк вносит в неё новые нюансы. Его размышления касаются уже не столько известной проблемы «преодоления прошлого», сколько вообще разницы суждений о жизни у представителей разных поколений. Главной причиной осуждения отца со стороны Петера Дебауера является не нацистское прошлое и не беспринципное приспособленчество того, а детская обида на отца, который бросил семью. Именно это обстоятельство переводит размышления Шлинка в общефилософскую плоскость. Могут ли «дети» быть уверены в своих суждениях, когда принимают или осуждают деяния «отцов»? До конца ли они постигают истинные мотивы их поступков? Могут ли так же прочувствовать то, что чувствовали они? Петер признаёт: «Однако я понимаю, что тоскую не по Иоганну Дебауеру и не по Джону де Бауру. Я тоскую по тому образу, который я нарисовал себе, по придуманному мной отцу, который стал дорог моему сердцу»³³⁴. Иными словами, не придумываем ли мы себе наших предков? Что является эмпирической базой наших воспоминаний и последующих умозаключений?

Размышления о поколениях и о мифах, связанных с ними, Шлинк продолжил в романе «Три дня». Романы «Три дня» и «Возвращение» имеют определённую общность. В обоих раскрывается тема суда над поколением «отцов» за прошлые преступления.

---

³³¹ Шлинк, Б. Возвращение. С. 231.

³³² Там же.

³³³ В отличие от деятельного отца сам рассказчик постоянно оставался в стороне от больших исторических событий, например, объединение Германии он «встретил лёжа в постели с высокой температурой» (Там же. С. 168).

³³⁴ Там же. С. 317.

Шлинк повествует о выходе на свободу после 24 лет заключения немецкого террориста, одного из бывших лидеров ультралевой экстремистской организации «Фракция Красной Армии»³³⁵. Главный герой Йорг проводит первые три дня в окружении бывших единомышленников, стремящихся помочь ему адаптироваться к новой жизни. События разворачиваются в загородном доме его сестры.

Йорг, получивший пожизненный тюремный срок за похищения людей, убийства высокопоставленных чиновников, а также попытки вызволить из тюрьмы товарищей-террористов, выйдя на свободу, продолжает отстаивать свои убеждения, утверждая, что он боролся с бывшими нацистами, стоявшими у политического руля уже новой Германии в 1960-е гг.

Он – ровесник Петеру из романа «Возвращение». Однако, в отличие от Петера, который «слишком охотно оставался сидеть в зале ожидания истории»³³⁶, Йорг не ограничивался наблюдением за событиями, анализом происходящего. Для Йорга борьба за справедливость и была жизнью – со всеми её сложностями и проблемами. Без борьбы его жизнь не имела бы смысла.

Находясь в тюрьме, он остался идейно верен своей борьбе с бывшими нацистами. Йорг не только не признаёт своей вины, подавая прошения об освобождении, но с уверенностью расценивает свои поступки как правомерные, утверждая: «Я не молю о пощаде. Я воевал с этим государством, и оно воевало со мной, так что мы с ним квиты и никто никому ничем не обязан»³³⁷. В его сознании продолжает функционировать сложившийся миф о фашизме как вселенском зле.

Анализируя размышления персонажа, автор противопоставляет им точку зрения представителя другого поколения. Фердинанд, сын Йорга, упрекает отца в том, что тот поступал с бывшими нацистами так же, как те

---

³³⁵ Организация РАФ почти три десятилетия вела с государством «городскую партизанскую войну».

³³⁶ Шлинк, Б. Возвращение. С. 231.

³³⁷ Шлинк, Б. Три дня. СПб. : Азбука СПб, 2010. С. 15.

обращались со своими жертвами. Вопрос о «правильности» такого суда и возникает у сына.

Безусловно, состоявшаяся неожиданная встреча между отцом-террористом и его сыном носила эмоциональный характер и была наполнена обвинениями и упрёками со стороны Фердинанда. Молодой человек взволнованно говорил о поступках Йорга и не боялся сравнивать его с нацистами, а его «городскую войну» – со Второй мировой войной. Главный упрёк Фердинанда сводился к отсутствию раскаяния в душе отца: отбыв тюремный срок, он даже «не понял, что натворил»³³⁸.

Обвиняя отца в преступлениях, совершённых над бывшими нацистами, Фердинанд рассуждает в ключе знаменитого «спора историков» (*Historikerstreit*), разгоревшегося в Германии в 1986 г. Одна группа немцев во главе со знаменитым историком Ю. Хабермасом считала, что Германии необходимо преодолеть нацистское прошлое, однако нужно возложить ответственность за преступления нацизма и на потомков, по мнению учёного, нужно помнить о том, что преступления нацизма были беспрецедентны. Вторая группа учёных-историков во главе с Э. Нольтом считала недопустимым унижение национального величия и призывала не вспоминать ошибки прошлого. Обе группы отстаивали свою точку зрения и опровергали мнение оппонентов, а новую волну обсуждений вызвало появление книги американского политолога Д. Гольдхагена «Добровольные подручные Гитлера» (1996). Исходное положение книги заключалось в том, что Холокост был «не только делом рук нацистских вождей, для его осуществления требовалась широкая сеть пособников и исполнителей»³³⁹. По мнению американского политолога, главным мотивом Холокоста стала готовность большинства рядовых немцев не только терпеть, но и участвовать в

---

³³⁸ Шлинк, Б. Три дня. С. 164.

³³⁹ Кауганов, Е. Л. «Спор Гольдхагена» : реактуализация проблемы вины в контексте национальной идентичности ФРГ в 1990-е годы // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2015. № 4 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spor-goldhagena-reaktualizatsiya-problemy-viny-v-kontekste-natsionalnoy-identichnosti-frg-v-1990-e-gody> (дата обращения: 30.03.2021).

преступлениях над евреями. Такое проявление Д. Гольдхаген назвал элиминаторным антисемитизмом³⁴⁰. Таким образом, книга «Добровольные подручные Гитлера» стала логичным продолжением знаменитого «спора историков». Многие немецкие учёные упрекали Гольдхагена в упрощении истории, в абсолютизации немецкой коллективной вины и демонизации немецкой нации³⁴¹. Несмотря на амбивалентную оценку немецких историков, книга Гольдхагена получила большой резонанс в немецком обществе. Возвращаясь к размышлениям Фердинанда, необходимо отметить его безоговорочное стремление записать отца в продолжателя нацистских преступлений. Йорг борется нацистскими же методами против бывших нацистов. Шлинк словно спрашивает, не означает ли это неизживаемости нацистской идеологии в сознании последующих поколений? Но наряду с остро идеологическими размышлениями роману свойственен и психологический аспект.

Точка зрения самого автора более всего выражена в словах и размышлениях Фердинанда. С присущей ему психологической точностью Шлинк показывает, что юношей прежде всего движет личная обида на отца. «Вы думаете, он написал нам, когда мама покончила с собой? – риторически спрашивает Фердинанд у товарищей отца. – Или поздравил меня с окончанием школы? Или с поступлением в университет? Думаете, я получил хоть одно письмо от отца?»³⁴². Чувствуя свою вину, Йорг отгораживается «упрямым молчанием», а Фердинанд находит психологическое облегчение «в яростном обличительстве»³⁴³. Однако при этом он пытается не только обвинять, но и пытается понять, почему одно поколение повторяет ошибки другого. В его глазах Йорг, борец с нацизмом, оказывается трагически похож на самих нацистов.

---

³⁴⁰ Рулинский, В. В. Преодоление нацистского прошлого в ФРГ. Феномен Гольдхагена // Современная Европа. 2016. № 5 (71). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/preodolenie-natsistskogo-proshlogo-v-frg-fenomen-goldhagena> (дата обращения: 30.03.2021).

³⁴¹ Кауганов, Е. Л. Указ. соч.

³⁴² Шлинк, Б. Три дня. С. 165.

³⁴³ Там же. С. 165.

Можно уловить определённую смысловую связь между размышлениями Шлинка и идеями романа Бёлля «Бильярд в половине десятого» (1959), в котором о нацистском прошлом размышляют также представители разных поколений и где также сопоставляются две формы реакции на проявление преступной идеологии – действие и бездействие. Ещё Бёлль вывел фигуру Иоганны Фемель, нашедшей свой, радикальный, способ отмщения тем, кто принял «причастие буйвола» (и был ответственен за смерть её сына). В этом смысле шлинковский Йорг так же примеряет на себя роль мстителя и судьи. В романе Бёлля «внуки» должны определить своё отношение к событиям прошлого: так, Йозеф и Рут попадают в ситуацию символического выбора – восстанавливать ли аббатство, построенное дедом и взорванное отцом. И у Шлинка возникает похожая коллизия: представитель поколения «внуков» пытается оценить деяния «дедов» и понять мотивы поступков «отцов».

Вначале в тексте возникают вопросы, касающиеся только межличностных отношений: «К чему же это приведёт? Что делать им обоим? Что нам делать?» – думает один из прежних товарищей отца³⁴⁴. Однако затем выясняется, что Фердинанд, обвиняя отца, разрушает ни много ни мало устойчивый миф, созданный предыдущим поколением. Самопрезентация Йорга и его товарищей как борцов с фашизмом фальшива, потому что из неё удалялись многие неудобные факты. Обратим внимание на диалог из главы «Суббота» (часть 13):

«Фердинанд по-прежнему смотрел на Йорга с выражением крайнего презрения:

– Я не верю ни одному твоему слову. Все, что тебе неудобно, ты выбрасываешь из памяти и придумываешь то, что хотел бы в ней держать. Очевидно, в убийстве председателя ты сыграл такую омерзительную роль, что не смог вынести этих воспоминаний. <...>

---

³⁴⁴ Шлинк, Б. Три дня. С. 165.

Фердинанд прервал свою речь; ему не хотелось произносить, кто такой его отец. Не захотел назвать его скотиной? Не захотел говорить о людях так, как говорил о них его отец?»³⁴⁵.

Таким образом, читатель оказывается перед необходимостью ответить на сложный вопрос: осуждая поколение «отцов», не делали ли «дети» всё то же, что они осуждали у своих предшественников? Не поступал ли Йорг в 1960-е гг. точно так же, как нацисты в 1930–1940-е гг.? Имел ли он право распоряжаться жизнью других людей? А кроме того, не он ли сам и ему подобные создавали очередной миф – о себе как о борцах с неонацистами?

Шлинк вновь подталкивает читателя к размышлению: а имеют ли «дети» право осуждать своих «отцов»?³⁴⁶ А всегда ли они способны осознавать сложность того времени, в котором жили «отцы»? Имеют ли «дети» право определять критерии «хорошо»/«плохо» для оценки прошлого?³⁴⁷.

Тема «отцов» и «детей» присутствует в произведениях Шлинка и сама по себе, вне связи с темой нацизма. В этих историях автора больше интересуют психологические нюансы взаимоотношений разных поколений. Так, на одну и ту же ситуацию – например, взаимного непонимания – он может взглядывать с разных сторон.

Повествование от лица сына мы можем найти в рассказе «Бах на острове Рюген». Его отношения с отцом, человеком преклонного возраста, пусты, лишены сильных чувств и эмоций. Сколько помнит себя герой, так было всегда, его родители скупались на нежности и ласки. Вероятно, потому что отец «вырос в те времена, когда еще не стали обычным житейским делом откровенные излияния у психоаналитика, психотерапевта»³⁴⁸. Сложившуюся

---

³⁴⁵ Шлинк, Б. Три дня. С. 166.

³⁴⁶ См., напр., что думает о разыгравшемся споре бывший соратник Йорга: «Какой ужас! – подумал Хеннер. – Сын взялся судить родного отца! Правый сын и неправый отец. Сын, который находит прибежище в яростном обличительстве, и отец, отгородившийся упрямым молчанием. Сын, не желающий признавать, как ему горько, и отец, не желающий показать свою беспомощность. К чему же это приведет? Что делать им обоим? Что нам делать?» (Там же. С. 165).

³⁴⁷ В определённом смысле Шлинк развивает здесь мысль Г. Грасса, прозвучавшую в главе «1956» его книги «Моё столетие». Там герой Грасса цитировал стихотворные строки: «Вы, кто вынырнет вновь из потока, // В котором мы пошли ко дну. // Не забывайте, // О наших слабостях рассуждая, // Про темное время, // Которого вы избежали.» (Грасс, Г. Моё столетие. С. 164–165).

³⁴⁸ Шлинк, Б. Летние обманы. С. 234.

ситуацию рассказчик переводит в широкое обобщение: «Отцам было неважно смотреть, как рушилось всё, ради чего они прожили жизнь, а дети бунтовали, так как старики не давали им никакой возможности по-своему и лучше устроить жизнь»³⁴⁹. От отца он постоянно получал упрёки: «опыта не набрался, и самонадеянный, и в грош не ставит любой авторитет, и об ответственности не имеет ни малейшего понятия»³⁵⁰.

Персонаж страдает от разрыва эмоциональной связи между «отцами» и «детьми». Именно поэтому в тексте множатся вопросы: «Ну поговори же со мной! <...> Ты не хочешь, чтобы мы тебя понимали? Чтобы узнали, что для тебя важнее всего и почему это так важно? Неужели ты не видишь, как мы от тебя далеки? <...> Что же мне останется после тебя? <...> А какой в этом смысл?»³⁵¹.

Эти слова звучат как крик о помощи. Главный персонаж стремится сократить дистанцию, хоть немного приблизиться к отцу, однако ни совместная любовь к Баху, ни поездка на фестиваль его музыки не раскрывают отцовских объятий.

В рассказе «Сын» из сборника «Другой мужчина» тема «отцов и детей» анализируется с другого ракурса. Главным героем здесь выступает пожилой отец, который по неясной причине отдалился от сына. До конца непонятно, послужил ли причиной его отдаления развод с женой или он всегда испытывал тягость общения со своим ребенком – из-за нежелания менять свою жизнь и подстраиваться под чужие интересы. Его встречи с сыном всегда носили формальный характер, а телефонные разговоры получались сухими и натянутыми.

Автор обращает внимание на удивительное нежелание отца сделать что-либо, что сблизило бы его с сыном. И тогда читатель начинает понимать невысказанный авторский вопрос: каким образом поколение «детей» может

---

³⁴⁹ Шлинк, Б. Летние обманы. С. 218.

³⁵⁰ Там же. С. 218.

³⁵¹ Там же. С. 237.

понять позицию, взгляды «отцов», если те молчат? Не в этом ли корень многих недоразумений между ними? Всю жизнь отец испытывал тягостное чувство вины перед сыном, поэтому даже не носил с собой его фотографии, «потому что это напоминало бы ему про должок перед сыном, <...> которого воспитывала мать, а он сам видел его чрезвычайно редко. Он должен был ему отца»³⁵².

Таким образом, независимо от того, идёт ли речь (в сюжетном отношении) о временах нацизма, о моментах непонимания между поколениями, о прошлой или настоящей любви и т. п., типичным шлинковским героем оказывается человек размышляющий. В этом видится отсылка к традициям «интеллектуального романа». Вслед за Т. Манном и Г. Гессе, вслед за Г. Грассом, который в своих произведениях развивал «идеи просвещения, идеи воспитания и самовоспитания человека, художника, гражданина»³⁵³, Шлинк исследует поиски человеком самого себя, своего места в социуме. Сюжеты шлинковских повествований основаны на непростом выборе относительно какого-либо общественного вопроса или личной позиции «за» или «против». Размышления о поколениях и об устойчивых мифах, с ними связанных, формируют проблематику произведений Шлинка. Героям свойственно аналитически подходить к восприятию важных исторических, политических, общественных, социальных и иных проблем. При этом автор не навязывает читателю конкретную точку зрения, а, представляя по возможности полную картину происходящего, очищенную от устойчивых мифологических наслоений, побуждает к самостоятельным размышлениям.

---

³⁵² Шлинк, Б. Другой мужчина. С. 217.

³⁵³ Хлебников, Б. Феномен Грасса // Иностранная литература. 2007. № 1. URL: <https://magazines.gorky.media/> (дата обращения: 02.02.2020).

Заключение

Произведения Шлинка занимают в современной немецкой литературе важное место. Всемирная известность пришла к писателю в 1995 г. после публикации романа «Чтец»³⁵⁴. С того момента его книги всегда находились в поле зрения критиков, вокруг них велись споры. Популярность произведениям Шлинка обеспечивает его умение откликаться на важнейшие проблемные вопросы истории и современности.

Шлинка интересуют, как правило, переломные моменты, оказавшие огромное влияние на культурно-историческое развитие Германии. Будучи внимательным наблюдателем происходящего, он подмечает, что политические, культурные и социальные трансформации в немецком обществе сопрягаются со множеством мифов. Отображение мифологических представлений было свойственно немецкой литературе и до XX–XXI вв. В особенности заметен этот процесс был в прошлом столетии (см. произведения и работы Г. Манна и Т. Манна, О. Шпенглера, Э. Блоха, Г. Бёлля, Г. Грасса, К. Вольф и др.). Произведения Шлинка на этом фоне выглядят часто неким подытоживанием написанного другими немецкими авторами, что не должно вводить читателя в заблуждение. Обращаясь к важнейшим для себя темам прошлого, родины и любви (их выделяет сам писатель в книге *Gedanken über das Schreiben*), Шлинка всегда выступает в роли внимательного аналитика, подвергающего дополнительному исследованию общеизвестные истины.

Тематически его произведения связаны с важнейшими историческими и культурными событиями в Германии с конца XIX по рубеж XX–XXI вв. Шлинка интересуют мифы, которые складывались в общественном сознании на протяжении более чем ста лет, начиная ещё со времён Бисмарка. Исследуя их, писатель задумывается о влиянии тех или иных мифологических

---

³⁵⁴ Роман «Чтец» включён в Германии в обязательную школьную программу по литературе.

представлений на настоящее и будущее немецкого общества, на сознание немецкого народа.

В произведениях Шлинка в качестве важнейших культурно-исторических событий, повлиявших на немецкое общественное сознание, следует назвать *заяятие Бисмарком ключевого поста в Прусском королевстве и создание им Германской империи, объединение германских государств, борьбу Германии за своё место «под солнцем», установление в Германии нацистской диктатуры, поражение страны в двух мировых войнах, «немецкое экономическое чудо», разделение Германии на ФРГ и ГДР и их последующее объединение.* Для Шлинка как автора характерно стремление раскрыть устойчивый процесс мифологизации отдельных политических персоналий, характерного для всего немецкого общественного сознания. Шлинка стремится понять, с чем было связано принятие немецким обществом таких политических фигур, как Бисмарк или Гитлер. Он исследует живучесть определённых мифов, сформировавшихся в немецком социуме ещё в конце XIX в. Так, например, миф о Бисмарке и мифы о временах нацизма анализируются писателем в романе «Ольга» и в трилогии про детектива Зельба.

Осмысление автором событий прошлого позволяет по-иному посмотреть на происходящее в настоящем. Жизненные истории некоторых его персонажей являются некой иллюстрацией философских размышлений супругов Мичерлих, уличивших всю немецкую нацию в сознательном замалчивании непростого немецкого прошлого и в попытке вычеркнуть его из памяти. Это обстоятельство подчёркивает аналитическую работу авторского сознания.

Вспоминая те или иные мифы, бытующие в общественном сознании, Шлинка не просто анализирует истоки и причины их зарождения, но и размышляет об их влиянии на своего современника, об опасности возвращения прежних мифов, которые однажды уже оказали губительное влияние на нацию и страну. Об этом Шлинка пишет, например, в романах

«Возвращение», «Ольга». В знаменитом романе «Чтец» Шлинка отводит Михаэлю Бергу роль «мыслителя», его герой олицетворяет собой всё послевоенное поколение «детей», сформировавшее миф о вине их «отцов». Мысли Михаэля Берга закономерно занимают в повествовании больший объём по сравнению с самим действием. Данное композиционное построение акцентирует внимание на важности аналитического начала в произведении. Шлинка, как и другие, указывает на невозможность забыть прошлое, однако Михаэля Берга не оставляет в покое миф о коллективной вине предыдущего поколения. Герой приходит к выводу, что нельзя всех представителей старшего поколения считать виновными в преступлениях нацизма, и даже если вина кого-то из них несомненна, как Ханны, нужно учитывать многие сопутствующие обстоятельства.

Однако Шлинка интересуют не только мифы в общественном сознании, генетически связанные с временами до 1945 г., но и те, что появились позже. Так, в романе «Обман Зельба» речь заходит о «немецком экономическом чуде». Не отрицая положительных сторон этого феномена, писатель обращает внимание на развитие психологии потребительства у целого поколения, что, в свою очередь, стало причиной замалчивания определённых сторон немецкого прошлого. Кроме того, Шлинка честно пишет о том, что «немецкое экономическое чудо» спровоцировало в стране и многие экологические и техногенные проблемы.

Художественная манера Шлинки тесно связана с реалистическим методом в литературе. В прозе Шлинки угадывается опыт лучших образцов немецкой классической литературы XIX в. – произведений В. Раабе, Г. Келлера, Т. Фонтане и др. Во многом от них идёт психологизм повествования Шлинки, а также его стремление изображать внутренний мир человека, стоящего перед выбором (Михаэль Берг в романе «Чтец», Ольга в одноимённом произведении и т. д.). С немецкой классической литературой связаны и элементы романа воспитания, и панорамность изображения

немецкой истории в названных произведениях, что формирует особый художественный стиль Шлинка.

Во многом из классической литературы Шлинк заимствует и тип так называемого «проблемного героя». Его персонажи постоянно оказываются на распутье, им приходится совершать непростой выбор. К числу таких относятся Михаэль Берг в «Чтеце», детектив Зельб в трилогии его имени, Петер Дебауер в «Возвращении», Георг Польшгер в «Гордиеве узле», Анди в «Обрезании» и др. Этот выбор может быть связан с решением морального, политического, религиозного или иного характера.

Героев, оказавшихся перед необходимостью выбирать, мы часто видим и в тех произведениях, где речь идёт о немецком Отечестве. Учитывая исторические обстоятельства формирования единой Германии как государства, Шлинк обозначает несколько важных вопросов, которые достаточно тесно связаны с областью мифов. Его как писателя интересует зависимость ощущения родины от географических или политических границ, от самосознания индивидуума. Он исследует, что влияет на ощущение родины внутри личности. Часто Шлинк противопоставляет традиционное понимание родины, связанное с классическим образом Германии – страны Гёте, Лютера и Баха, и понимание родины «современное», рождённое реалиями XX–XXI вв. – глобализацией политики, экономики, культурных потоков и т. п. При этом Шлинк ни в коем случае не ведёт речь о закате традиционной немецкой культуры. Конфликтные ситуации, в которых оказываются его персонажи, позволяют им проявлять многие «традиционные» качества немецкого характера, демонстрировать «немецкий» взгляд на жизнь. Однако при этом Шлинк задумывается о трансформации подобных качеств, вызванной и исчезновением прежних мифов в общественном сознании, на которых воспитывались его герои, и появлением новых представлений о жизни. В целом же, по Шлинку, и на рубеже XX–XXI вв. немец находится в поиске своего «Отечества».

Исторические обстоятельства обусловили важность для немецкого сознания XX в. темы Америки. В переломные периоды немецкой истории именно Америка помогла немцам сохранить собственную идентичность. Судьбы Б. Брехта, Э. Людвиг, Г. Манна, Т. Манна и др. являются наглядной иллюстрацией того, как находясь в изгнании, можно сохранить любовь к родине. Герои Шлинка остаются немцами и за пределами страны. Нахождение в Америке не вызывает в душе персонажей отказа от немецкой культуры и истории. Некоторые из них, поверив мифу об Америке как «земле обетованной», с лёгкостью и по собственному желанию меняют место жительства и переезжают из Германии в Америку. Однако другие, гонимые ностальгией, после эмиграции возвращаются снова на Родину (романы «Гордиев узел», «Возвращение», «Правосудие Зельба»). Шлинка не ставит перед собой задачу точно передать исторические события, он стремится проанализировать мифологические представления о лучшей и худшей жизни в сознании человека.

Типичным для Шлинка подходом в изображении исторических событий, связанных с разделением страны на западную и восточную части, оказывается аналитический подход. Оценочные суждения его персонажей, особенности конфликтов в произведениях, пейзажные характеристики помогают автору размышлять о формировании разных моделей общества и общественной психологии в ФРГ и ГДР. Являясь «западногерманским» писателем, Шлинка ни в одном из произведений не позволял себе уничижительных оценок по отношению к Восточной Германии. Он исследует опять-таки мифологические установки в сознании немцев, связанные с политическими и культурно-историческими реалиями и заставляющими, например, одних критиковать «общество потребителей» в ФРГ, а других – жизнь в «Зоне» (т. е. в ГДР). Поведение персонажей Шлинка демонстрирует перекочёвывание многих прежних мифов в общественную сферу объединённой Германии. Некоторые персонажи Шлинка размышляют не столько об объединении, сколько о «поглощении» Восточной Германии Западной. Взгляд писателя направлен на

психологическую неподготовленность немцев обеих сторон к воссоединению. Шлинк указывает на неожиданность данного события и зачастую на неверную интерпретацию произошедшего. Вместе с тем писателю удаётся отметить изменения в отношении западных немцев к восточным и трансформацию в облике и поведении восточных немцев после объединения.

В этом видится глубокая аналитическая работа авторского сознания, учитывающего различные социально-политические, культурно-исторические обстоятельства германской жизни, происходившие на протяжении длительного периода (начиная со второй половины XIX в. и заканчивая концом XX в.).

Хотя тематика произведений Шлинка связана с непростым немецким прошлым и способами его преодоления, но Шлинка, как писателя и чуткого психолога, интересуют и собственно человеческие переживания и судьбы. Аналитический взгляд писателя устремлён на человека в поисках любви, своего счастья и определённого места в социуме. Главным в повествовании Шлинка является не динамичность сюжета, а психологические моменты поведения персонажей, обусловленные социальными, религиозными, гендерными мифами в их сознании. В этих частных историях Шлинк также не навязывает читателю своё авторское видение счастливого и правильного мира, его волнует способность человека к самостоятельному мышлению, его умение где-то выйти за рамки общественных установок.

Характерным художественным проявлением автора служит не навешивание ярлыков, а утверждение важности трудной и долгой работы по осмыслению деликатных эпизодов национального прошлого, обозначение значимости осмысления устойчивых социальных, культурных, религиозных стереотипов, влияющих на ход жизни современного немца, психологическая адаптация к условиям в изменяющемся мире. Узнаваемыми приёмами в повествовании являются литературные реминисценции, ретроспективный взгляд персонажей в собственное прошлое, параллельное повествование о

судьбах героев, как-либо связанных друг с другом, что позволяет автору придавать произведениям надвременной характер.

Однако стоит отметить, что в немецкой и русской литературной критике сложился образ Шлинка как автора одного произведения (роман «Чтец»). Успех «Чтеца» несколько негативно сказался на восприятии читательской аудиторией других не менее интересных, по-своему философски глубоких произведений.

В этом отношении несомненную перспективу может представить, например, обращение к отдельным темам, раскрытым или обозначенным писателем в других романах и рассказах, без сопоставления и отсылки к роману «Чтец».

Список литературы

I

Художественные произведения

1. Ауэрбах, Б. Деревенские рассказы [Текст] : пер. с нем. / Б. Ауэрбах ; предисл. И. Волевич ; ил.: Л. Кравченко. – М. : Художественная литература, 1967. – 439 с.
2. Бёлль, Г. Бильярд в половине десятого [Текст] / Г. Бёлль. – М. : Эксклюзивная классика (АСТ), 2010. – 360 с.
3. Бёлль, Г. Глазами клоуна [Текст] / Г. Бёлль ; пер. Р. Я. Райт-Ковалёва. – М. : Зарубежная классика (АСТ), 2016. – 352 с.
4. Бодрожич, М. Ни утром, ни ночью [Текст] / М. Бодрожич // Минуя границы. Писатели из Восточной и Западной Германии вспоминают. – М. : Текст, 2009. – 288 с.
5. Бруссиг, Т. Солнечная аллея [Текст] / Т. Бруссиг. – М. : СЛОВО / SLOVO, 2004. – С. 8.
6. Вольф, К. Кассандра. Медя [Текст] / К. Вольф. – М. : АСТ, 2014. – 352 с.
7. Гейне, Г. Германия. Зимняя сказка [Текст] / Г. Гейне. – М. : Текст, 2015. – 256 с.
8. Грасс, Г. Моё столетие [Текст] / Г. Грасс. – СПб. : Амфора. ТИД Амфора, 2013. – 351 с.
9. Грасс, Г. Продолжение следует [Текст] / Г. Грасс. – М. : Иностранная литература, 2005. – 9 с.
10. Грасс, Г. Под местным наркозом [Текст] / Г. Грасс. – СПб. : Азбука, 2000. – 320 с.
11. Грасс, Г. Траектория краба [Текст] / Г. Грасс. – М. : АСТ ; Харьков : Фолид, 2004. – 285 с.
12. Зюскинд, П. Германия, климакс [Электронный ресурс] / П. Зюскинд // Иностранная литература. – 1999. – № 6. – URL:

<https://magazines.gorky.media/inostran/1999/6/germaniya-klimaks.html> (дата обращения: 15.03.2019).

13. Крауссер, Х. Сытый мир [Текст] / Х. Крауссер. – СПб. : Амофра, 2004. – 431 с.

14. Ленц, З. Живой пример [Текст] : роман : пер. с нем. / З. Ленц ; [послесл. Ю. Архипова ; пер. И. Каринцевой и др. ; худож. А. С. Зайцев]. – М. : Прогресс, 1977. – 425 с.

15. Ленц, З. Урок немецкого. Запах мирабели [Текст] / З. Ленц. – М. : Терра, 1998. – 544 с.

16. Манн, Г. Верноподданный [Текст] / Г. Манн ; пер. с нем. И. Горкиной. – М. : Правда, 1985. – 362 с.

17. Манн, Т. Волшебная гора [Текст] / Т. Манн. – М. : АСТ, 2004. – 829 с.

18. Манн, Т. Иосиф и его братья [Текст] / Т. Манн. – М. : АСТ, 2010. – 1184 с.

19. Манн, Т. Размышления аполитичного [Текст] / Т. Манн. – М. : АСТ, Neoclassic, 2015. – 544 с.

20. Франк, Ю. Путь через повествование – путь через границу. Приглашение [Текст] // Минуя границы. Писатели из Восточной и Западной Германии вспоминают. – М. : Текст, 2009. – 288 с. – URL: https://www.rulit.me/data/programs/resources/fb2/Grass_Minuya-granicy-Pisateli-iz-Vostochnoy-i-Zapadnoy-Germanii-vspominayut_RuLit_Net_347735.fb2.zip

21. Шиллер, Ф. Драммы, стихотворения [Текст] / Ф. Шиллер. – М. : 1975. – С. 813–814.

22. Шлинк, Б. Возвращение : роман [Текст] / Б. Шлинк ; пер. с нем. А. Белобратова. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – 320 с.

23. Шлинк, Б. Гордиев узел : роман [Текст] / Б. Шлинк ; пер. с нем. Р. Эйвадиса. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – 288 с.

24. Шлинк, Б. Другой мужчина : рассказы [Текст] / Б. Шлинк; пер. с нем. Б. Хлебникова, В. Подминогина. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – 256 с.

25. Шлинка, Б. Женщина на лестнице [Текст] / Б. Шлинка. – СПб. : Азбука СПб, 2015. – 256 с.
26. Шлинка, Б. Летние обманы: рассказы [Текст] // Б. Шлинка ; пер. с нем. И. Стребловой, Г. Снежинской. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – 288 с.
27. Шлинка, Б. Обман Зельба : роман [Текст] / Б. Шлинка ; пер. с нем. Р. Эйвадаса. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. – 320 с.
28. Шлинка, Б. Ольга : роман [Текст] / Б. Шлинка ; пер. с нем. Г. Снежинской. – М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2018. – 304 с.
29. Шлинка, Б. Правосудие Зельба : роман [Текст] / Б. Шлинка ; пер. с нем. Р. Эйвадаса. – СПб. : Азбука, 2010. – 320 с.
30. Шлинка, Б. Прощание Зельба : роман [Текст] / Б. Шлинка ; пер. с нем. Т. Заславской. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. – 256 с.
31. Шлинка, Б. Три дня [Текст] / Б. Шлинка. – СПб. : Азбука СПб, 2010. – 256 с.
32. Шлинка, Б. Чтец : роман [Текст] / Б. Шлинка ; пер. с нем. Б. Хлебникова. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – 224 с.
33. Auerbach, V. Der Tolpatsch aus Amerika / V. Auerbach // Projekt Gutenberg-de. – URI: <https://www.projekt-gutenberg.org/autoren/namen/auerbach.html> (дата обращения: 25.12.2020).
34. Dörrie, D. Bin ich schön? [Text] / D. Dörrie. – Zürich : Diogenes Verlag, 1995. – 247 s.
35. Fontane, Th. Mathilde Möhring [Text] / Th. Fontane. – Hamburg : Gröls Verlag, 2019. – 100 s.
36. Kumpfmüller, M. Hampels Fluchten [Text] / M. Kumpfmüller. – Köln : Kiepenheuer & Witsch, 2000. – 494 s.
37. Schlink, B. Das Wochenende [Text] / B. Schlink. – Zürich : Diogenes, 2010. – 224 s.
38. Schlink, B. Der Vorleser [Text] / B. Schlink. – Zürich : Diogenes, 1997. – 206 s.

39. Schlink, B. Die Frau auf der Treppe : Roman [Text] / B. Schlink. – Zürich : Diogenes, 2014. – 244 s.
40. Schlink, B. Die Gordische Schleife [Text] / B. Schlink. – Zürich : Diogenes-Taschenbuch, 1988. – 220 s.
41. Schlink, B. Die Heimkehr [Text] / B. Schlink. – Zürich : Diogenes, 2006. – 374 s.
42. Schlink, B. Gedanken über das Schreiben. Heidelberger Poetikvorlesungen [Text] / B. Schlink. – Zürich : Diogenes, 2011. – 85 s.
43. Schlink, B. Liebesfluchten : Geschichten [Text] / B. Schlink. – Zürich : Diogenes Taschenbuch, 2001. – 308 s.
44. Schlink, B. Olga [Text] / B. Schlink. – Zürich : Diogenes, 2018. – 312 s.
45. Schlink, B. Selbs Betrug [Text] / B. Schlink. – Zürich : Diogenes, 1984. – 298 s.
46. Schlink, B. Selbs Mord [Text] / B. Schlink. – Zürich : Diogenes, 2001. – 265 s.
47. Schlink, B. Sommerlügen : Geschichten [Text] / B. Schlink. – Zürich : Diogenes, 2010. – 278 s.
48. Schlink, B. Selbs Justiz [Text] / B. Schlink, W. Popp. – Zürich : Diogenes, 1987. – 298 s.
49. Witzel, F. Die Erfindung der Roten Armee Fraktion durch einen manisch-depressiven Teenager im Sommer 1969 [Text] / F. Witzel – Berlin : Matthes & Seitz. – 2015. – 817 s.

II

Научные издания общего плана

50. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет [Текст] / М. М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1975. – 502 с.
51. Бонвеч, Б. История Германии. В 2 т. Т. 2. От создания Германской империи до начала XXI века [Электронный ресурс] / Б. Бонвеч. – М. : Изд-во

«КДУ», 2008. – 672 с. — URL: <https://history.wikireading.ru/156848> (дата обращения: 14.03.2019).

52. Борозняк, А. И. Прошлое, которое не уходит : очерки истории историографии Германии XX в. [Текст] / А. И. Борозняк. – Екатеринбург : Изд-во Ур. ун-та, 2004 (ИПЦ «Изд-во УрГУ»). – 329 с.

53. Воротникова, А. Э. Миф в романе К. Вольф «Кассандра» : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.03 / Воротникова Анна Эдуардовна. – Воронеж, 2001. – 194 с.

54. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И. Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 140 с.

55. Гердер, И. Г. Идеи к философии истории человечества [Текст] / И. Г. Гердер. – М. : Наука, 1977. – 703 с.

56. Гинзбург, Л. Я. О психологической прозе. О литературном герое [Текст] / Л. Я. Гинзбург. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 704 с.

57. Добряшкина, А. В. Гротеск в творчестве Гюнтера Грасса : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.03 / Добряшкина Анна Владимировна. – Москва, 2005. – 160 с.

58. Есин, А. Б. Психологизм русской классической литературы : учебное пособие [Текст] / А. Б. Есин. – М. : Флинта, 2017.

59. Зарицкий, Б. Е. Людвиг Эрхард : секреты «экономического» чуда [Текст] / Б. Е. Зарицкий. – М. : Бек, 1997. – 289 с.

60. Кассинджер, Г. Дипломатия / Г. Кассинджер ; пер. с англ. В. В. Львова ; послесл. Г. А. Арбатова. – М. : Ладомир, 1997. – 850 с. – URL: <https://history.wikireading.ru/69225> (дата обращения: 14.03.2019).

61. Кессиди, Ф. От мифа к логосу : становление греческой философии [Текст] / Ф. Кессиди. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб. : Алатейя, 2003. – 360 с.

62. Кёнен, Г. Веспер, Энслин, Баадер. Немецкий терроризм : начало спектакля [Электронный ресурс] / Г. Кёнен. – Екатеринбург : Ультра. Культура, 2004. – 480 с. – (Жизнь Запрещенных Людей). – URL: <https://www.twirpx.com/file/1575062/> (дата обращения: 20.03.2019).

63. Кононенко, Б. И. Большой толковый словарь по культурологии [Текст] / Б. И. Кононенко. – М. : Вече : АСТ, 2003 (ОАО Ярослав. полигр. комб.). – 509 с.

64. Кракауэр, З. Психологическая история немецкого кино. От Калигари до Гитлера [Электронный ресурс] / З. Кракауэр. – М. : Искусство, 1977. – 352 с. – URL: <https://www.twirpx.com/file/743682/> (дата обращения: 15.03.2019).

65. Кренц, Э. Осень 1989 года [Текст] / Э. Кренц ; пер. с нем. А. А. Белин. – М. : Изд-во Московского гуманитарного ун-та, 2009. – 440 с.

66. Кристева, Ю. Избранные труды : Разрушение поэтики [Текст] / Ю. Кристева ; пер. с фр. Г. К. Косиков, Б. П. Нарумов. – М. : РОССПЭН, 2004. – 656 с.

67. Ларионова, М. Ч. Миф, сказка и обряд в русской литературе XIX века [Текст] / М. Ч. Ларионова. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. Ун-та, 2006. – 256 с.

68. Литвин, Г. А. На развалинах третьего рейха, или маятник войны. Размышления очевидца [Электронный ресурс] / Г. А. Литвин. – М. : Вперед, 1998. – 528 с. – URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/litvin_ga3/index.html (дата обращения: 15.03.2019).

69. Лосев, А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. Т. 1 [Текст] / А. Ф. Лосев // А. Ф. Лосев. Соч. в 9 т. – М. : Мысль, 1993. – 962 с.

70. Лосев, А. Ф. Диалектика мифа [Текст] / А. Ф. Лосев. – М. : Мысль, 2001. – 558 с.

71. Мелетинский, Е. М. От мифа к литературе [Текст] / Е. М. Мелетинский. – М. : Издательский центр РГГУ, 2001. – 168 с.

72. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа [Электронный ресурс] / Е. М. Мелетинский. – 3-е изд., репринтное. – М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. – 407 с. (Исследования по фольклору и мифологии Востока). – URL: http://biblio.imli.ru/images/abook/folklor/Meletinskij_E.M._Poetika_mifa._2000.pdf (дата обращения: 06.03.2019).

73. Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 2: Е–М [Текст] / Ин-т философии РАН ; научно-ред. совет : В. С. Степин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин. – М. : Мысль, 2001. – 634, [2] с.

74. Психологический словарь [Текст] / под ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. – 2-е изд., переаб. и доп. – М. : Педагогика-Пресс, 1999. – 440 с.

75. Раушинг, Г. Гитлер говорит. Зверь из бездны [Текст] / Г. Раушинг ; сост., автор предисловия А. Егазаров. – М. : Миф, 1993. – 384 с.

76. Рулинский, В. В. «Спор историков» в Германии : проблема ответственности за нацистские преступления [Текст] / В. В. Рулинский // Вестник славянских культур. – 2013. – № 1 (27). – С. 46–56.

77. Тахо-Годи, А. А. Греческая мифология [Текст] / А. А. Тахо-Годи. – М. : Искусство, 1989. – 304 с.

78. Томашевский, Б. В. Теория литературы. Поэтика : учеб. пособие [Текст] / Б. В. Томашевский ; вступ. статья Н. Д. Тamarченко ; комм. С. Н. Бройтмана при участии Н. Д. Тamarченко. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 334 с.

79. Чугунов, Д. А. Немецкая литература 1990-х годов : ситуация «поворота» [Текст] / Д. А. Чугунов ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006. – 288 с.

80. Шафранская, Э. Мифологизм современной литературы (В. Сорокин и литературная традиция) [Электронный ресурс] / Э. Шафранская. – URL: <http://www.literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1206020919&archive=1206184486> (дата обращения: 09.05.2018).

81. Шафранская, Э. Современная русская проза : мифопоэтический ракурс [Текст] / Э. Шафранская. – М. : URSS, 2014. – 211 с.

82. Шпеер, А. Воспоминания [Текст] / А. Шпеер. – Смоленск : Русич, 1997. – 700 с.

83. Шпенглер, О. Закат Европы [Электронный ресурс] / О. Шпенглер ; пер. с нем. Н. Ф. Гарелина. – Новосибирск : ВО «Наука», 1993. – 584 с. – URL:

https://royallib.com/book/osvald_shpengler/zakat_evropi.html (дата обращения: 05.03.2019).

84. Юнг, К. Психоанализ и искусство [Текст] / К. Юнг, Э. Нойманн. – Рефл-бук ; Ваклер, 1998. – 304 с.

85. Ярошенко, Л. В. Неомифологизм в литературе XX века : учебно-методическое пособие [Текст] / Л. В. Ярошенко. – Гродно : Изд-во ГрГУ, 2002. – 103 с.

86. Der deutsche Roman der Gegenwart [Text] / Hrsg. Von Wieland und Winfried Freund. – Stgt. : UTB, 2001. – 248 s.

87. Jaspers, K. Die Schuldfrage [Text] / R. Jaspers. – Heidelberg : Lambert Schneider, 1946. – 109 s.

88. Klein, O. G. Ihr könnt uns einfach nicht verstehen. Warum Ost- und Westdeutsche aneinander vorbeireden [Text] / O. G. Klein. – Eichborn Verlag, 2001 ; Pro-Business-Verlag, 2009.

89. Köhler, K. Alles in Butter : wie Walter Kempowski, Bernhard Schlink und Martin Walser den Zivilisationsbruch unter den Teppich kehren / K. Köhler. – Würzburg : Königshausen & Neumann, 2009. – 473 s. – URL: <https://books.google.ru/books?id=sYYHtDcoJHQC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 16.03.2021).

90. König, M. Poetik des Terrors. Politisch motivierte Gewalt in der deutschen Gegenwartsliteratur / M. König. – Bielefeld : Transcript, 2015. – 508 s. – URL:

<https://books.google.de/books?id=9NbGBgAAQBAJ&pg=PA232&lpg=PA232&dq=Christoph+Juergensen+ueber+Schlink&source=bl&ots=D3djfPqW->

[3&sig=ACfU3U3n4PwnYA5krWKopvJqbwnqxjT5rA&hl=ru&sa=X&ved=2ahU](https://books.google.de/books?id=9NbGBgAAQBAJ&pg=PA232&lpg=PA232&dq=Christoph+Juergensen+ueber+Schlink&source=bl&ots=D3djfPqW-3&sig=ACfU3U3n4PwnYA5krWKopvJqbwnqxjT5rA&hl=ru&sa=X&ved=2ahU)

[KEwiD79q6ztjpAhWJCewKHTdDCSgQ6AEwA3oEAcQAQ#v=onepage&q=C](https://books.google.de/books?id=9NbGBgAAQBAJ&pg=PA232&lpg=PA232&dq=Christoph+Juergensen+ueber+Schlink&source=bl&ots=D3djfPqW-3&sig=ACfU3U3n4PwnYA5krWKopvJqbwnqxjT5rA&hl=ru&sa=X&ved=2ahU)

[hristoph%20Juergensen%20ueber%20Schlink&f=false](https://books.google.de/books?id=9NbGBgAAQBAJ&pg=PA232&lpg=PA232&dq=Christoph+Juergensen+ueber+Schlink&source=bl&ots=D3djfPqW-3&sig=ACfU3U3n4PwnYA5krWKopvJqbwnqxjT5rA&hl=ru&sa=X&ved=2ahU) (дата обращения: 10.02.2019).

91. Meinecke, F. Die deutsche Katastrophe : Betrachtungen u. Erinnerungen [Text] / F. Meinecke. – Wiesbaden : Brockhaus, 1965. – 181 s.

92. Mircea, E. Myth, Dreams and Mysteries [Text] / E. Mircea ; Tr. By Phillip Mairet. – New York : Harper, 1960. – 342 p.

93. Mitscherlich, A. Die Unfähigkeit zu trauern : Grundlagen kollektiven Verhaltens [Text] / A. Mitscherlich, M. Mitscherlich. – München : Piper, 1999. – 264 s.

94. Moschytz-Ledgley, M. Trauma, Scham und Selbstmitleid : vererbtes Trauma in Bernhard Schlinks Roman “Der Vorleser” [Text] / M. Moschytz-Ledgley. – Marburg : Tectum-Verl., 2009. – 88 s.

95. Mueller-Schwefe, H-R. Sprachgrenzen : das sogenannte Obszöne, Blasphemische und Revolutionäre bei Guenter Grass und Heinrich Böll [Text] / H.-R. Mueller-Schwefe. – München : Claudius Verlag, 1978. – 206 s.

96. Münkler, H. Die Deutschen und ihre Mythen [Text] / H. Münkler. – Berlin : Rowohlt. – 2009. – 606 s.

97. Ausstellung “Deutsche Mythen seit 1945”. – URL: <https://www.hdg.de/zeitgeschichtliches-forum/ausstellungen/deutsche-mythen-seit-1945> (дата обращения: 23.05.2019).

98. Reinhäkel, H. Traumatische Texturen. Der 11. September in der deutschen Gegenwartsliteratur / H. Reinhäkel. – Bielefeld : Transcript, 2012. – 265 s. – URL: https://books.google.de/books?id=OHKiBQAAQBAJ&pg=PA178&lpg=PA178&dq=bernhard+schlink+mythen+und+stereotypen&source=bl&ots=easiW_6Lv5&sig=ACfU3U3ehdSv93Yi9mq2USvZDmvUZ-CUcA&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKEwj_3pbw9jpAhUMqxoKHT3GAmYQ6AEwAnoECAkQAQ#v=onepage&q=bernhard%20schlink%20mythen%20und%20stereotypen&f=false

III

Отдельные статьи и публикации

99. Андриенко, В. П. Феномен прошлого в творчестве Бернхарда Шлинка (на примере романа «Чтец») / В. П. Андриенко, Е. А. Околова //

Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. –2015. – № 1 (9). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-proshlogo-v-tvorchestve-bernharda-shlinka-na-primere-romana-chtets> (дата обращения: 10.04.2019).

100. Балла, О. Томас Манн. Воспитание мифом [Электронный ресурс] / О. Балла // Перемены. – 2010. – 6 июня. – URL: <https://www.peremeny.ru/blog/5330> (дата обращения: 02.03.2019).

101. Богомолов, Н. Несколько размышлений на заданную тему [Текст] / Н. Богомолов // Новое литературное обозрение. – 2003. – № 59. – С. 179–189.

102. Войска Варшавского договора [Электронный ресурс]. – URL: <https://topwar.ru/8245-voyska-varshavskogo-dogovora.html> (дата обращения: 20.03.2019).

103. Генис, А. Размышления аполитичного Томаса Манна в российском контексте [Электронный ресурс] / А. Генис, Б. Парамонов // Радио Свобода. – 2016. – 22 февраля. – URL: <https://www.svoboda.org/a/27567138.html> (дата обращения: 19.03.2020).

104. Гепперт, М. Германский опыт приватизации [Электронный ресурс] / М. Гепперт. – URL: http://ecsocman.hse.ru/data/280/911/1217/10_Geppert.pdf (дата обращения: 16.03.2019).

105. Германия после Версальского договора [Электронный ресурс] // Всемирная история. – URL: http://www.world-history.ru/countries_about/2244.html (дата обращения: 14.03.2019).

106. Германская Демократическая Республика. Политическое управление ГСВГ – 1984 г. [Электронный ресурс] / под общ. ред. генерал-полковника А. Д. Лизичева. – URL: <http://gsvg88.narod.ru/buch-DDR/ddr.htm> (дата обращения: 02.03.2020).

107. Глухова, Н. В. Особенности передачи идиостиля автора на примере перевода модальных глаголов в романе Б. Шлинка «Чтец» [Электронный ресурс] / Н. В. Глухова // Язык и культура (Новосибирск). – 2015. – № 20. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-peredachi->

idiostilya-avtora-na-primere-perevoda-modalnyh-glagolov-v-romane-b-shlinka-
chtets (дата обращения: 15.01.2019).

108. Женин, И. Левый терроризм в Германии [Электронный ресурс] / И. Женин // Постнаука. – 2015. – 11 марта. – URL: <https://postnauka.ru/video/42423> (дата обращения: 02.03.2020).

109. Жизнь мифа в античности [Текст]. В 2 ч. : материалы научной конф. «Випперовские чтения – 1985» / под общ. ред. И. Е. Даниловой. – Вып. XVIII. – Ч. 2. – М. : Сов. Художник, 1988. – 464 с.

110. Иванова, Е. С. «Преодоление прошлого» в романе Б. Шлинка «Чтец» [Электронный ресурс] / Е. С. Иванова // Система ценностей современного общества. – 2010. – № 16. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/preodolenie-proshlogo-v-romane-b-shlinka-chtets> (дата обращения: 13.03.2019).

111. Ионкис, Г. Метаморфозы Мартина Вальзера [Электронный ресурс] / Г. Ионкис // Новый континент. – 2015. – 23 ноября. – URL: <https://www.kontinent.org/metamorfozy-martina-valsera/> (дата обращения: 03.03.2020).

112. Капцов, О. «Искандер-М» против «Першинга-2» [Электронный ресурс] / О. Капцов. – URL: <https://topwar.ru/68512-iskander-m-protiv-pershing-2.html> (дата обращения: 20.03.2019).

113. Кауганов, Е. Л. «Спор Гольдхагена» : реактуализация проблемы вины в контексте национальной идентичности ФРГ в 1990-е годы [Электронный ресурс] / Е. Л. Кауганов // Вестн. Перм. ун-та. – Сер. История. – 2015. – № 4 (31). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spor-goldhagena-reaktualizatsiya-problemy-viny-v-kontekste-natsionalnoy-identichnosti-frg-v-1990-e-gody> (дата обращения: 30.03.2021).

114. Кёнен, Г. Между страхом и восхищением : «Российский комплекс» в сознании немцев, 1900–1945 [Электронный ресурс] / Г. Кёнен // ВикиЧтение. – URL: <https://history.wikireading.ru/374740> (дата обращения: 02.03.2019).

115. Кёниг, Х. Память о национал-социализме, Холокосте и Второй мировой войне в политическом сознании ФРГ [Электронный ресурс] / Х. Кёниг // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3. – URL: <http://www.zh-zal.ru/nz/2005/2/ke11.html> (дата обращения: 26.03.2019).

116. Конституция Германской империи [Электронный ресурс]. – 2005. – 09 марта – URL: <http://www.law-students.net/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=261&page=1> (дата обращения: 13.03.2019).

117. Космач, В. А. Унижение в Версале : итоги Первой мировой войны для Германии [Электронный ресурс] / В. А. Космач // Псковский военно-исторический вестник. – 2015. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/unizhenie-v-versale-itogi-pervoy-mirovoy-voyny-dlya-germanii> (дата обращения: 17.06.2021).

118. Кудашова, Н. Н. Основы текстового антропоцентризма в лингвокогнитивном освещении (на материале романа Б. Шлинка «Чтец») [Электронный ресурс] / Н. Н. Кудашова // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. – 2011. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovy-tekstovogo-antropotsentrizma-v-lingvokognitivnom-osveschenii-na-materiale-romana-b-shlinka-chtets> (дата обращения: 23.04.2019).

119. Кудрявцева, И. Н. Бернхард Шлинка : рассказывая истории [Электронный ресурс] / И. Н. Кудрявцева // МНИЖ. – 2015. – № 4–2 (35). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bernhard-shlink-rasskazyvaya-istorii> (дата обращения: 19.04.2019).

120. Манн, Т. Германия и немцы [Электронный ресурс] / Т. Манн. – burusi. – 2014. – 11 октября. – URL: <https://burusi.wordpress.com/2014/10/11/томас-манн-германия-и-немцы/> (дата обращения: 19.03.2020).

121. Нефёдов, В. В. Формирование концепции «Биттерфельдского пути» / В. В. Нефёдов // Известия Пензенского государственного

педагогического университета им. В. Г. Белинского. – 2012. – № 27. – С. 851–857.

122. Николаева, О. О. О динамичности авторской картины мира (на материале романов Б. Шлинка) [Электронный ресурс] / О. О. Николаева // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2016. – № 7–1 (160). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-dinamichnosti-avtorskoy-kartiny-mira-na-materiale-romanov-b-shlinka> (дата обращения: 28.05.2020).

123. Нора, П. Проблематика мест памяти [Текст] / П. Нора // Франция-память. – СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. – С. 17–50.

124. Панченко, В. А. Философы эпохи Просвещения о взаимосвязи языка и «национального духа» как отражения самобытности культуры этноса [Текст] / В. А. Панченко // Царскосельские чтения. – 2014. – Т. 1, вып. XVIII. – С. 116–120.

125. Пенская, Е. Н. История студенческих протестов. 1968 г. в Европе. Хроника событий [Электронный ресурс] / Е. Н. Пенская // Вопросы образования. – 2008. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-studencheskih-protestov-1968-g-v-evrope-hronika-sobytyiy> (дата обращения: 20.03.2019).

126. Платицына, Н. И. Проблема «непреодоленного прошлого» в романе Б. Шлинка «Чтец» [Электронный ресурс] / Н. И. Платицына // Филологическая регионалистика. – 2015. – № 3–4 (15–16). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-nepreodolonnogo-proshlogo-v-romane-b-shlinka-chtets> (дата обращения: 28.03.2019).

127. Подкова, К. Депортация немцев из Восточной Европы [Электронный ресурс] / К. Подкова. – URL: <http://genocid.net/после-войны-восточно-европейцы-накинулись-на-немцев-как-стая-голодных-собак/> (дата обращения: 15.03.2019).

128. Пуховская, Н. Е. Особенности политической культуры Германии : искажение исторической памяти и формирование национальных мифов

[Текст] / Н. Е. Пуховская // Политика и культура. Проблемы взаимодействия в современном мире : сборник статей. – Будапешт – Киров, 2019. – С. 86–98.

129. Резник, В. Г. О писателе Томасе Манне и некоторых его произведениях (1875–1955) [Электронный ресурс] / В. Г. Резник // Литература Зарубежной Европы 20 века. – URL: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/articles-germaniya/reznik-o-pisatele-tomase-manne.htm> (дата обращения: 02.03.2019).

130. Рулинский, В. В. Преодоление нацистского прошлого в ФРГ. Феномен Гольдхагена [Электронный ресурс] / В. В. Рулинский // Современная Европа. – 2016. – № 5 (71). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/preodolenie-natsistskogo-proshlogo-v-frg-fenomen-goldhagena> (дата обращения: 30.03.2021).

131. Сейбель, Н. Э. Кучумова Г. В. Немецкоязычный роман 1980–2000 : курс на демифологизацию. – Самара : Изд-во САГА. 2009. – 152 с. [Электронный ресурс] / Н. Э. Сейбель // Известия Самарского научного центра РАН. – 2010. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kuchumova-g-v-nemetskojazychnyy-roman-1980-2000-kurs-na-demifologizatsiyu-samara-izd-vo-saga-2009-152-s> (дата обращения: 22.03.2019).

132. Стеженский, В. По биттерфельдскому пути [Текст] / В. Стеженский // Вопросы литературы. – 1964. – № 8. – С. 180–185.

133. Сотников, И. Историки проверят власти ФРГ времен Аденауэра на связи с нацистами [Электронный ресурс] / И. Сотников // Deutsche Welle. – 2016. – 26 ноября. – URL: <https://www.dw.com/ru/историки-проверят-власти-фрг-времен-аденауэра-на-связи-с-нацистами/a-36538161> (дата обращения: 17.03.2019).

134. Тихонова, О. В. Криминальная трилогия Б. Шлинка : немецкие аспекты детективного жанра [Текст] / О. В. Тихонова // Сб. материалов V Межд. научн. заоч. конф. – 06–07 окт. 2016. – Тольяттинский гос. ун-т ; Гуман.-педагог. ин-т. – Тольятти : Изд-во Тольят. гос. ун. — С. 293–299.)

135. Триумф воли [Электронный ресурс]. – URL: <https://war-documentary.info/triumph-des-willens/> (дата обращения: 14.03.2019).

136. Фукс, Р. Бывшие нацисты среди юристов : история министерства юстиции ФРГ/ Р. Фукс // Deutsche Welle, 2016. – 12 октября. – URL: <https://www.dw.com/ru/бывшие-нацисты-среди-юристов-история-министерства-юстиции-фрг/a-36024290> (дата обращения: 11.06.2019).

137. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память [Текст] / М. Хальбвакс // Память о войне 60 лет спустя : Россия, Германия, Европа. – М. : Новое литературное обозрение, 2005. – С. 16–50.

138. Херцог, В. Третий путь : Криста Вольф критиковала и ГДР, и ФРГ [Электронный ресурс] / В. Херцог // Deutsche Welle. – 2011. – 01 декабря. – URL: <https://www.dw.com/ru/третий-путь-криста-вольф-критиковала-и-гдр-и-фрг/a-658970> (дата обращения: 05.03.2020).

139. Хлебников, Б. Автор бестселлера и адвокат канцлера [Электронный ресурс] / Б. Хлебников // Deutsche Welle. – 2005. – 17 августа. – URL: <https://www.dw.com/ru/автор-бестселлера-и-адвокат-канцлера/a-1682214-1> (дата обращения: 20.02.2020).

140. Хлебников, Б. Феномен Грасса [Электронный ресурс] // Иностранная литература. – 2007. – № 1. – URL: <https://magazines.gorky.media/> (дата обращения: 02.02.2020).

141. Цапф, В. Германия : трансформация через объединение [Электронный ресурс] / В. Цапф, Р. Хабиш, Т. Бульман, Я. Делей. – С. 5. – URL: <http://ecsosman.hse.ru/data/286/144/1217/002.ZAPF.pdf> (дата обращения: 14.12.2018).

142. Чугунов, Д. А. Особенности репрезентации прошлого в прозе Бернхарда Шлинка [Электронный ресурс] / Д. А. Чугунов // Studia Litterarum. – 2020. – Т. 5. – № 2. – С. 186–201. – URL: [doi: 10.22455/2500-4247-2020-5-2-186-201](https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-2-186-201) (дата обращения: 14.02.2021).

143. Шарыпина, Т. Немецкая «Одиссея» Бернхарда Шлинка [Электронный ресурс] / Т. Шарыпина // Вестник ННГУ. – 2012. – № 1–2. –

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nemetskaya-odissey-a-bernharda-shlinka>
(дата обращения: 25.11.2018).

144. Шарыпина, Т. А. Миф и европейское литературное сознание XIX–XX вв. (проблемы мифопоэтики и мифотворчества в трудах нижегородских учёных) [Электронный ресурс] / Т. А. Шарыпина, М. К. Меньщикова, И. К. Полуяхтова // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – № 4 (32). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mif-i-evropeyskoe-literaturnoe-soznanie-hih-hh-vv-problemy-mifopoetiki-i-mifotvorchestva-v-trudah-nizhegorodskih-uchyonyh> (дата обращения: 29.05.2020).

145. Шпрёр, С. 1968 год : мечты, протесты, перемены [Электронный ресурс] / С. Шпрёр // Deutsche Welle. – 2014. – 19 июня. – URL: <https://www.dw.com/ru/1968-год-мечты-протесты-перемены/a-17710824> (дата обращения: 20.03.2019).

146. Ahne, P. Nicht nur Monster begehen Verbrechen / P. Ahne, S. Geyer // Frankfurter Rundschau. – 2013. – 11. April. – URL: <https://www.fr.de/kultur/nicht-monster-begehen-verbrechen-11271921.html> (дата обращения: 10.03.2020).

147. Alperstädt, M. Deutsche Gesellschaftsgeschichte : Wie kann man Nationalsozialismus und DDR vergleichen? / M. Alperstädt // DDR–Museum. – 2010. – 25. November. – URL: <https://www.ddr-museum.de/de/blog/archive/deutsche-gesellschaftsgeschichte-wie-kann-man-nationalsozialismus-und-ddr-vergleichen-geht-das-ueberhaupt> (дата обращения: 05.03.2020).

148. Angaben aus der Verlagsmeldung. – URL: http://deposit.dnb.de/cgi-bin/dokserv?id=3619740&prov=M&dok_var=1&dok_ext=htm (дата обращения: 15.04.2019).

149. Bierich, N. Kulturpornografie, Holo-Kitsch und Revisionismus. Der Vorleser kommt ins Kino / N. Bierich // Zeitgeschichte-online. – 2009. – 01. Februar. – URL: <https://zeitgeschichte-online.de/film/kulturpornografie-holo-kitsch-und-revisionismus> (дата обращения: 01.12.2018).

150. Bismarcks berühmte “Eisen und Blut”-Rede // Die Welt. – 2016. – 27. Sept. – URL: <https://www.welt.de/geschichte/kalenderblatt/article158393968/Bismarcks-beruehmte-Eisen-und-Blut-Rede.html> (дата обращения: 03.03.2020).
151. Braun, V. Kommt Zeit, kommen Räte [Text] / V. Braun // Die Geschichte ist offen. DDR 1990 : Hoffnung auf eine neue Republik. – Reinbeck b. Hamburg, 1990. – S. 16–20.
152. Carrasco, I. Deutsche Geschichte: Studentenbewegung / I. Carrasco // Planetwissen. – 2018. – 08. Mai. – URL: https://www.planetwissen.de/geschichte/deutsche_geschichte/studentenbewegung (дата обращения: 20.03.2019).
153. Cavelty, G. Rezensionennotiz zu Neue Zürcher Zeitung / G. Cavelty // Perlentaucher, 2006. – 22. April. – URL: <https://www.perlentaucher.de/buch/bernhard-schlink/die-heimkehr.html> (дата обращения: 29.12.2018).
154. Cizmecioglu, A. Bernhard Schlink : “Der Vorleser” / A. Cizmecioglu // Deutsche Welle. – 2018. – 07 Okt. – URL: <https://www.dw.com/de/bernhard-schlink-der-vorleser/a-43645228> (дата обращения: 08.06.2020).
155. Connolly, K. Bernhard Schlink : Deutschsein ist “eine riesige Belastung” / K. Connolly // The Guardian. – 2012. – 17. Sep. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2012/sep/17/interview-mit-bernhard-schlink> (дата обращения: 17.04.2019).
156. David, T. Vielleicht bin ich ein Volksschriftsteller / T. David // Die Welt. – 2014. – 06. Juli. – URL: <https://www.welt.de/kultur/literarischewelt/article129831833/Vielleicht-bin-ich-ein-Volksschriftsteller.html> (дата обращения: 17.04.2019).
157. Deißner, D. Ist “Der Vorleser” ein großer Roman? / D. Deißner, T. Lindemann // Die Welt. – 2007. – 07. Okt. – URL: <https://www.welt.de/kultur/article1241861/Ist-Der-Vorleser-ein-grosser-Roman.html> (дата обращения: 30.11.2018).

158. Der Terrorismus, ein Krebsgeschwür. – 2010. – 26. Jan. – URL: <https://www.buecherrezensionen.org/buecher/rezension/bernhard-schlink-das-wochenende.htm> (дата обращения: 04.12.2018).

159. Dörting, T. Schlinks RAF-Roman 'Wochenend' und Bullenschwein / T. Dörting // Der Spiegel. – 2008. – 28. Feb. – URL: <http://www.spiegel.de/kultur/literatur/schlinks-raf-roman-wochenend-und-bullenschwein-a-537727.html> (дата обращения: 04.12.2018).

160. Ein anregender Spaziergang in Bernhard Schlinks Gedanken // Klappentexterin und Herr Klappentexter. – 2011. – 09. Okt. – URL: <https://klappentexterin.wordpress.com/2011/10/09/ein-anregender-spaziergang-in-bernhard-schlinks-gedanken/> (дата обращения: 24.04.2019).

161. Erk, K. Narrative des Erinnerns zwischen Konstruktion und Dekonstruktion des Mythos RAF : Bernhard Schlinks Das Wochenende / K. Erk // Die Gewalt der Zeichen : Terrorismus als symbolisches Phänomen. – Bamberg : Hrsg. von Stefan Bronner, Hans-Joachim Schott, 2012. – (Bamberger Studien zu Literatur, Kultur und Medien). – S. 271–289. – URL: <https://www.google.de/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&cad=rja&uact=8&ved=2ahUKEwiHxLCCg4LjAhUli8MKHVFVAroQFjAAegQIARAC&url=https%3A%2F%2Fopus4.kobv.de%2Fopus4-bamberg%2Ffiles%2F46785%2FWochenende.pdf&usg=AOvVaw0jQ3IRlkbAArR44P0UUrEу> (дата обращения: 24.06.2019).

162. Evans, R. J. Zwei deutsche Diktaturen im 20. Jahrhundert? / R. J. Evans // Bundeszentrale für politische Bildung. – 2005. – 11. April. – URL: <https://www.bpb.de/geschichte/nationalsozialismus/dossier-nationalsozialismus/39640/zwei-deutsche-diktaturen> (дата обращения: 05.03.2020).

163. Ferri, M. Rezension : Bernhard Schlink – Die Frau auf der Treppe / M. Ferri // Buecherrezension. – URL: <https://buecherrezension.com/2014/09/05/rezension-bernhard-schlink-die-frau-auf-der-treppe-diogenes-2014/#comments> (дата обращения: 03.12.2018).

164. Fessen, G. Folgenreiche Fehlkalkulation / G. Fessen // Neues Deutschland. – 1997. – 06. Dez. – URL: <https://www.neues-deutschland.de/artikel/689997.folgenreiche-fehlkalkulation.html> (дата обращения: 02.03.2020).

165. Franzen, G. Das Buch, das Schweigen brach / G. Franzen // Deutschlandfunk Kultur. – 2012. – 11. Okt. – URL: https://www.deutschlandfunkkultur.de/das-buch-das-das-schweigen-brach.1005.de.html?dram:article_id=223894 (дата обращения: 02.03.2020).

166. Geissler, K. Die Königskinder, die zueinander kommen durften / K. Geissler // Frankfurter Rundschau. – 2018. – 13. Jan. – URL: <https://www.fr.de/kultur/literatur/koenigskinder-zueinander-kommen-durften-11038707.html> (дата обращения: 09.06.2020).

167. Glaser, R. Climate of migration? How climate triggered migration from southwest Germany to North America during the 19th century / R. Glaser, I. Himmelsbach, A. Bösmeier. – *Clim. Past*, 13. – P. 1573–1592. – URL: <https://doi.org/10.5194/cp-13-1573-2017>, 2017 (дата обращения: 17.02.2020).

168. Greiner, U. Einer, der etwas riskiert / U. Greiner // Die Zeit. – 2014. – 21. Aug. – Nr. 35. – URL: <https://www.zeit.de/2014/35/bernhard-schlink-roman> (дата обращения: 03.12.2018).

169. Gross, R. Kitsch und Tod / R. Gross // Frankfurter Allgemeine. – 2009. – 08. April. – URL: <https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/debatten/schlinks-vorleser-kitsch-und-tod-1784197.html> (дата обращения: 27.12.2018).

170. Heidemann, B. Bernhard Schlink erzählt vom Drama eines Jahrhunderts / B. Heidemann // Wiener Allgemeine Zeitung. – 2018. – 10. Jan. – URL: <https://www.waz.de/kultur/bernhard-schlink-erzaehlt-vom-drama-eines-jahrhunderts-id213072235.html> (дата обращения: 30.04.2019).

171. Heise, U. Bernhard Schlinks neue filmreife Story / U. Heise // Mitteldeutscher Rundfunk. – 2018. – 16. Jan. – URL: <https://www.mdr.de/kultur/themen/buch-bernhard-schlink-olga-100.html> (дата обращения: 30.11.2018).

172. Hempel, D. Otto von Bismarck – Dämon oder Genie? / D. Hempel // Norddeutscher Rundfunk. – 2015. – 01. April. – URL: <https://www.ndr.de/geschichte/Otto-von-Bismarck-Daemon-oder-Genie,bismarck234.html> (дата обращения: 03.03.2020).

173. Höschel, C. Bittersüßer Nachgeschmack / C. Höschel // Literaturkritik. – 2011. – Feb. – Nr. 2. – URL: <https://literaturkritik.de/id/15138> (дата обращения: 21.12.2018).

174. Jöst, E. Resolutheit und Verklemmung, Verlangen und Versagensangst Bernhard Schlink erzählt “Sommerlügen” / E. Jöst // Literaturkritik. – 2010. – Aug. – Nr. 8. – URL: <https://literaturkritik.de/id/14555> (дата обращения: 06.12.2018).

175. Kämmerlings, R. Täter, die im Regen stehen / R. Kämmerlings // F.A.Z. – 2008. – 01. März. – Nr. 52. – S. Z5. – URL: <https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/rezensionen/belletristik/bernhard-schlinks-raf-roman-taeter-die-im-regen-stehen-1515492-p2.html> (дата обращения: 04.12.2018).

176. Kriwet, H. Deutsche Geschichte. Wirtschaftswunder / H. Kriwet // Planet-wissen. – 2019. – 13. Juni. – URL: https://www.planet-wissen.de/geschichte/deutsche_geschichte/wirtschaftswunder/index.html (дата обращения: 08.07.2019).

177. Kummel, P. Ein ansprechender Roman, der aus der Krimi-Einheitskost hervorsticht / P. Kummel // Krimi-Couch. – 2003. – Mai. – URL: <https://www.krimi-couch.de/titel/729-selbs-betrug/> (дата обращения: 27.12.2018).

178. Kummel, P. Sympathisch : die Natürlichkeit der Charaktere / P. Kummel // Krimi-Couch.de. – 2003. – Mai. – URL: <https://www.krimi-couch.de/titel/728-selbs-justiz/> (дата обращения: 21.12.2018).

179. Kürten, J. Ein deutsches Jahrhundert: Bernhard Schlinks neuer Roman “Olga” / J. Kürten // Deutsche Welle. – 2018. – 12. Jan. – URL: <https://www.dw.com/de/ein-deutsches-jahrhundert-bernhard-schlinks-neuer-roman-olga/a-42114066> (дата обращения: 24.06.2019).

180. Leopold, A. Rezensionennotiz zu Die Tageszeitung / A. Leopold / Perlentaucher. – 2006. – 04. März. – URL: <https://www.perlentaucher.de/buch/bernhard-schlink/die-heimkehr.html> (дата обращения: 03.12.2018).

181. Loiperdinger, M. Rituale der Mobilmachung. Der Parteitagfilm “Triumph des Willens” von Leni Riefenstahl / M. Loiperdinger. – Opladen : Leske + Budrich, 1987. – URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-322-99477-6#authorsandaffiliationsbook> (дата обращения: 15.03.2019).

182. Magenau, J. Schreiben macht glücklich / J. Magenau // Tagesspiel. – 2014. – 04. Juli. – URL: <https://www.tagesspiegel.de/kultur/bernhard-schlink-zum-70-schreiben-macht-gluecklich/10154614.html> (дата обращения: 04.06.2020).

183. Mahfouz, L. Lesung und Rezension zu Bernhard Schlinks Roman “Olga” / L. Mahfouz // Kultumea. Kultur und mehr anders. – 2018. – 2. Okt. – URL: <https://www.kultumea.de/2018/10/02/lesung-und-rezension-zu-bernhard-schlinks-roman-olga/> (дата обращения: 29.05.2019).

184. Maidt-Zinke, K. Ein standesgemäßer Zeitvertreib / K. Maidt-Zinke // Die Zeit. – 2010. – 23. Sep. – Nr. 39. – URL: <https://www.zeit.de/2010/39/L-B-Schlink> (дата обращения: 05.12.2018).

185. Mannes, S. Demographische Verschiebungen in Deutschland 1945 / S. Mannes // Zukunft braucht Erinnerung. – 2018. – 20. Aug. – URL: <https://www.zukunft-braucht-erinnerung.de/demographische-verschiebungen-in-deutschland-1945/> (дата обращения: 27.02.2019).

186. Matteotti, S. Bernhard Schlink : Die gordische Schleife / S. Matteotti // Denkzeiten. – 2012. – 17. Juni. – URL: <https://denkzeiten.com/2012/06/17/bernhard-schlink-die-gordische-schleife/> (дата обращения: 27.12.2018).

187. May, N. Reiseführer in die Vergangenheit / N. May // Göttinger Tageblatt. – 2018. – 12. Jan. – URL: <http://www.goettinger-tageblatt.de/Nachrichten/Kultur/Weltweit/Reisefuehrer-in-die-Vergangenheit> (дата обращения: 16.04.2019).

188. Mohr, P. Schuld als Lebensthema. Zum 75. Geburtstag des Schriftstellers Bernhard Schlink am 6. Juli. / P. Mohr // Literaturkritik.de. – 2019. – Juli. – № 7. – URL: https://literaturkritik.de/public/rezension.php?rez_id=25811 (дата обращения: 10.03.2020).

189. Molitor, A. Mit dem Willen zur Macht / A. Molitor // Die Zeit. – 2015. – 15. Febr. – URL: <https://www.zeit.de/zeit-geschichte/2014/04/otto-von-bismarck-karriere> (дата обращения: 03.03.2020).

190. Moritz, R. Bernhard Schlink lässt Bismarck in die Luft fliegen / R. Moritz // Neue Zürcher Zeitung. – 2018. – 17. Jan. – URL: <https://www.nzz.ch/feuilleton/gesprengter-bismarck-ld.1347048> (дата обращения: 24.04.2019).

191. Müller, B. Der verschollene Akt / B. Müller // Süddeutsche Zeitung. – 2014. – 28. Aug. – URL: <https://www.sueddeutsche.de/kultur/bernhard-schlinks-roman-die-frau-auf-der-treppe-der-verschollene-akt-1.2105736> (дата обращения: 03.12.2018).

192. Mund, H. Protestjahr 1968 – Wie die Kultur-Revolution Deutschland veränderte / H. Mund // Deutsche Welle. – 2018. – 03. Mai. – URL: <https://www.dw.com/de/protestjahr-1968-wie-die-kultur-revolution-deutschland-ver%3%A4nderte/a-43615963> (дата обращения: 26.02.2019).

193. Platthaus, A. Vom holprigen Glück / A. Platthaus // Frankfurter Allgemeine. – 2018. – 18. Jan. – URL: <https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/rezensionen/belletristik/vom-holprigen-glueck-bernhard-schlinks-neuer-roman-olga-15402125.html> (дата обращения: 28.12.2018).

194. Rezension : “Olga” (Bernhard Schlink). – 27. März. – URL: <https://studierenichtdeinleben.wordpress.com/2018/03/27/rezension-olga-bernhard-schlink/> (дата обращения: 05.06.2020).

195. Rezension : “Olga” von Bernhard Schlink. – 26. August. – 2018. – URL: <https://emeraldnotes.de/2018/literatur/rezension-olga-von-bernhard-schlink/> (дата обращения: 05.06.2020).

196. Schmitz, M. Heimkehr als Utopie / M. Schmitz // Deutschlandfunk. – 2006. – 09. April. – URL: https://www.deutschlandfunk.de/heimkehr-als-utopie.700.de.html?dram:article_id=82670 (дата обращения: 03.12.2018).

197. Schulte, T. Oberlehrerhaft vorgetragene Trivialitäten Bernhard Schlinks neuer Roman “Die Frau auf der Treppe” enttäuscht / T. Schulte // Literaturkritik. – 2014. – Sep. – Nr. 9. – URL: <https://literaturkritik.de/id/19526> (дата обращения: 04.12.2018).

198. Schulz, F. Kursiv : Kollektive Verdrängung / F. Schulz // Deutschlandfunk. – 2000. – URL: https://www.deutschlandfunk.de/kursiv-kollektive-verdraengung.1310.de.html?dram:article_id=194124 (дата обращения: 03.03.2019).

199. Seibt, G. Rezensionenotiz zu Süddeutsche Zeitung / G. Seibt // Perlentaucher. – 2006. – 04. März. – URL: <https://www.perlentaucher.de/buch/bernhard-schlink/die-heimkehr.html> (дата обращения: 03.12.2018).

200. Sösemann, B. Wie der FU-Gründungsrektor 1945 die NS-Zeit analysierte / B. Sösemann // Der Tagesspiegel. – 2018. – 03. Dez. – URL: <https://www.tagesspiegel.de/wissen/friedrich-meineckes-die-deutsche-katastrophe-wie-der-fu-gruendungsrektor-1945-die-ns-zeit-analysierte/23708286.html> (дата обращения: 03.03.2020).

201. Spiegel, H. Wo ich bin, ist Deutschland / H. Spiegel // Deutschlandfunk. – 2011. – 21. August. – URL: https://www.deutschlandfunk.de/wo-ich-bin-ist-deutschland.700.de.html?dram:article_id=85206 (дата обращения: 21.12.2020).

202. Weidermann, V. Schund ist gefährlich für kleine Seelen. Odyssee des Bösen : Bernhard Schlink auf Irrfahrt durch den Dschungel der Geschichte / V. Weidermann // Frankfurter Allgemeine Zeitung. – 2006. – 15. März. – Nr. 63. – S. L2 – URL:

<http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/rezensionen/belletristik/schund-ist-gefaehrlich-fuer-kleine-seelen-1300241-p2.html> (дата обращения: 03.12.2018).

203. Wirtz, T. Immer nur lebenslänglich / T. Wirtz // Frankfurter Allgemeine Zeitung. – 2000. – 12. Feb. – Nr. 36. – S. V. – URL: <https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/rezensionen/belletristik/rezension-belletristik-immer-nur-lebenslaenglich-110380.html> (дата обращения: 06.12.2018).

204. Zapf, W. Die sich stabilisierende Transformation – ein deutscher Sonderweg? / W. Zapf., R. Habich (eds.) // Wohlfahrtsentwicklung im vereinten Deutschland. Sozialstruktur, sozialer Wandel und Lebensqualität. – Berlin : Edition Sigma, 1996. – S. 329–350.